

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

Д. И. ШПОЛЯНСКИЙ

М О Н О П О Л И И
УГОЛЬНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ЮГА РОССИИ
в начале XX века

(К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ
МОНОПОЛИИ И КОНКУРЕНЦИИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1953

Ответственный редактор
проф. А. П. ПОГРЕБИНСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа Д. И. Шполянского, погибшего в 1941 году на фронте во время Великой Отечественной войны советского народа с гитлеровской Германией, посвящена одной из сторон важной и сравнительно мало исследованной проблемы монополистических организаций русского капитализма.

Советские исследователи, вооруженные гениальным ленинско-сталинским учением об империализме, получили возможность изучать историю и характер деятельности монополий на единственно правильной научной основе. В советской литературе имеется ряд монографий и статей, посвященных монополистической стадии русского капитализма. Но историческое исследование деятельности отдельных промышленных и банковских монополий, изучение роли монополистических объединений в отдельных отраслях промышленности и районах страны у нас пока еще развернуто недостаточно.

Публикуемая работа Д. И. Шполянского в известной степени восполняет пробел в области специального углубленного изучения нескольких крупнейших монополий Юга России, особенно «Продамета» и «Продугля» с момента их возникновения до первой мировой войны.

Автор не ставил своей целью изложение теоретических проблем политической экономии; его книга носит историко-экономический характер и является попыткой проиллюстрировать на конкретном материале монополий дореволюционной России ленинско-сталинское учение о сохранении и обострении конкурентной борьбы при империализме.

Излюбленным утверждением идеологов империалистической буржуазии является тезис о полном прекращении конкурентной борьбы в результате появления монополий. Большинство буржуазно-апологетических и всевозможных оппортунистических теорий империализма в качестве исходной позиции выдвигают именно это положение.

Поэтому в ленинско-сталинской теории империализма особое место отведено обоснованию положения о неустранимости конкуренции в условиях монополистического капитализма.

В своем гениальном труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин показал, что монополии, «вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»¹.

Подробно перечисляя методы конкурентной борьбы монополий с аутсайдерами, Ленин заканчивает это перечисление следующей общей характеристикой:

«Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»².

В трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина показано огромное обострение конкурентной борьбы при империализме, принимающей самые разнообразные формы: от борьбы за распределение прибыли внутри монополистических корпораций до вооруженной борьбы за захват источников сырья и рынков сбыта и монопольное обладание ими.

Указания В. И. Ленина и И. В. Сталина о сохранении конкуренции и ее особенной остроте и разрушительности при империализме, о том, что конкурентная борьба и анархия производства могут быть уничтожены только в результате свержения капиталистического строя и ликвидации частной собственности на средства производства, имеют исключительно важное значение в борьбе со всевозможными апологетическими буржуазными и псевдо-социалистическими реформистскими теориями.

Возникшая в годы первой мировой войны каутскианская теория «ультраимпериализма» исходила из того ложного положения, что монополии, устраняя конкурентную борьбу и анархию производства, делают возможным создание единого мирового сверхтреста, который объединил бы в своих руках все хозяйство. Разоблачая оппортунистическую сущность этой теории, В. И. Ленин отмечал, что империализм немислим без крайнего обострения противоречий капитализма и усиления конкурентной борьбы. «Конечно, монополия при капитализме, — писал В. И. Ленин, — никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции с всемирного рынка (в этом, между прочим, одна из причин вздорности теории ультра-империализма)»³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 253.

² Там же, стр. 194.

³ Там же, стр. 263.

Впоследствии на VIII съезде партии в 1919 г., в борьбе с бухаринской ревизионистской теорией «чистого» империализма, Ленин вновь указывал на сохранение конкурентной борьбы при империализме. «Нигде в мире,— разъяснял он,— монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать»¹.

Контрреволюционная бухаринская теория «организованного капитализма», экономические теории современных буржуазных экономистов и социал-реформистов целиком основаны на лживом утверждении о возможности устранения конкуренции и создания «планового» хозяйства при империализме.

Тезис о возможности планирования и создания безкризисного хозяйства при капитализме является также центральным и в лжеучениях правосоциалистических предателей. Однако вся эта демагогическая болтовня опровергается практикой, которая со всей наглядностью показывает, что государственно-монополистический капитализм не только не смягчает, а усиливает конкурентную борьбу. Капиталистические монополии, подчинив себе аппарат государственной власти, используют его для удушения отдельных разрозненных предприятий, для проведения политики принудительного синдицирования, захвата источников сырья, водной энергии, топлива и т. д.

В этой связи работа Д. И. Шполянского, рассматривающего конкурентную борьбу крупнейших русских монополий не изолированно, а в связи с историей их возникновения и развития, представляет особый интерес.

Поставив своей главной задачей проиллюстрировать на примере важнейших синдикатских объединений Юга России известное теоретическое положение В. И. Ленина о том, что монополии не устранили, а, наоборот, усугубили и обострили конкурентную борьбу, Д. И. Шполянский вместе с тем освещает историю возникновения и организационную структуру синдикатских организаций Юга, удельный вес их в экономике объединяемых отраслей, личный состав монополий и т. д. В книге показано, что вся история монополий Юга России была связана с развитием самых разнообразных форм конкурентной борьбы.

В результате противодействия аутсайдеров, центральной группировке «Продмета» не удалось с самого начала создать единое монополистическое объединение, которое охватило бы продажу всех видов изделий, производимых на южных заводах. Вместе с тем борьба за господствующее положение в синдикате первоначально привела к тому, что некоторые

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 147.

крупные металлургические заводы отказались в него войти. Только с течением времени, подавляя сопротивление аутсайдеров, «Продамет» добился расширения группы синдицируемых предметов и включения новых предприятий в состав синдиката.

Специальная глава посвящена автором рассмотрению конкурентной борьбы «Продамета» с металлургической промышленностью Польши и Урала. Используя материалы съездов горнопромышленников Юга России и буржуазную периодическую печать, Д. И. Шполянский приводит много новых и интересных подробностей, характеризующих борьбу «Продамета» с уральским синдикатом «Кровлей». В последующих главах редактируемой книги рассматривается развитие самых разнообразных форм конкурентной борьбы внутри южных монополий и между ними. Читатель найдет здесь ряд ценных историко-экономических данных, касающихся отдельных предприятий, входивших в состав синдикатов. Большой интерес представляет также анализ материалов съездов горнопромышленников Юга России, отражающих борьбу различных группировок монополистического капитала.

В. И. Ленин и И. В. Сталин не только создали стройную и законченную теорию монополистической стадии капитализма в целом, но и блестяще определили особенности русского империализма.

Ленин подчеркивал, что в России «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»¹.

Говоря о существовании в царской России военно-феодального империализма, Ленин и Сталин вместе с тем охарактеризовали место ее в общей системе мирового империализма.

«Царская Россия,— писал товарищ Сталин,— была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат»².

Товарищ Сталин также отмечает роль царизма как сторожевого пса империализма на востоке Европы, как агентуру «западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы...»³ и как союзника империалистических держав по дележу Турции, Персии, Китая и т. д.

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 246.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1952, стр. 5.

³ Там же.

Глубочайшие ленинско-сталинские положения о русском империализме являются научно-творческой основой для изучения экономики дореволюционной России в начале XX в. и определения характера русских монополий.

Новый гениальный труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», содержащий глубоко разработанные теоретические положения политической экономии социализма и освещающий советскому народу пути перехода от социализма к коммунизму, вместе с тем имеет важнейшее значение и для изучения экономики капиталистических стран.

Товарищ Сталин открыл основной экономический закон современного капитализма. Главные черты и требования этого закона состоят в обеспечении «...максимальной капиталистической прибыли путём эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путём закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путём войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»¹.

Конечно, дореволюционная царская Россия, как подчеркивал И. В. Сталин, «... не была и не могла быть классической страной империализма»². К тому же действие открытого И. В. Сталиным закона с особой силой проявилось в период общего кризиса капитализма. Вместе с тем, погоня могущественных синдикатских объединений за максимальной прибылью имела место в дореволюционной России и в значительной степени определяла всю политику монополистического капитала.

Не менее важное значение для конкретно-исторического исследования русского монополистического капитализма имеет сталинское положение о том, что при империализме происходит подчинение государственного аппарата монополиям.

Д. И. Шполянский, закончивший свою работу в 1940 г., не мог опереться на эти указания И. В. Сталина. Но собранный в данной работе большой фактический материал о прибылях русских монополий и их взаимоотношениях с царским правительством ярко иллюстрирует антинародную политику «Продамета» и «Продугля» по сокращению производства и организации «угольно-металлического голода» в стране, ожесточенную борьбу этих синдикатов между собой и с другими монополистическими объединениями, торможение синдикатскими запра-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат. М., 1952, стр. 38.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 4.

вилами технических усовершенствований в металлургии. В монографии Д. И. Шполянского собрано немало фактических данных, отражающих правительственную политику по отношению к монополиям, выразившуюся в систематической поддержке монополистического капитала.

Так, например, на стр. 35—38 содержатся интересные сведения о покровительственной политике царизма по отношению к металлургической и каменноугольной промышленности.

Важное значение для южных монополий имела политика правительственных субсидий, премий и очень выгодных казенных заказов крупнейшим металлургическим и топливным предприятиям страны. В погоне за максимальной прибылью отдельные группировки монополистического капитала пытались полностью сосредоточить в своих руках правительственные заказы на рельсы, металлические скрепления и прочие металлические изделия; эта борьба не прекращалась на всем протяжении существования «Продамета».

Д. И. Шполянский изучил также весьма интересные факты о деятельности находившегося в правительственном ведении Комитета по распределению казенных заказов. Эта организация целиком действовала в интересах металлургических монополий, и заправила «Продамета» фактически играли в ней решающую роль. Даже тогда, когда частные железнодорожные компании выступили с протестом против деятельности Комитета и потребовали предоставления дорогам права приобретать необходимые материалы вне посредничества Комитета, их притязания были отклонены, и «деятели» «Продамета» могли торжествовать полную победу.

В книге приведены убедительные факты, характеризующие вмешательство иностранных правительств во внутренние дела России для защиты интересов монополистических групп (стр. 125—126), а также большое количество материалов, подтверждающих поддержку монополистического капитала царизмом.

Написанная 12 лет тому назад работа Д. И. Шполянского сохранила свое научное значение и в настоящее время, так как впервые столь подробно и обстоятельно, на основе привлечения обширного фактического и статистического материала, показывает конкурентную борьбу важнейших монополий Юга России и вместе с тем характеризует важнейшие черты их деятельности.

Появившиеся за истекший период новые интересные исследования тесно связаны с темой настоящей книги. П. И. Лященко на основании обнаруженного им в Московском областном архиве контрагентского договора «Продамета» с заводом

Гужона на 1909—1912 гг. привел много новых интересных данных, характеризующих политику цен, проводимую этим синдикатом, и методы борьбы его за монопольное господство¹.

Работы Лященко и Шполянского весьма удачно дополняют друг друга.

Д. И. Шполянский в своей работе стремился, на основании имевшихся в его распоряжении материалов и литературы, осветить формы и характер конкурентной борьбы «Продамета» и «Продугля» и частично синдиката «Продаруд», в то время как П. И. Лященко ставил своей целью дать общий обзор истории «Продамета». Характерно, что, касаясь одних и тех же вопросов, указанные авторы приходят к одинаковым выводам взаимно дополняя друг друга своей аргументацией. Так, например, приведенные Д. И. Шполянским данные об организационной структуре «Продамета» и его выводы о том, что синдикат являлся сложным монополистическим объединением (стр. 54), подтверждаются позднейшим исследованием П. И. Лященко.

Автор настоящей книги пытается, хотя это ему не всегда удается, исследовать конкурентную борьбу монополий в связи с общими условиями их хищнической деятельности и той социально-экономической средой, которая их окружала.

Работа Д. И. Шполянского основана на изучении значительного круга отчетно-ведомственной статистической, а также специальной периодической литературы. Многочисленные отчетные материалы различных представительных организаций и съездов буржуазии являются важным источником по истории монополистического капитализма в России. Труды съездов горнопромышленников Юга России содержат многочисленные фактические и статистические данные, характеризующие развитие металлургической и каменноугольной промышленности, проникновение в эти отрасли иностранного капитала, взаимоотношения монополистического капитала с правительством и т. д. На съездах играли господствующую роль воротилы монополистического капитала Ясюкович, Авдаков, Фон-Дитмар и др. Их речи отражали позиции империалистической буржуазии в таких вопросах, как таможенные пошлины, железнодорожные тарифы, казенные заказы. В трудах съездов горнопромышленников довольно полно и подробно представлена история возникновения «Продамета» и дальнейшее развитие этого синдиката. Материалы съездовских трудов проливают некоторый свет на слабо выясненные в предшествующей литературе попытки монополистического капитала

---

¹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, М., 1952, т. II, стр. 296—327.

создать в России единый металлургический трест, который объединил бы все существовавшие предприятия южного, уральского и польского районов.

Используя материалы съездов горнопромышленников, автор показал преступную антинародную деятельность синдикатских организаций, стремившихся в погоне за максимальной прибылью всемерно ограничить производительность объединяемых предприятий.

Д. И. Шполянский впервые широко (хотя все же не исчерпывающе) изучил отчетно-ведомственные издания представительных организаций русской империалистической буржуазии, извлек из этих источников свежий фактический материал и сделал интересные выводы и обобщения.

В книге не использованы архивные первоисточники, относящиеся к истории южных монополий, но этот пробел в значительной степени обусловлен независимыми от автора обстоятельствами, так как основные архивы русских монополий пока не обнаружены. Возможно, что накануне октября 1917 г. они были вывезены за границу или уничтожены.

Что касается отдельных архивных документов, то, как показывают последующие исследования, они разбросаны по различным местным архивам, и их отыскание связано с большими трудностями.

На основе всего вышеизложенного можно придти к выводу, что настоящая книга, посвященная подробному и всестороннему анализу деятельности южных монополий и особенно детально раскрывающая формы конкурентной борьбы этих объединений, явится полезным вкладом в научную литературу вопроса и окажет известную помощь в преподавании истории народного хозяйства в экономических вузах.

В работе Д. И. Шполянского имеют место также и отдельные недостатки и пробелы.

Автор не предпослал своей работе хотя бы краткого обзора предшествующей литературы, не уделил места критике буржуазных авторов, писавших о русских монополиях, не показал антинаучный, апологетический характер этой литературы. Отдельные замечания по этому вопросу, встречающиеся в книге, не могут, разумеется, заменить цельного историографического обзора, который помог бы автору более полно сформулировать и целевую установку его работы.

Между тем, авторы дореволюционной буржуазной экономической литературы, посвященной монополиям и состоящей из нескольких книг и брошюр, апологетически восхваляли синдикаты и всячески пытались оправдать их грабительскую деятельность. Значительная часть этой печатной продукции

принадлежит перу самих синдикатских «деятелей», таких, как Гливиц, Фармаковский, Рафалович и другие.

Когда ограничительная политика синдикатов приводила к скандальному повышению цен и это вызывало бурные протесты со стороны ограбляемых потребителей, виднейшие участники синдикатов, в противовес появлявшимся в буржуазной печати разоблачениям, выступали со своими явно лживыми, дезориентирующими читателей «трудами».

Крупный московский металлзаводчик и участник «Продамета» Ю. Гужон, накануне первой мировой войны, в разгар «металлического голода», к которому пришла страна в результате своекорыстной деятельности монополистического капитала, не постеснялся выступить в печати с заявлением о том, будто синдикаты оказывают сдерживающее влияние на уровень цен и в то же время всемерно расширяют производство¹.

Но не только печатная продукция самих монополистических хищников носила столь лживый, апологетический характер. Не намного выше этих публикаций стоят труды буржуазных экономистов И. Гольдштейна, Л. Кафенгауза, которые в несколько более завуалированной форме выступали в защиту интересов монополистического капитала.

Характеризуя мировую буржуазную экономическую литературу, посвященную монополиям, В. И. Ленин указывал, что наряду с явными, циничными империалистами, в откровенной форме восхвалявшими империализм, среди буржуазных ученых наиболее распространены замаскированные защитники монополий, которые выступают «...в несколько прикрытой форме, затушевывая полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности, усиливаясь отвлечь внимание от существенного совершенно несерьезными проектами «реформ» вроде полицейского надзора за трестами или банками и т. п.»².

В качестве особой разновидности буржуазной экономической литературы В. И. Ленин отмечает также мещанскую критику империализма, отражающую протест мелкой и средней буржуазии, разоряемой монополиями³.

В русской буржуазной экономической литературе имели место все указанные Лениным направления, но, пожалуй, наиболее влиятельными были те из них, которые откровенно, либо в слегка завуалированной форме защищали интересы

---

¹ Ю. Гужон. Мнимый «голод» угля и чугуна. М., 1914.

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 272

³ См. там же, стр. 215.

монополий. Именно к этой категории должны быть отнесены отмеченные выше работы Гливица, Гольдштейна, Рафаловича и других¹.

Сокрушительная критика и разгром принципиальных позиций буржуазных авторов, разоблачение антинаучности и апологетичности их трудов является одной из задач советской экономической науки.

Совершенно правильно отмечая крупную роль иностранного капитала в развитии южной металлургии, автор вместе с тем не показал в своей книге, к каким социально-экономическим и политическим последствиям приводило его господство.

Этот пробел особенно досаден, так как апологетическая буржуазная литература в лице Брандта, Зива и других усиленно развивала версию о якобы исключительно прогрессивной роли иностранного капитала, оплодотворившего русскую металлургию усовершенствованной западноевропейской техникой.

В действительности предприятия, созданные иностранными акционерными компаниями, хотя и превосходили по своему техническому уровню наиболее устаревшие русские заводы, отнюдь не находились на уровне современной им, передовой западноевропейской техники.

Так, например, выписанное из Англии оборудование Юзовского металлургического завода значительно отставало от передовых образцов английской техники. Механизация труда на юзовских предприятиях была крайне незначительной. На угольных шахтах не было даже паровых двигателей, и применялись примитивные конские приводы².

Низкий уровень механизации труда и техническая отсталость характеризовали также и другие южные металлургические заводы, созданные иностранцами. На заводе Южно-Русского Днепропольского общества во всех наиболее трудоемких процессах преобладал тяжелый физический труд. Работа по загрузке мартеновских и доменных печей, по заполнению калибров раскаленным металлом и ряд других важнейших производственных операций производились исключительно вручную.

Весьма интересные данные, характеризующие техническую отсталость южных металлургических заводов, выстроенных иностранцами, приводит в своих воспоминаниях академик М. А. Павлов. Доменные печи Дружковского и Таганрогского

---

¹ И. Гливиц. Железная промышленность России. СПб., 1911; И. М. Гольдштейн. Благоприятна ли русская действительность для образования синдикатов и трестов? М., 1913; Я. Рафалович. Промышленные синдикаты за границей и в России. СПб., 1904.

² «Старая Юзовка. 1869—1905», Москва — Киев, 1937, стр. 33.

заводов, выстроенные по проекту бельгийского ученого Люрмана, были лишены самых элементарных предохранительных приспособлений, что приводило к частым авариям и взрывам. «Словом, на заводе, который выстроили бельгийцы,— писал академик Павлов,— я увидел столь нелепое и опасное колосниковое устройство, какого не встречал ни на одном из захолустных заводов Урала»¹.

Низкий уровень механизации металлургических заводов Юга, враждебное отношение иностранных акционеров к попыткам передовых русских инженеров усовершенствовать технологический процесс и заменить ручной труд машинами отмечены в самой разнообразной мемуарной литературе.

Вместе с оборудованием для металлургических заводов иностранные капиталисты ввозили в Россию своих инженеров и техников, а русских специалистов либо вовсе освобождали, либо переводили на низшие, менее оплачиваемые должности².

Хищнически используя природные богатства страны, доводя до пределов интенсивность труда рабочих, используя правительственные льготы, субсидии и исключительно выгодные казенные заказы, иностранные капиталисты получали в России огромные прибыли. Исключительно паразитическая, эксплуататорская роль иностранного капитала выступает особенно наглядно при сопоставлении размеров инвестируемых в России иностранных капиталов с получаемыми ими прибылями. По подсчетам Л. Эвентова, приток иностранных капиталов в Россию за период с 1887 по 1913 г. определялся в 1 783 млн. руб., а чистый доход на весь инвестированный иностранный капитал за эти же годы составил 2 326 млн. рублей³. Таким образом, превышение чистого дохода над вложениями за 26 лет равнялось 543 млн. руб. Только часть прибавочной стоимости оставалась на месте и шла в фонд накопления иностранного капитала, действовавшего в России. Другая часть прибавочной стоимости уходила за границу.

Все эти данные вдребезги разбивают лживые утверждения буржуазных апологетов о «прогрессивной миссии» иностранного капитала.

При всей ценности собранных автором фактических материалов о связях монополий с правительственным аппаратом, в книге не раскрыта в достаточной степени та общая социаль-

---

¹ Академик М. А. Павлов. Воспоминания металлурга, ч. I и II. М., 1943, стр. 228.

² См. П. И. Егоров. Иностранные капиталы и русские техники. СПб., 1900, стр. 3.

³ Л. Я. Эвентов. Иностранный капитал в русской промышленности. М.—Л., 1931, стр. 38.

но-экономическая обстановка, в которой рождались и действовали монополии. Между тем, такая общая вводная характеристика помогла бы автору более глубоко и всесторонне проанализировать собранные им фактические сведения, показать внутреннюю социальную сущность описываемых им явлений и тем самым повысить научно-теоретический уровень своей работы.

Изучая проблемы монополистического капитализма в России, следует постоянно иметь в виду известные указания В. И. Ленина о существовании здесь союза помещиков-крепостников с магнатами финансового капитала.

Сравнительно-историческая характеристика монополистического капитализма в различных странах свидетельствует о том, что финансовая олигархия использует в своих интересах правительственный аппарат и в тех случаях, когда он находится в руках у класса помещиков.

Процесс подчинения государственного аппарата монополиям осуществлялся и в дореволюционной России, хотя здесь — в стране помещичье-крепостнического самодержавия — он лишь начинался и не дошел до своего окончательного завершения, как это имело и имеет место в современных империалистических государствах. Обобщающая теоретическая постановка вопроса о русском монополистическом капитализме предохранила бы автора от некоторых неудачных и противоречивых формулировок, иногда встречающихся в книге.

Так, например, на стр. 38 Д. И. Шполянский заканчивает изложение вопроса о протекционистской политике царизма следующим замечанием: «Непосредственной целью покровительственной политики царского правительства было привлечь в Россию иностранные капиталы».

Такая характеристика, несомненно, является слишком односторонней. Нельзя, конечно, отрицать того, что самодержавие всемерно способствовало притоку иностранных капиталов, но вместе с тем в основе экономической политики царского правительства лежало стремление максимально поддерживать монополистический капитал в целом. Высокие таможенные тарифы создавали благоприятные условия для получения наивысших прибылей магнатами капитала как иностранного, так и русского происхождения.

Финансовая политика Витте была подчинена интересам монополистической буржуазии. В годы кризиса начала XX века Государственный банк, например, затратил десятки миллионов рублей для спасения от банкротства крупнейших банков и крупнейших компаний. «Горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II,— писал В. И. Ленин о России

1904—1916 гг.,— была у власти, в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала, которым доставались неслыханные в Европе прибыли и в пользу которых заключались грабительские договоры внешней политики»¹.

Все это свидетельствует о том, что нельзЯ всю покровительственную политику самодержавия выводить только из стремления привлечь иностранные капиталы. Некоторая недооценка автором служебной роли правительственного аппарата по отношению к южным монополиям проявилась также и в трактовке вопроса об организации Министерством путей сообщения казенных угольных разработок (стр. 117—118). НельзЯ забывать того, что добыча угля в казенных шахтах была ничтожной и она производилась только в годы предвоенного промышленного подъема, в условиях исключительно острого «топливного голода», так что интересы «Продугля» ничуть от этого не страдали.

Сравнительно мало места уделяет автор анализу взаимосвязей «Продамета» и его деятелей с банковскими монополиями. Почти никакого отражения не получила проблема сращивания промышленных монополий с банковским капиталом и образование финансового капитала. Правда, Д. И. Шполянский не ставил своей целью осветить все стороны деятельности южных монополий. Его внимание было, главным образом, сосредоточено на развитии форм конкурентной борьбы этих организаций, но даже в указанных рамках должен был найти какое-то отражение вопрос о персональных связях «Продамета» с банками.

Наконец, Д. И. Шполянский, подобно другим исследователям, изучавшим русские монополии, ограничивает хронологические рамки своей работы началом первой мировой войны. Таким образом, весьма своеобразный, завершающий период истории важнейших русских монополий совершенно выпадает. Между тем, в 1914—1917 гг. важнейшие синдикатские объединения, и в частности «Продамет», использовали условия военной экономики для еще большего обогащения.

В годы первой мировой войны конкурентная борьба «Продамета», стремление его вытеснить своих соперников и достигнуть безраздельного господства на металлическом рынке, вступила в новую фазу своего развития. «Продамет» использовал созданный царским правительством аппарат военного «регулирования» для усиления своего могущества и повышения монопольных прибылей.

НесмотрЯ на то, что доля «Продамета» в продаже металлических изделий на рынке сократилась, его роль как по-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 111.

ставщика металла для военного ведомства и промышленности, выполнявшей военные заказы, была решающей¹.

До какой степени «Продамет» грабил казну и наживался на выгодных военных поставках, свидетельствует история его взаимоотношений с организацией Уполномоченного Главного Артиллерийского Управления по заготовлению снарядов генерала Ванкова.

Указанная организация была создана в начале 1915 г. и сыграла довольно крупную роль в деле снабжения фронта снарядами. За двухлетний период организация Ванкова заготовила около 16 млн. снарядов на сумму около 500 млн. руб., что для масштабов царской армии было весьма значительной величиной².

Получив исключительные полномочия от военного ведомства и право устанавливать цены на поставляемые материалы «в соответствии с рыночными условиями», Ванков заключил договора на производство снарядов с многими предприятиями страны. Однако для изготовления снарядов, прежде всего, понадобилась сталь, и генералу Ванкову пришлось обратиться к «Продамету».

Уже первый договор с синдикатом на поставку 900 тысяч пудов мартеновской стали был составлен на условиях, исключительно невыгодных для казны. «Продамет» должен был поставлять сталь по высокой рыночной цене — 3 р. 25 к. за пуд. При этом синдикат оговаривал, что «не может принять на себя гарантии за точное соблюдение договорных сроков»³.

Последующие договоры «Продамета» с организацией Ванкова предусматривали непрерывное повышение договорной цены на сталь. Уже к концу 1915 г. Ванков платил «Продамету» по 4 руб. 35 коп. за пуд, а в течение 1916 г. цены несколько раз изменялись в сторону повышения.

Имея возможность постоянно повышать цены, «Продамет» скрывал свои запасы металлов от «регулирующих» органов царского правительства. К сожалению, эта сторона спекулятивной деятельности синдиката мало отражена в существующих источниках; коммерческая тайна ограждала капиталистические предприятия от «нескромных» глаз. Когда Уполно-

¹ В 1916 г. заказы «Продамету» со стороны частных потребителей металла сократились по сравнению с 1913 г. на 26,5%. Особенно сильно уменьшилось снабжение теми видами металлоизделий, которые применялись для строительных целей. Заказы на балки и швеллеры за 3 года сократились с 5,7 до 1,5 млн. пуд. («Вестник банков и промышленности», 1916, № 13—14, стр. 9).

² История организации Уполномоченного ГАУ — генерал-майора С. Н. Ванкова 1915—1918 гг. М., 1918, стр. 1.

³ Там же, стр. 41.

моченный Особого совещания по обороне генерал Певцов запросил завод Гартмана о заводской себестоимости стали, то дирекция решительно отказалась дать ему такие сведения, ссылаясь на то, что они являются коммерческой тайной предприятия¹.

Буржуазная печать также замалчивала факты умышленного накопления металлических запасов на заводских складах в спекулятивных целях. Об этом имеются только косвенные данные. Так, из доклада крупнейшего участника «Продамета» Донецко-Юрьевского металлургического общества видно, что запасы металлов на складах общества к концу 1915 г. увеличились, по сравнению с этим же периодом прошлого года, на сумму в 1 250 тыс. руб.² Такой рост заводских запасов металла в то время, когда многие предприятия вынуждены были из-за нехватки металла приостанавливать выполнение военных заказов, можно объяснить только преднамеренной спекулятивной политикой «Продамета». Спекулятивное вздувание цен на металл было не единственным методом обогащения заводов, входивших в состав «Продамета». Большинство из них в годы войны приняло на себя выполнение чрезвычайно выгодных заказов на изготовление артиллерийских снарядов. Из выборочного обследования 62 крупных предприятий, произведенного В. Шарым, следует, что официально учтенная прибыль металлургических заводов в 1916 г. составляла 50%, а в металлообрабатывающей промышленности она доходила до 81%³.

Особенно высокая прибыльность производства снарядов приводила к тому, что самые различные отрасли промышленности принимали на себя их изготовление, что вызывало сокращение производительности многих других важнейших отраслей и подрывало самые основы военного хозяйства. Так, «Продамет» в военные годы переключил ряд своих крупнейших заводов на производство снарядов. В 1916 г. при 12 южных заводах были выстроены специальные снарядные цеха, где ежемесячно производилось свыше миллиона трех- и шестидюймовых снарядов. При этом заводы получали гарантийные заказы по высоким ценам и авансы.

В погоне за максимальной прибылью заправили «Продамета» не останавливались перед такими сделками, которые по существу вели к срыву снабжения армии. Широкое распространение получил захват «Продаметом» казенных заказов

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. XVI, д. 23.

² Доклад правления Донецко-Юрьевского металлургического об-ва, общему собранию акционеров 23/ХІІ 1915 г.

³ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 33. (Далее: «Вестник финансов...»).

на боеприпасы свыше возможного их выполнения. Так, например, Никополь-Мариупольский завод в октябре 1915 г. принял на себя огромный заказ на изготовление 48-линейных бомб. Несмотря на то, что одновременно с заказом заводом был получен от казны аванс в 5,5 млн. руб., за счет которого и были выстроены специальные снарядные мастерские, правление не выполнило взятого на себя обязательства, поставив в течение 1916 г. в пять раз меньше снарядов, чем полагалось по договорным условиям¹.

Этот пример является характерным для отношений «Продамета» с военным ведомством. Постоянное запаздывание поставок снарядов, выполнение их в меньших размерах, чем это полагалось по условиям контрактов, было характерно и для Русско-Бельгийского общества, и для завода Гартмана, и для ряда других предприятий, входивших в состав «Продамета».

В годы войны наблюдалось дальнейшее усиление процесса монополизации. Крупнейшие металлургические общества Украины продолжали скупать железные рудники, каменноугольные шахты, значительно расширяли свои основные капиталы и превращались во все большей мере в разветвленные, комбинированные объединения, приближавшиеся по своей структуре к трестовским организациям.

Тенденция к перерастанию синдиката «Продамет» в капиталистическую монополию более высокого типа, как известно, наметилась еще в годы предвоенного промышленного подъема. Война способствовала дальнейшему развитию этого процесса. Наиболее ярко усиление вертикального комбинирования проявлялось в деятельности Донецко-Юрьевского металлургического общества. В течение 1914—1915 гг. это крупнейшее объединение приобрело ряд новых каменноугольных шахт и железных рудников. К концу 1915 г. на шахтах и рудниках, вошедших в состав общества, было произведено угля на 4 млн. пуд., а руды на 600 тыс. пуд. больше, чем в 1913 г.²

Наряду с этим, крупнейшие металлообрабатывающие предприятия страны за счет огромных субсидий и авансов военного ведомства скупали акции металлургических и каменноугольных обществ и поглощали их. Таким образом, война усложнила монополистические связи, существовавшие между участниками «Продамета». Вместе с тем, синдикат вытеснил всех своих соперников и добился безусловного господства в созданных царским правительством органах по снабжению металлами военной промышленности.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. IV, д. 53, лл. 7 и 11.

² Доклад правления Донецко-Юрьевского металлургического общества общему собранию акционеров 23/XII 1915 г.

На протяжении всего 1915 г. шла напряженная борьба между «Продаметом» и Центральным военно-промышленным комитетом, возглавляемым верхушкой московской буржуазии (Гучков, Коновалов, Рябушинский и др.). Эта борьба закончилась полной победой «Продамета», который добился роспуска созданного Центральным Военно-промышленным Комитетом Бюро по распределению заказов на металлы. Бойкот, организованный «Продаметом», привел к тому, что указанное Бюро оказалось совершенно беспомощной, нежизнеспособной организацией, которая вскоре и была ликвидирована. Когда же взамен этого Бюро был создан специальный Metallургический комитет при Особом совещании по обороне, то решающую роль в нем играли представители «Продамета».

На Metallургический комитет царское правительство возложило распределение металлов, причем в первую очередь должны были снабжаться предприятия, выполнявшие военные заказы. Согласно утвержденному Советом министров положению, синдикаты «Продамет» и «Кровля» должны были отпускать железо только по заявкам, утвержденным Metallургическим комитетом. Это отнюдь не означало усиления влияния правительства на metallургическую промышленность.

Напротив, монополистический капитал быстро приспособился к новым условиям и использовал их в своих интересах. Решающую роль во всей деятельности Metallургического комитета играли представители «Продамета» Гливиц и Тикстон. Распределение заказов на чугун и железо между отдельными заводами производилось Metallургическим комитетом либо по согласованию с «Продаметом», либо через его посредство¹.

Вся повседневная, практическая деятельность органов царского правительства, созданных для снабжения армии, полностью соответствовала интересам монополистического капитала. Даже в тех случаях, когда «Продамет» незаконно превышал цены по договорным обязательствам или когда в погоне за прибылью становился на путь дезорганизации работы предприятий, выполнявших военные заказы, он оставался совершенно безнаказанным. Вот характерный пример: Киевский военно-промышленный комитет обратился с жалобой на «Продамет», превысивший договорную цену на металл, задолго до истечения срока, установленного договором. При обсуждении этого вопроса в Metallургическом комитете представитель «Продамета» Тикстон «разъяснил», что при заказах на продолжительный срок нельзя де строго придерживаться договорной

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. XV, д. 2, лл. 79—110.

цены без учета изменяющейся рыночной конъюнктуры. Поэтому «Продамет» в дальнейшем свои договорные обязательства на поставку металлов по определенным ценам будет принимать лишь на кратчайший период после заключения договора; в течение же всего остального договорного срока за «Продаметом» будет сохранено право изменять цены в соответствии с изменяющимися условиями.

В духе этого «разъяснения» и было принято решение Metallургического комитета¹.

Полное подчинение деятельности созданного правительством Metallургического комитета интересам монополистического капитала наиболее ярко проявились в вопросе о ценах.

Столкнувшись с непрерывным ростом цен на металлы, Особое совещание по обороне еще с конца 1915 г. сделало робкую попытку нормирования их. Для этой цели военное ведомство пыталось выяснить себестоимость металла на крупнейших заводах, расположенных на Украине. Однако эта попытка закончилась полным провалом из-за отказа «Продамета» представить материалы о заводской себестоимости металла.

Metallургическому комитету пришлось вынести решение об установлении цен на металлы по согласованию с «Продаметом», т. е. по существу целиком подчиниться всем требованиям монополистического капитала. На заседании Metallургического комитета от 22/III 1916 г. кадет Шингарев подчеркивал, что установление цен на металлы должно быть произведено с участием синдикатов и при этом необходимо предусмотреть «справедливую прибыль».

Бесплодные попытки установить твердые цены на металлы продолжались на протяжении всего 1916 г. Хотя специальным постановлением Совета министров от 23/VIII 1916 г. Министерству торговли и промышленности, по согласованию с военным министром, было разрешено устанавливать предельные цены на металлы, фактически эти цены непрерывно пересматривались и повышались. Установление повышенных «твердых» цен было основанием для еще более сильного повышения цен на черном рынке, который существовал на протяжении всей войны.

Таким образом, в важнейшем вопросе о ценах деятельность Metallургического комитета целиком вытекала из интересов монополистического капитала. Этот краткий обзор деятельности «Продамета» в годы войны свидетельствует об укреплении позиций синдиката, обогащении его и установлении внутри его тенденций к перерастанию в организацию трестовского типа.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. XVI, д. 143, л. 19.

Если бы Д. И. Шполянский дополнил свою книгу специальной главой, посвященной деятельности южных монополий в 1914—1917 гг., то он мог бы значительно обогатить свое исследование, осветив совершенно неизученный период в истории русских синдикатов.

Однако архивные документы фонда Особого совещания по обороне, в которых имеются интересные и новые сведения о деятельности «Продамета» в военный период, видимо, были неизвестны автору, равно как и другим исследователям, писавшим о «Продамете».

Несмотря на ряд недочетов, работа Д. И. Шполянского является полезным изданием, так как она дополняет литературу, посвященную экономической истории нашей страны в эпоху империализма.

А. П. Погребинский

Глава I

КРАТКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРНОПРОМЫШЛЕННОГО ЮГА РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В начале XX в. царская Россия вступила в новый период исторического развития — период империализма.

«Империализм,— писал В. И. Ленин,— есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть (1) — монополистический капитализм; (2) — паразитический или загнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм»¹.

В гениальном ленинском труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» указаны важнейшие признаки империализма, освещены его сущность и особенности по сравнению с до-монополистическим капитализмом. В. И. Ленин и И. В. Сталин охарактеризовали также специфические черты империализма в России, связанные с сохранением феодально-крепостнических пережитков. В работах В. И. Ленина и И. В. Сталина дан исчерпывающий анализ причин превращения России в слабое звено империалистической цепи, в узловой пункт всех противоречий империализма.

Важнейшей предпосылкой для появления монополий является высокий уровень концентрации производства.

«....Концентрация, на известной ступени ее развития,— указывает В. И. Ленин,— сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии. Ибо несколькими десяткам гигантских предприятий легко придти к соглашению между собою, а с другой стороны затруднение конкуренции, тенденция к

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 94.

монополии порождается именно крупным размером предприятий»¹.

В дореволюционной России социально-экономические предпосылки для перехода к монополистической стадии капитализма создавались в конце XIX в. и особенно во время промышленного подъема 90-х годов.

Последние два десятилетия XIX в. были периодом исключительно быстрого развития горной и горнозаводской промышленности на Юге России. Крупное железнодорожное строительство, выгодные казенные заказы и субсидии, интенсивный прилив иностранных капиталов, поощряемый таможенным покровительством, льготами, субсидиями, премиями со стороны царского правительства, промышленный подъем второй половины 90-х годов,— все это создало предпосылки для бурного роста Донбасса и Криворожья. Горнопромышленный Юг выделялся на общем фоне отсталой российской промышленности, как сравнительно передовой район быстро развивающегося капитализма.

В. И. Ленин, давая сравнительную характеристику Урала и Юга, писал в «Развитии капитализма в России»:

«Изложенные данные о развитии горной промышленности представляют особенную важность в двух отношениях: во-1-х, они особенно наглядно показывают сущность той смены общественно-экономических отношений, которая происходит в России во всех областях народного хозяйства, во-2-х, они иллюстрируют то теоретическое положение, что в развивающемся капиталистическом обществе особенно быстро возрастают те отрасли промышленности, которые изготовляют *средства производства*, т. е. предметы не личного, а производительного потребления. Смена двух укладов общественного хозяйства сказывается на горной промышленности с особенной наглядностью вследствие того, что типичными представителями обоих укладов являются здесь особые районы: в одном районе (Уральском.— Д. Ш.) можно наблюдать докапиталистическую старину с ее примитивной и рутинной техникой, с личной зависимостью прикрепленного к месту населения, с прочностью сословных традиций, монополий и пр., в другом районе (Южном.— Д. Ш.) — полный разрыв со всякой традицией, технический переворот и быстрый рост чисто капиталистической машинной индустрии»².

Противопоставляя южную промышленность уральской, Ленин, таким образом, подчеркивал относительно высокий технический уровень и быстрые темпы развития молодой капиталистической индустрии Юга. Разумеется, устаревшая,

¹ Там же, т. 22, стр. 185.

² Там же, т. 3, стр. 431—432.

созданная еще в XVIII в. и основанная на древесном топливе, уральская металлургия не могла идти ни в какое сравнение с коксовой металлургией Юга.

В погоне за высокой прибылью в южную металлургическую промышленность устремился иностранный капитал, занявший здесь решающие позиции. Рассматривая процесс развития южной тяжелой промышленности, необходимо прежде всего отметить тесную взаимную связь между различными ее отраслями.

Горнопромышленный Юг развивался, как система взаимосвязанных и взаимозависимых отраслей индустрии: металлургической, каменноугольной, железорудной и железнодорожного транспорта.

Строительство железных дорог сыграло крупнейшую роль в развитии капиталистической промышленности южного района. Будучи в значительной мере вызвано потребностями металлургии и каменноугольной промышленности, оно, в свою очередь, чрезвычайно стимулировало добычу угля и производство металла.

Железнодорожный транспорт открыл для промышленной эксплуатации новые месторождения угля, обеспечил вывоз его на рынок. Железные дороги являлись важнейшим потребителем каменного угля и закупали ежегодно значительную часть всего вывозимого на рынок донецкого минерального топлива. Благодаря железнодорожному транспорту стала возможной переброска на большие расстояния каменного угля и железной руды для нужд металлургических заводов. Продукция последних также шла в значительной мере на нужды железных дорог, в частности, дорог южного района.

Начало интенсивного роста добычи минерального топлива на Юге относится к периоду 70-х годов, когда закончилась постройка главных железнодорожных магистралей. В 1869 г. была открыта Курско-Харьково-Азовская ж. д. (от Курска через Харьков на Ростов), которая пересекла западную часть Донецкого района.

В 1871—1872 гг. вступила в эксплуатацию Козлово-Воронежско-Ростовская ж. д., соединившая антрацитовые копи восточной части Донбасса с общей сетью железных дорог. Харьковско-Николаевская, Лозово-Севастопольская и Мариупольская железные дороги открыли выход минеральному топливу к Черному морю, а Фастовская железная дорога — к сахарным заводам Украины. Донецкая железная дорога (1878—1879 гг.) соединила восточную и западную магистрали и дала выход на рынок тем углям, которые добывались в центральной части Донбасса.

Громадную роль в развитии южной промышленности сыграла построенная в 1884 г. Екатерининская железная до-

рога, соединившая донецкий уголь и криворожскую железную руду. Непосредственно с этим связана постройка двух крупнейших металлургических заводов: Александровского (1887 г.) и Днепровского (1889 г.). (До этого на Юге действовали 2 завода — Юзовский и Пастухова, основанные в 70-х годах).

Особенно широко развернулось строительство металлургических предприятий на Юге России в течение 90-х годов. За последнее десятилетие XIX в. были выстроены Дружковский, Донецко-Юрьевский, Никополь-Мариупольский, Макеевский, Таганрогский и ряд других крупных металлургических заводов. К 1900 г. в южном районе имелось уже 16 больших чугуноплавильных заводов с 51 доменной печью, в том числе тремя строящимися. Кроме того, строились еще два металлургических завода. К этому времени на Юге было также построено более 20 крупных сталелитейных, машиностроительных, трубопрокатных и механических заводов, которые перерабатывали уже готовый чугун или железо.

Возникновение новых металлургических заводов, потреблявших большое количество угля и руды, содействовало в свою очередь развитию каменноугольной и железорудной промышленности на Юге. За 1889—1899 гг. вывоз минерального топлива для потребностей металлургических заводов вырос в 11 раз, составив в 1899 г. 130,8 млн. пуд. Добыча железных руд в южном районе за тот же период выросла с 21 до 187 млн. пуд., т. е. почти в 9 раз. Влияние роста южной металлургии на угольную промышленность выразилось и в том, что решающая роль в добыче минерального топлива перешла от восточных антрацитовых районов к западным каменноугольным районам Донбасса, где добывались коксующиеся угли, употреблявшиеся в доменном производстве.

Донецкое минеральное топливо вплоть до начала XX в. находило сбыт главным образом в южном районе. Так, по данным Совета съездов горнопромышленников Юга России, в 1903 г. из общей суммы вывоза донецкого каменного угля и антрацита в 554,2 млн. пуд. распределено в пределах Юга 390,5 млн. пуд., т. е. около 71% ¹.

Главными потребителями донецкого минерального топлива, как уже упоминалось выше, являлись южные металлургические заводы и примыкающие к южному району железные дороги. Приводим соответствующую таблицу ².

¹ Труды 38 Съезда горнопромышленников Юга России, т. I. Доклад Совета съездов, стр. 5.

² Труды 25 Съезда горнопромышленников Юга России. Отчет Совета съездов, стр. 16—17.

Таблица 1

Вывоз минерального топлива для потребностей отдельных групп потребителей в процентном отношении к общему вывозу бассейна за период с 1880 по 1900 гг.

Группы потребителей	1880	1885	1890	1895	1899
Железные дороги	59,98	47,11	31,13	28,03	22,60
Соляные заводы	—	—	—	—	0,56
Пароходства	5,87	5,63	6,76	8,18	3,97
Газовые заводы	0,83	0,65	1,53	1,47	0,76
Сахарные заводы	17,69	12,92	9,85	8,23	6,68
Металлургические заводы:					
а) Юга России	—	—	17,10	23,34	32,50
б) других районов	0,60	0,01	0,65	0,22	1,90
Передельные и механические заводы	—	0,15	—	—	1,13
Частное потребление	15,03	33,53	32,98	30,53	29,90

Таким образом, из общего количества вывезенного минерального топлива железные дороги и металлургические заводы Юга России получили в 1890 г. 48,23%, в 1895 г.— 51,37%, в 1899 г.— 55,1%, причем количество это увеличится, если учесть уголь, перевозимый на заводы гужом или по железнодорожным веткам частного пользования (в 1898—1899 г. на месте добычи израсходовано было 75 млн. пудов угля для кокса на заводах Юзовском, Юрьевском, Петровском и Ольховском) ¹. Что касается железных дорог, то из общего количества вывезенного для них донецкого топлива в 1899 г. 84% получили пять южных дорог: Екатерининская, Курско-Харьково-Севастопольская, Харьков-Николаевская, Юго-Восточная и Юго-Западная ².

Добываемая на Юге железная руда почти целиком потреблялась южными металлургическими заводами. Так, за период с 1 сентября 1899 г. по 1 сентября 1900 г. 90% всей вывезенной руды было отправлено на предприятия Донбасса и Криворожья.

Из вышеизложенного видно, что различные отрасли южной промышленности были теснейшим образом связаны между собою. Но именно эти связи в условиях капитализма неиз-

¹ Труды 24 Съезда горнопромышленников Юга России. Отчет Совета съездов, стр. 11.

² «Горнозаводский листок», 1900, № 16.

бежно вели к возникновению чрезвычайно глубоких антагонизмов внутри того единого хозяйственного комплекса, каким являлся горнопромышленный Юг.

Вся история развития горной и горнозаводской промышленности Донбасса и Криворожья сопровождалась ожесточенной борьбой между предприятиями металлургическими и угольными, металлургическими и железорудными, железными дорогами и всеми остальными отраслями и т. д. Наиболее острыми были противоречия между металлургическими предприятиями, с одной стороны, и угольными и железорудными, с другой, по вопросу о ценах на сырье. Несмотря на то, что некоторые металлургические заводы имели собственные копи и шахты, значительную часть сырья им приходилось закупать. Так, например, за период с 1 сентября 1898 г. по 1 сентября 1899 г. металлургические заводы получили по дорогам общего пользования 118,75 млн. пуд. минерального топлива; из этого количества около 110 млн. пуд. было закуплено у углепромышленников и только около 9 млн. пуд. добыто на собственных шахтах. Гораздо лучше были обеспечены металлургические предприятия собственной рудой, но и здесь значительную часть руды приходилось закупать у железорудных фирм: в 1900 г. металлургические заводы Юга добыли на собственных рудниках 33 млн. пуд. криворожской руды и приобрели у владельцев остальных рудников около 50 млн. пуд.¹

Борьба велась также между горнопромышленниками и железными дорогами по вопросам о ценах на железо и уголь и об уровне железнодорожных тарифов. Отставание общих интересов перед железными дорогами явилось одной из важнейших задач, которой с самого начала чрезвычайно много внимания уделяли съезды горнопромышленников Юга России.

Противоречия, существовавшие между различными отраслями, обострялись еще вследствие того, что развитие металлургической, угольной, железорудной промышленности и железнодорожного транспорта на Юге шло чрезвычайно неравномерно. В частности, болезненно отражалось на развитии промышленности отставание железнодорожного транспорта. Недостаточная пропускная способность дорог, нехватка вагонов, слабое развитие подъездных путей и т. п. создавали, преимущественно в зимние месяцы, большие затруднения для предприятий.

Глубокие антагонизмы и ожесточенная конкуренция существовали также внутри отдельных отраслей. В угольном Дон-

---

¹ Труды 24 Съезда горнопромышленников Юга России, т. I. Доклад комиссии № 11. Приложение I.

бассе шла непрекращавшаяся борьба между каменноугольным западом и восточными антрацитовыми районами. Последние, в связи с развитием железных дорог и металлургии, потеряли свое прежнее значение и стали играть второстепенную роль (в 1900 г. доля антрацита в общей добыче минерального топлива в Донбассе составляла 12%).

Антрацит в качестве топлива для зданий и постоянных котлов конкурировал на рынке с каменным углем. Но условия конкуренции были неблагоприятны для антрацитопромышленников. Антрацитовые районы были поставлены в значительно худшие условия в отношении железнодорожных путей. Здесь преобладали сравнительно мелкие предприятия. Не являясь поставщиками железных дорог и металлургических заводов, антрацитопромышленники были лишены привилегий по первоочередной подаче вагонов. Все это создавало постоянные конфликты между углепромышленниками и владельцами антрацитовых копей.

Еще более острая конкурентная борьба велась между различными каменноугольными районами центральной и западной части Донбасса. Борьба эта определялась в первую очередь преобладанием в различных районах тех или иных типов угля.

В Донбассе добывались различные виды каменного угля:

1. Пламенные и газовые угли, дающие слабо спекающийся, рыхлый кокс, пригодные для паровых котлов и газовых заводов.

2. Кузнечные угли, дающие плотный, хорошо спекающийся кокс, применявшиеся для кузнечных работ.

3. Специальные коксовые угли, дающие очень плотный кокс, необходимый для металлургических заводов.

4. Тощие угли, слабо или совсем не коксующиеся, применявшиеся для отопления котлов и приготовления брикетов.

Первое место по удельному весу в общей добыче минерального топлива в Донбассе принадлежало коксовым углям (около 50%), далее шли пламенные (около 15—20%), затем кузнечные (8%) и, наконец, газовые угли (8%).

Добыча различных сортов каменного угля по отдельным районам Донбасса показана в таблице на стр. 29¹.

Все каменноугольные предприятия были весьма заинтересованы в получении казенных заказов на поставку угля для железных дорог. Казенные заказы на минеральное топливо были особенно выгодны, так как давали возможность по-

---

¹ «Вестник финансов...», 1908, № 25.

ставщикам успешно конкурировать на свободном рынке, как уже упоминалось выше, пользоваться правом на перво-

Название района	Преобладающий тип угля
Мушкетово-Макеевский	Коксовый, отчасти пламенный и кузнечный
Юзовский	Пламенный и коксовый
Центральный	Коксовый
Алмазный	Коксовый, отчасти газовый и тощий
Марьевский	Пламенный, отчасти газовый и кузнечный
Славяносербский	Коксовый
Лисичанский и Гришинский	Пламенный

очередную подачу вагонов, что имело громадное значение при частых перебоях в работе железнодорожного транспорта.

Между тем железные дороги брали почти исключительно спекающийся коксовый уголь, так как официально принятые технические условия чрезвычайно ограничивали возможность использования пламенных и тощих углей.

Отсюда — энергичные требования со стороны промышленников заинтересованных районов о пересмотре технических условий, чему противодействовали предприятия, находившиеся в районе коксовых углей.

Помимо этого конкуренция между различными каменноугольными районами Донбасса находила отражение и в крупных разногласиях, которые возникали по вопросам о железнодорожных тарифах на перевозку угля, о направлении постройки новых железнодорожных линий и т. п. Подобное положение наблюдалось и во взаимоотношениях конкурировавших между собою отдельных антрацитовых районов.

Говоря о конкуренции между отдельными металлургическими заводами Юга России, необходимо указать, что особенности ее были в немалой мере связаны с преобладанием тех или иных видов выпускаемой ими продукции. Заводы Гданцевский, Ольховский, Алмазный и Краматорский являлись чисто доменными, производившими только чугун. Группа чисто передельных заводов, передельвавших чугун в сталь, включала 7 заводов: Константиновский, Ланге, Гартмана, общества Екатеринославских железодельных и сталелитейных заводов, общества Русских трубпрокатных заводов в Екате-

ринославе, Торецкий и Нижне-Днепровский. Остальные заводы относились к группе комбинированных доменно-передельных, производивших чугуны, полупродукты и различные виды готового продукта — железа, стали и металлоизделий.

Что касается условий конкурентной борьбы между заводами, то тут известное влияние имели территориальное расположение и расстояния, которые отделяли заводы от районов добычи сырья. С этой точки зрения предприятия южной металлургии можно разбить на 4 группы:

1. Донецкие заводы, расположенные в районах добычи угля и нуждавшиеся в доставке руды на весьма значительное расстояние. Сюда относились заводы: Юзовский, Макеевский, Петровский, Алмазный, Юрьевский, Константиновский, Дружковский, Краматорский, Ольховский и Сулинский.

2. Заводы, построенные вблизи месторождений железной руды, но удаленные от угольного Донбасса. К этой группе относились заводы: Гданцевский (Криворожский район) и Керченский.

3. Приднепровская группа заводов, находившихся на пути встречного движения угля и руды, а именно: Александровский, Днепровский, Верхне-Днепровский заводы.

4. Заводы Приазовского района, занимавшие центральное положение на пути следования угля и керченской руды. Эта группа включала заводы Таганрогский, Никополь-Мариупольский, «Русский Провиданс». В таблице 2 приводим данные о расстояниях, на которое приходилось перевозить топливо для разных заводов¹.

Криворожская руда подвозилась к Ольховскому заводу на расстояние в 570 верст, Сулинскому — 650 верст, Петровскому — 525 верст, Никополь-Мариупольскому — 550 верст, между тем как заводы Днепровский, Александровский и Верхнеднепровский, не говоря уже о Гданцевском, находились в значительно более выгодных условиях.

Стоимость перевозки сырья значительно отражалась на себестоимости продукции разных заводов, что видно из таблицы 3.

Следует иметь в виду и различную степень обеспеченности заводов собственным сырьем. Так, в 1900 г. имели свои рудники в Криворожском районе 11 южных металлургических обществ. Но в то время, как 5 крупнейших обществ добывали весьма значительное количество руды, добыча остальных была сравнительно невелика. Производительная способ-

---

¹ «Торгово-промышленная газета», 1908, № 220. Данные относятся к 1906 г. Такое же положение было и в конце 90-х годов.

Таблица 2

**Данные о перевозке минерального топлива к заводам Юга
(в верстах)**

Заводы	Средний пробег минерального топлива	Заводы	Средний пробег минерального топлива
Юзовский	29	Никополь-Мариупольский	122
Днепровский	332	Ольховский	95
Александровский	318	„Русский Провиданс“	132
Петровский	52	Краматорский	84
Донецко-Юрьевский	63	Макеевский	18
Дружковский	615	Кадиевский	54
Таганрогский	165	Верхне-Днепровский	328
Гданцевский	513		

Таблица 3

**За пуд выплавленного чугуна уплачено тарифа
(в копейках¹)**

Заводы	За топливо	За руду	Всего
Юзовский	0,02	7,55	7,57
Днепровский	10,91	3,19	14,10
Александровский	10,43	3,53	13,96
Петровский	0,003	8,15	8,153
Дружковский	2,51	7,20	9,71
Таганрогский	8,60	4,88	13,49
Гданцевский	11,12	0,12	11,24
Ольховский	0,57	9,46	10,13
„Русский Провиданс“	6,62	5,09	11,71
Краматорский	2,49	7,69	10,18
Макеевский	0,10	9,25	9,26
Кадиевский	0,39	8,49	8,88
Донецко-Юрьевский	1,25	10,05	11,30

ность рудников отдельных металлургических обществ в Криворожском районе в 1900 г. составляла: Новороссийского общества — 28,6 млн. пуд., Брянского — 27 млн. пуд., Южно-русского Днепровского — 36 млн. пуд., Никополь-Мариуполь-

¹ «Торгово-промышленная газета», 1908, № 220. Данные относятся к 1906 г. Такое же положение было и в конце 90-х годов.

ского — 9 млн. пуд., Русско-Бельгийского — 7,5 млн. пуд., Донецкого — 20 млн. пуд., Таганрогского — 3,52 млн. пуд., Алмазного — 4 млн. пуд., Макеевского — 3 млн. пуд., «Русского Провиданса» — 1 млн. пуд., Константиновского — 2,3 млн. пуд.¹ Некоторые заводы, как, например, Донецко-Юрьевский и др., в тот период вовсе не имели своих рудников.

Неодинакова была также обеспеченность заводов собственным минеральным топливом. В лучших условиях в этом смысле находились заводы Юзовский, Петровский, Александровский, Алмазный и Гданцевский. В 1901 г. металлургические заводы добыли из собственных каменноугольных копей около 120 млн. пуд. угля, в том числе Юзовский — 43,9 млн. пуд., Петровский — 26,5 млн. пуд., Александровский — 17,4 млн. пуд., Алмазный — 16,9 млн. пуд., Гданцевский — 8,4 млн. пуд., Сулинский — 3,3 млн. пуд. Днепропетровский — 1,5 млн. пуд. и «Русский Провиданс» — 0,4 млн. пуд.² Наличие у крупнейших заводов собственной сырьевой базы являлось весьма важным фактором, облегчавшим их борьбу с конкурирующими предприятиями.

Таковы в основном те внутренние связи и противоречия, которые характеризуют капиталистический горнопромышленный Юг, как комплекс различных отраслей хозяйства.

Рассмотрим теперь Донбасс и Криворожье в системе других важнейших горнопромышленных районов России и выясним те связи и антагонизмы, которые определяли их взаимоотношения до возникновения монополий.

Интенсивно развивавшийся южный район быстро выдвигался на первое место по всем видам продукции горной и горнозаводской промышленности. В этом отношении весьма показательны данные о выплавке чугуна в различных районах России (см. таблицу 4).

Как видно из этой таблицы, Юг России по выплавке чугуна еще в 1890 г. обогнал польскую металлургию, но до 1895 г. стоял на втором месте после Урала. С 1895 г. южный район оттесняет Урал и выдвигается на первое место в империи. В 1895 г. на Юге было выработано 33,6 млн. пуд. чугуна, т. е. немногим больше выработки всего уральского района (33,1 млн. пуд.), а в 1900 г. южный район выработал уже почти вдвое больше чугуна (91,5 млн. пуд.), чем Урал (50,1 млн. пуд.), и дал свыше 50% всей общеимперской выплавки.

¹ Труды 25 Съезда горнопромышленников Юга России, т. I. Доклад комиссии № 11. Приложение 1.

² В. Э. Ден. Каменноугольная и железодельная промышленность. СПб., 1907, стр. 126.

Таблица 4

Выплавка чугуна в России в период 1880—1900 гг.¹
(в тыс. пуд.)

Годы	Районы				Всего
	Юг России	Урал	Польша	Прочие районы	
1880	1 270	18 403	2 678	2 728	26 079
1885	2 422	21 591	2 752	4 220	30 985
1890	13 418	27 704	7 768	6 321	55 211
1895	33 636	33 100	11 586	8 498	86 820
1900	91 550	50 157	18 220	16 901	176 828

Показательны в этом отношении данные о производстве готового продукта — железа и стали — по главным районам страны.

В 1890 г. производство готового продукта в южном районе (8,6 млн. пуд.) было в два раза меньше производства Урала (17,4 млн пуд.), а в 1896 г. Юг уже оставляет за собою уральский и все прочие районы. В 1900 г. на Юге России произведено готового продукта (59,2 млн. пуд.) вдвое больше, чем на Урале (29,8 млн. пуд.). Производство южного района в 1890 г. составляло 17,7%, а в 1899 г. — около 39% общего производства готового продукта в России².

Необходимо также указать, что рост производительности на Юге России шел главным образом за счет производства стали, а не железа, так как большую часть вырабатываемых южными заводами готовых продуктов составляли железнодорожные рельсы. Урал же, принимая более скромное участие в казенных заказах, являлся вместе с тем главным поставщиком торгового железа на рынок.

Вследствие этого конкуренция между Югом и Уралом на железном рынке в конце XIX в. не достигала большой остроты. «До сих пор, — писал В. И. Ленин в 1899 г., — Урал и Юг почти не конкурируют друг с другом, работая на различные рынки и живя главным образом казенными заказами. Но обильные дожди казенных заказов не вечны»³.

Действительность очень скоро полностью подтвердила предвидение В. И. Ленина. Как только началось, в годы кризиса и депрессии, сокращение казенных заказов, конкурентная

¹ Статистический ежегодник на 1913 г., СПб., 1913, стр. 165.

² И. Гливиц. Железная промышленность России, Статистические приложения, стр. 16.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 432 (примечание).

борьба между Уралом и Югом приняла самые ожесточенные формы. В этой борьбе все преимущества были на стороне передового южного района. Ниже (см. стр. 74—82) нами будет более подробно рассмотрена борьба между южной и уральской металлургией в начале XX века.

Несколько иначе складывались взаимные связи между Югом и Польшей. Польша насколько не уступала Югу по уровню техники и организации производства, а иногда даже шла впереди его, но естественные условия развития металлургических предприятий здесь были гораздо менее благоприятны, нежели для их южных конкурентов. Польские заводчики, не располагая на месте хорошей рудой и коксующимся углем, вынуждены были значительную часть того и другого завозить из-за границы, а также из Донбасса и Кривого Рога, что удорожало себестоимость продукции. В 1900 г., например, из пределов Юга было вывезено для металлургических заводов, главным образом польских, 16,6 млн. пуд. железной руды. Таким образом, металлургия Польши, будучи конкурентом Юга, в то же время являлась крупным покупателем криворожской руды и донецкого кокса.

Это обстоятельство определенным образом влияло на характер взаимоотношений отдельных отраслей на Юге. Руды и углепромышленники, заинтересованные в увеличении сбыта своих продуктов в Польше, часто коренным образом расходились с южными железозаводчиками, для которых польские предприятия являлись лишь опасными конкурентами.

Т а б л и ц а 5

Добыча ископаемого угля в Донецком и Домбровском бассейнах (1870—1900 гг.)

Годы	Донецкий бассейн		Домбровский бассейн	
	Млн. пуд.	В % к общеимперской добыче	Млн. пуд.	В % к общеимперской добыче
1870	15,6	—	20,1	—
1872	36,9	—	17,3	—
1874	35,0	44,41	24,6	31,16
1880	86,3	—	78,4	—
1884	101,5	42,32	103,5	43,13
1890	183,2	—	150,8	—
1892	218,0	—	176,0	—
1894	295,8	55,31	204,7	38,27
1896	311,8	—	223,6	—
1898	461,9	—	249,5	—
1900	671,5	66,80	251,6	25,00

В то же время район Польши являлся конкурентом и по отношению к угольной промышленности Донбасса.

По добыче каменного угля Донбасс уже в 1872 г. выдвинулся на первое место, обогнав другой крупнейший в России каменноугольный район — Домбровский бассейн в Польше. Данные о развитии добычи каменного угля в указанных районах приводятся в таблице 5¹.

* * *

Рассматриваемый нами период развития горной и горнозаводской промышленности Юга России характеризуется в основном преобладанием отношений свободной конкуренции. Вместе с тем специфические условия, обеспечившие быстрые темпы роста южной индустрии и высокий уровень ее концентрации, создали все предпосылки и для возникновения монополий.

Существенное влияние на процесс монополизации в горной и горнозаводской промышленности оказали покровительственная политика царского правительства, преобладание иностранных капиталов и большой удельный вес казенных железных дорог в потреблении донецкого угля и металла. На Юге в последней четверти XIX в. постепенно создавались те объективные предпосылки, которые неизбежно вели к организации монополистических союзов.

Покровительственная политика царского правительства, устраняя конкуренцию дешевого иностранного угля и металла, искусственно создавала монопольное положение для отечественной горной промышленности. Особые премии для железо-заводчиков, крупные казенные заказы на несколько лет вперед по весьма выгодным ценам, высокие, по существу запретительные ввозные пошлины на металл и уголь, — все эти меры поощрения, начиная с 70-х годов XIX в., систематически проводились правительством.

Первые предприятия южной металлургии — заводы Пастухова и Юза возникли при весьма сильной поддержке со стороны казны. Так, например, правительство в течение 10 лет выдавало Юзу 50 коп. премии за каждый пуд выделанных им рельсов, что составило 1,5 млн. руб. серебром безвозвратной субсидии. Завод Пастухова получил крупную субсидию от морского ведомства. В 1876 г. была установлена попудная премия за прокатанные рельсы для всех русских заводов сроком на 12 лет. Премия эта составляла в первые годы

---

¹ Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности 1915 г., стр. 231, 233.

35 коп., затем постепенно снизилась до 20 коп. (за Юзовским заводом была сохранена попудная премия в 50 коп.). По данным Радцига, с 1878 по 1893 г. было выдано правительством за выделку стальных рельсов свыше 23 млн. руб. премий¹.

Ввозная пошлина на чугун до 1884 г. не превышала 5 коп. с пуда; в 1884 г. она была повышена до 9 коп., а затем, постепенно увеличиваясь, составляла в 1885 г. 12 коп., в 1886 г.— 15 коп., в 1887 г.— 25 коп. по морской и 30 коп. по сухопутной границам. Тарифом 1891 г. пошлина была установлена в 42 коп. на чугун, привозимый морем, и свыше 50 коп. на чугун, привозимый через сухопутные границы.

Насколько велики были размеры этих пошлин, можно судить хотя бы по тому, что в 1895 г. цена на чугун в Петербурге колебалась между 98—104 коп. за пуд, при беспошлинном же ввозе шотландский чугун обходился бы в 45 коп.²

Такие же высокие пошлины были установлены на железо и сталь.

Покровительственная пошлина на каменный уголь была введена впервые в 1884 г. в размере 2 коп. по южноморской границе, 1,5 коп. по западной сухопутной и 0,5 коп. по морской Балтийской. В 1886 г. пошлина каменного угля по южноморской границе была повышена до 3 коп., а в 1892 г.— до 4 коп. и до 6 коп. для кокса. Наконец, в 1896 г. был установлен следующий общий тариф: на уголь по сухопутным границам — 3 коп., по морским — от 1,5 до 6 коп.; на кокс по сухопутным границам — 2,25—4,5 коп., по морским — 2,25—9 коп.³

Чрезвычайно высокий уровень этих пошлин станет ясным, если учесть, что цена пуда угля на рудниках Юга в начале 1899 г. при повышенном спросе составляла: на рядовой уголь крупными партиями — 6,25—7,25 коп., на кокс — 13,5—14 коп.

Высокие пошлины на чугун и железо целиком соответствовали интересам крупного капитала, так как давали возможность вздуть цены на эти товары внутри страны.

Ленин подчеркивал, что «...в России с особенной силой сказывается реакционность протекционизма, задерживающего

---

¹ А. А. Радциг. Железодельательная промышленность всего света, СПб., 1897, стр. 53.

² Там же, стр. 8.

³ Труды 29 Съезда горнопромышленников Юга России, т. I. Доклад № 2 Н. С. Авдакова, стр. 206—209.

экономическое развитие страны, служащего интересам не всего класса буржуазии, а лишь кучке олигархов-тузов...»¹

Южные металлургические заводы строились в расчете на казенные заказы. Последние выдавались вперед на несколько лет, иногда даже несуществующим заводам, причем под эти заказы предоставлялись авансы для постройки предприятий. Так, задолго до начала постройки заводов получили заказы: Гартман на 300 паровозов, Русско-Бельгийское общество — на 12 млн. пуд. рельсов, сроком на 6 лет, Донецкое общество (Дружковский завод) — на 6 млн. пуд. рельсов, сроком на 3 года. Никополь-Мариупольское общество, получив заказ от Министерства финансов на трубы для керосинопровода Закавказской ж. д., перевезло из Америки в Мариуполь целый трубопрокатный завод.

Цены при поставках для казны устанавливались очень высокие. В 70-х годах цены на рельсы русского производства были установлены от 2 р. 20 коп. до 2 р. 42 коп. за пуд, в то время как в Германии пуд рельсов на месте стоил 1 р. 24 коп., во Франции — 1 р. 31 коп. и в Англии — 1 р. 21 коп.²

В дальнейшем цены были несколько снижены, но оставались все же весьма высокими. В период 1895—1897 гг. они составляли 1 р. 55 коп., в то время как в 1895 г. цена пуда рельсов в Англии не превышала 55 коп., в Америке — 51 коп.³

Крупнейшими потребителями продукции южной металлургии являлись казна и железные дороги. В 1899 г. казне и железным дорогам отпущено было доменными заводами Юга 20,9 млн. пуд. металла, что составило 28,9% к общему отпуску продуктов этими заводами (63,5% отпущено на рынок, 7,6% для надобностей самих заводов)⁴.

Удельный вес рельсов в общем производстве готового продукта на Юге был очень значителен, хотя и обнаружил в последние годы промышленного подъема 90-х годов тенденцию к понижению (см. таблицу 6).

Казенные железные дороги являлись также, как указано выше, крупнейшими потребителями донецкого каменного угля. В 1899 г., например, из западной части Донбасса вывезено было для нужд железных дорог 84,9 млн. пуд. минерального топлива.

Все эти данные свидетельствуют о значительной концентрации спроса на продукцию южной горнопромышленности.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 416.

² «Горнозаводский листок», 1904, № 40.

³ А. А. Радциг. Указ. соч., стр. 53—54.

⁴ Статистический сборник «Железная промышленность южной России в 1900 г.», стр. 21.

Таблица 6

Производство рельсов на Юге России по сравнению с общим производством готового продукта (в тыс. пуд.)

Годы	Произведено готового продукта	Произведено рельсов	Процентное отношение
1891	8 546	5 289	61,9
1892	11 930	7 124	60,0
1893	14 649	8 293	59,2
1894	14 549	9 536	65,8
1895	17 112	12 083	70,7
1896	22 626	15 336	68,0
1897	24 902	15 808	63,5
1898	36 458	21 140	58,0
1899	50 393	22 432	44,5

Непосредственной целью покровительственной политики царского правительства было привлечь в Россию иностранные капиталы. И эта цель была достигнута. В погоне за огромными дивидендами, поощряемый радужными перспективами усиленной эксплуатации дешевой рабочей силы, иностранный капитал широким потоком стал приливать в Россию, особенно в последнее десятилетие прошлого века.

90-е годы были периодом усиленного промышленного грюндерства на Юге России. Громадные предприятия росли со «сказочной» быстротой. На биржах шла бешеная спекуляция горнопромышленными акциями. Учредительская горячка достигла высшей точки в период подъема 1895—1899 гг., связанного с огромным железнодорожным и промышленным строительством. В пылу грюндерской спекуляции многие предприятия создавались наспех, без всякого учета условий производства и сбыта.

Даже Министерство финансов в официальном документе, опубликованном в «Вестнике финансов»¹, признавало:

«Некоторое число организованных на Юге предприятий возникли и устроились на почве самой откровенной спекуляции. Можно указать случаи, когда не спрос и не недостаточная наличность естественных богатств вызывали к жизни известное предприятие, а лишь желание небольшой группы лиц воспользоваться горячкой и увлечением публики и получить учредительское вознаграждение. Огромные капиталы, собранные по реализации акций, проходя через учредительство, финансирование и разного рода посредничество, таяли с поразительной быстротой и приходили к самому делу уже обессилен-

¹ «Вестник финансов...», 1901, № 47.

ными, а иногда и прямо ничтожными. Предприятия с миллионными основными капиталами оказывались нередко без оборотных средств и задолженными при самом их возникновении».

В качестве примера для характеристики подобного учреждения, сопровождавшегося огромным разводнением капитала, приводилось Рыковское каменноугольное общество в Донбассе.

По сообщению «л'Экономист Франсэ», капитал этого общества состоял из 14 млн. франков акциями и 10 млн. франков облигациями, всего свыше 24 млн. франков. Производство рудников было рассчитано на 600 000 тонн угля в год, а фактическая добыча в 1900 г. составила лишь около 350 000 тонн. Объяснялось это тем, что общество, несмотря на огромный акционерный и облигационный капитал, не располагало, видимо, реальными средствами, чтобы развернуть производство в соответствии с добывной способностью копей¹.

Размеры иностранных капиталов, вложенных в этот период в южную промышленность исчисляются многими десятками миллионов рублей. Почти все крупные предприятия Юга находились в руках иностранных компаний. Так, французский и бельгийский капиталы преобладали в металлургических предприятиях: Макеевском, Гданцевском, «Русском Провидансе», Дружковском, Таганрогском, Петровском, Днепровском, Брянском, Донецко-Юрьевском, «Шодуар», «Гартман», Константиновском, Ольховском. Германский капитал преобладал в Краматорском металлургическом обществе. Английские капиталы играли первенствующую роль в Новороссийском металлургическом обществе.

Русские капиталы участвовали в обществах: Таганрогском, Брянском, Никополь-Мариупольском, «Гартман».

Но даже Сулинский завод, выстроенный русским капиталистом Пастуховым, в 1905 г. был превращен в акционерное общество с весьма вероятным участием иностранного капитала.

Менее значительную долю составляли иностранные капиталы в каменноугольной промышленности Донбасса, хотя и здесь влияние их было весьма велико. По данным П. В. Оля, в 1915 г. свыше половины всего угля Донбасса добывалось на каменноугольных предприятиях, в которых решающую роль играл французский капитал².

Железрудная промышленность также в значительной степени находилась под контролем иностранного капитала. Фактические хозяева южной горной и горнозаводской промышлен-

¹ П. В. Оля. Иностранные капиталы в России. Пг., 1922, стр. 19.

² Цит. по «Вестнику финансов...», 1901, № 41.

ности — правления иностранных компаний большей частью находились за границей.

Сосредоточив в своих руках важнейшие отрасли южной промышленности, беспощадно эксплуатируя русских рабочих, иностранный капитал в союзе с русской монополистической буржуазией получал здесь огромные прибыли. За четырехлетие 1884—1888 гг. завод Юза, например, на акционерный капитал в 236 500 фунтов стерлингов получил 347 647 фунтов стерлингов прибыли, т. е. 147%. За вычетом разных расходов чистая прибыль акционеров за указанный период составила 223 803 фунта стерлингов, или 94,6%.

И. В. Сталин, подчеркивая роль царской России как резерва западного империализма, отмечал при этом, что «...она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию...»¹

Отличительной особенностью южной металлургии с самого ее возникновения являлся высокий уровень концентрации. На Юге России крупной металлургической промышленности не пришлось вытеснять мелких производителей. Все производство металла здесь было сконцентрировано на двух десятках крупных предприятий. В 1900 г. в среднем на каждом металлургическом заводе Юга было занято рабочих — 1841, средняя мощность энергетической базы завода равнялась 6159 лошадиным силам, а выплавка чугуна составляла 3192 тыс. пуд., таким образом, средняя выплавка чугуна на одного рабочего составляла 1 714 пуд. в год².

Между тем, на Урале в этом же году выплавка чугуна в среднем на один завод составляла только 436 тыс. пудов, а среднегодовая выплавка на одного рабочего равнялась 297 пудам.

Важнейшим условием, способствовавшим появлению металлургических монополий, явился необычайно высокий уровень концентрации производства в этой отрасли промышленности. Основную массу металла на Юге производило несколько крупнейших заводов-гигантов, что видно из таблицы 7.

В каменноугольной промышленности Донбасса, где продолжали действовать мелкие и средние предприятия, также шел быстрый процесс концентрации производства. В 1899 г. 17 угольных фирм на Юге отправили около 400 млн. пуд., т. е. 76,2%, всего вывезенного по дорогам общего пользования каменного угля.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 5.

² И. Гливиц. Указ. соч., стр. 114.

Таблица 7

Отпуск изделий крупнейшими доменными заводами Юга России в 1899 г.¹

Наименование заводов	Всего отпущено изделий (в пудах)	В % к отпуску изделий всеми доменными заводами Юга
Юзовский	13 081 041	19,5
Днепровский	10 519 461	15,7
Александровский	7 688 633	11,4
Петровский	7 742 834	11,5
Донецко-Юрьевский	7 539 433	11,4
Всего	46 571 402	69,5

В южной железорудной промышленности уровень концентрации производства также был весьма высок (см. таблицу 8)².

Таким образом, 13 крупнейших фирм отправили в течение года около 86% всего количества вывезенной железной руды. При этом 6 фирм отправили 186 337 вагонов, или около 65% всего вывоза руды (Южно-Русское Днепровское металлургическое общество, общество Криворожских железных руд, «Колачевский С. А.», анонимное общество «Дубовой балки», Новороссийское общество и общество Брянского завода).

Таблица 8

Отправление железной руды на Юге с 1 сентября 1899 г. по 1 сентября 1900 г.

Пределы вывоза	Число отправителей	Число отправленных вагонов
5 тыс. вагонов и более	13	246 986
От 1 до 5 тыс. вагонов	11	28 745
От 300 до 1 тыс. »	15	9020
От 100 до 300 »	9	1939
От 30 до 100 »	9	537
Менее 30 »	8	107
Всего	65	287 333

¹ Таблица составлена нами по данным статистического сборника «Железная промышленность южной России в 1900 г.», стр. 23.

² «Горнозаводский листок», 1900, № 22.

Образованию монополий также способствовала высокая степень акционирования предприятий горнопромышленного Юга в 90-х годах. Акционерная форма организации охватывала все металлургические заводы, за исключением одного Сулинского, принадлежавшего Пастухову. В угольной промышленности решающую роль также играли акционерные предприятия. Так, в 1902 г. 40 акционерных каменноугольных обществ на Юге добыли 494,7 млн. пуд. угля, а остальные фирмы 80,8 млн. пуд.¹ В антрацитовой промышленности, наоборот, преобладали единоличные предприятия, давшие в 1902 г. 87,7% общей добычи антрацита. Акционерные общества имели доминирующее значение и в железорудной промышленности Юга России. Доля их в общей добыче железной руды составляла около 90%.

Распределение акционерных капиталов между различными отраслями южного района в 1899 г. представлялось в следующем виде²:

Металлургические предприятия	81 085 000	руб.
Механические и машиностроительные	21 049 856	„
Цементные, содовые и кирпичеобжигательные	19 532 870	„
Каменноугольные	48 732 292	„
Солепромышленные	2 625 000	„
Железные перделочные	28 757 821	„

Всего . . . . . 201 782 839 руб.

Инвестиции иностранных капиталов в 90-х годах производились главным образом через мощные заграничные банки, которые проводили эти операции чаще всего самостоятельно, без участия русских банковских учреждений. В финансировании предприятий Юга России решающую роль играли следующие иностранные банки: Генеральное общество (Париж), Парижско-Нидерландский банк, Генеральное общество (Бельгия), Немецкий банк, Международный банк (Париж). Русские банки также участвовали, хотя и в значительно меньшей степени, в финансировании и долгосрочном кредитовании южной промышленности в период 90-х годов. При этом руководящая роль в большинстве случаев принадлежала также иностранным банкам.

В феврале 1897 г. в Брюсселе было создано «Генеральное общество индустрии и металлургии в России — Омниум», объ-

¹ Труды 38 Съезда горнопромышленников Юга России, т. I. Доклад Совета 2 а, стр. 42.

² «Вестник финансов...», 1901, № 48.

единившее группу крупнейших французских, бельгийских и русских банков. Основной капитал общества «Омниум» первоначально составил 25 млн. франков. Это объединение ставило своей целью монополизацию южнорусской горной и горнозаводской промышленности и сыграло огромную роль в учредительстве в конце 90-х годов.

Создание крупнейших предприятий на Юге при ближайшем участии заграничных и русских банковских монополий вело к сращиванию банковского и промышленного капитала, характерному для империалистической стадии капитализма. По имеющимся данным, к концу 1899 — началу 1900 г. отношения финансово-капиталистического сращивания можно было констатировать у ряда банков и функционировавших на Юге России акционерных обществ. Так, группа Генерального общества (Париж) являлась учредителем Генерального общества чугуноплавильных заводов в России с основным капиталом к началу 1900 г. в 6 млн. руб., Екатериновского горнопромышленного общества (основной капитал к началу 1900 г. — 1 875 тыс. руб.), общества Брянских копей (2 250 тыс. руб.), Белянского горнопромышленного общества (2 250 тыс. руб.) и Рутченковского горнопромышленного общества (5 833 тыс. руб.). Учредителем Русско-Бельгийского металлургического общества (15 млн. руб.) являлся Русский для внешней торговли банк и Бельгийское Генеральное общество. Учредителем Русского общества машиностроения «Гартман» (9 млн. руб.) был С.-Петербургский Международный банк с участием Дрезденского банка. Финансовые связи существовали между группой Генерального общества (Париж) и нижеследующими предприятиями: обществом Криворожских железных руд (2 625 тыс. руб.); обществом Брянского рельсопрокатного завода (8 087,5 тыс. руб.); обществом железных рудников «Рахмановка — Кривой Рог» (2 250 тыс. руб.); Голубовским Берестово-Богодуховским обществом (3 000 тыс. руб.); Русско-Донецким обществом каменноугольной и заводской промышленности (4 687,5 тыс. руб.); Французским горным и промышленным обществом на Юге России (7 500 тыс. руб.). Такие же связи можно констатировать между Парижско-Нидерландским банком и обществом Южнорусской каменноугольной промышленности (4 143,5 тыс. руб.); группой Парижских банков и Франко-Русским обществом Берестово-Крынских копей (4 500 тыс. руб.); группой бельгийских банков и Таганрогским металлургическим обществом (7 500 тыс. руб.); Немецким банком и Краматорским обществом (4 500 тыс. руб.); Азовским банком и Донецким обществом железодобывающего и сталелитейного производств (4 500 тыс. руб.); Азовско-Донским банком и Верхне-Днепровским металлургическим

обществом (2 250 тыс. руб.); Харьковским торговым банком и Донецко-Юрьевским обществом (8 000 тыс. руб.) и Алексеевским горнопромышленным обществом (5 000 тыс. руб.)¹.

Финансовая связь и зависимость указанных предприятий от банков дополнялась в ряде случаев личной унией, которая осуществлялась через специальных представителей от банков в составе правлений соответствующих горнопромышленных обществ.

* * *

Итак, как мы видели, уже к концу 90-х годов XIX в. в промышленности Донбасса и Криворожья имелись все предпосылки для создания мощных монополий: высокий уровень концентрации производства на сравнительно небольшом количестве крупнейших предприятий, почти полный охват этих предприятий акционерной формой; господство иностранных капиталистов, усвоивших европейский опыт организации трестов и синдикатов; тесные связи промышленности с банками как иностранными, так и русскими.

Кроме того, монопольным соглашениям между южными горнопромышленниками благоприятствовал огромный удельный вес казенных и железнодорожных заказов. Эта концентрация спроса естественно облегчала и стимулировала объединение немногочисленных поставщиков.

Следует указать также на важное значение в этом смысле деятельности Съездов горнопромышленников Юга России — первой в России представительной организации капиталистов, возникшей еще в 1873 г. Участие в работах Съезда приучало горнопромышленников к совместным действиям. В недрах Совета съездов вынашивались и рождались синдикатские объединения заводчиков и шахтовладельцев горнопромышленного Юга.

---

¹ Е. Л. Грановский. Монополистический капитализм в России, М., 1929, стр. 27—35.

Глава II

СИНДИКАТЫ В МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮГА РОССИИ. КОНКУРЕНТНАЯ БОРЬБА С ВНЕСИНДИКАТСКИМИ ФИРМАМИ

Первоначальные монополистические объединения в южной металлургии имели характер временных неоформленных и негласных соглашений. Так, например, в середине 90-х годов действовало соглашение рельсопрокатных заводов, которые распределяли между собою казенные и частные заказы. В тот же период южный трубопрокатный завод «Шодуар» входил в синдикатское соглашение, объединявшее несколько русских предприятий.

Важнейшим фактором, ускорившим организацию синдикатов на Юге, явился промышленный кризис 1900—1903 гг. Кризису предшествовали, как указано выше, исключительный подъем и грюндерская горячка, связанная с огромнейшими прибылями и дивидендами, которые приносили горнопромышленные предприятия. Разразившийся кризис сильно ударил по металлургической промышленности. Особенно неблагоприятно отразилось на ней сокращение казенных поставок, занимавших важнейшее место в общем сбыте продукции южной металлургии.

Несмотря на принятые правительством меры к увеличению казенных заказов в целях «воспособления» заводам, все же общее количество материалов, поставляемых южными предприятиями для казны, сильно сократилось. В 1899 г. было отпущено южными доменными заводами рельсов, бандажей, скреплений и осей 23 677 849 пуд., в 1900 г.— 24 288 692 пуд., в 1901 г.— 21 528 403 пуд., в 1902 г.— 19 766 021 пуд.¹ Выплавка чугуна на Юге снизилась с 91,5 млн. пуд. в 1900 г. до

---

¹ «Вестник финансов...», 1903, № 30.

84,1 млн. пуд. в 1902 г. и до 83,4 млн. пуд. в 1903 г. Цены на железные продукты пали в годы кризиса весьма значительно. Так, в 1899 г. цены на южный литейный чугун в Петербурге стояли — 98,6 коп. за пуд., в 1900 г. — 89,8 коп., в 1901 г. — 76,3 коп., в 1902 г. — 68 коп., в 1903 г. — 65,9 коп. Цена сортового железа франко-завод снизилась с 1 р. 60 коп. — 1 р. 75 коп. в апреле 1900 г. до 1 р. 22 коп. — 1 р. 25 коп. в октябре 1902 г., а балок соответственно с 1 р. 58 коп. — 1 р. 70 коп. до 85 коп.

Кризис вызвал ряд крахов и банкротств. В первую очередь пострадали мелкие, лишенные твердой финансовой и коммерческой базы предприятия.

С осени 1900 г. были прекращены все работы на строительстве завода общества Белянских доменных печей. Было ликвидировано общество Глебовских заводов. Не приступил к работе завод Алмазного общества. С августа 1901 г. был остановлен Керченский металлургический завод Таганрогского общества; временно прекратили работу Верхне-Днепровский и Никополь-Мариупольский заводы, были потушены отдельные дома на других предприятиях Юга.

Ленин считал этот кризис поворотным пунктом в превращении домонополистического капитализма в империализм. Свою схему истории возникновения монополий в капиталистических странах Ленин заканчивал следующей характеристикой: «Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм»¹.

Период кризиса и застоя ознаменовался интенсивной деятельностью южных железозаводчиков по организации синдикатов. На съездах горнопромышленников Юга России, на многочисленных совещаниях, в ходатайствах, адресованных правительству, в печати промышленники буквально вопили о «гибели отечественной металлургии», о необходимости «спасения» промышленности, прежде всего путем увеличения казенных заказов и объединения железозаводчиков в «самодельные» организации.

К этому времени относится ряд проектов создания монополистических объединений.

В 1901 г. с проектом объединения металлургических заводов Юга России выступил директор Таганрогского металлургического общества Тразанстер. Суть этого проекта, который был охарактеризован в официальном органе Министерства финансов, как «самый грандиозный по ширине идеи и простору

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 190.

В России, так же как и в других странах, кризис способствовал концентрации производства и широкому распространению монополий.

понимания экономических нужд промышленности», сводилась к слиянию всех южнорусских металлургических предприятий в одно акционерное общество. Осуществление проекта означало бы создание мощной монополистической организации. Но проект Тразанстера, видимо, не встретил сочувствия у самих заинтересованных капиталистических групп и заглох.

В том же 1901 г. на 26 Съезде горнопромышленников Юга России впервые был открыто поставлен вопрос об организации синдиката металлургических заводов. В докладе комиссии съезда по вопросу о положении железной промышленности Юга России были выдвинуты для борьбы с кризисом «меры, так сказать, внутреннего порядка», направленные на «сознательное регулирование» самой деятельности металлургической промышленности таким образом, чтобы она могла в будущем «избегнуть столь гибельных для всей страны резких колебаний»¹. Съезд рассмотрел выработанный комиссией проект организации синдиката в форме объединенных агентств всех металлургических заводов Юга.

По этому проекту предполагалось, что объединяющиеся предприятия по взаимному договору передают исключительное право продажи всех вырабатываемых ими металлов и изделий общим для всех договорившихся обществ частным агентствам, именуемым «Агентствами частных металлургических заводов в России». Такие агентства учреждаются договаривающимися обществами во всех главных торговых центрах России. Ими же назначаются и управляющие этими агентствами.

Все заказы на металлы и изделия договорившиеся общества распределяют между собою в пропорциях, установленных «по взаимному соглашению» (т. е. реальной силе участников). При производстве поставок металлов и изделий договорившиеся общества руководствуются единым преискурантом. Основные и окончательные цены на металлы и изделия, размеры кредитов, открываемых отдельным покупателям, и способы расчетов с ними определяются на специальных совещаниях уполномоченных договорившихся обществ, созываемых при Харьковском агентстве не менее шести раз в год. Руководителем этих совещаний является один из уполномоченных, именуемый уполномоченным-руководителем, который специально избирается простым большинством обществ.

Таким образом, рассмотренный съездом проект сводился к организации единого синдиката, объединяющего сбыт всей продукции южных заводов, причем функции совета или правления синдиката должны были выполнять периодически созываемые совещания представителей договаривающихся сторон.

¹ Труды 26 Съезда горнопромышленников Юга России. Доклад подкомиссии № 3, стр. 8.

Со стороны правительственных органов указанный проект встретил полную поддержку, тем более, что Министерство финансов уже задолго до этого довольно недвусмысленно рекомендовало промышленникам объединиться. Когда в ноябре 1901 г. депутация Съезда горнопромышленников Юга России явилась к министру финансов с ходатайством о содействии в организации агентств, министр заявил, что с его стороны не имеется препятствий к учреждению агентства «при условии, если продажные цены не будут превышены агентством до ненормальных размеров»¹. Само собой разумеется, что последняя оговорка носила чисто формальный характер.

Но этому проекту также не суждено было осуществиться, так как он вызвал большие споры и разногласия среди промышленников и, несмотря на целый ряд совещаний, организованных Советом съездов, добиться общего соглашения не удалось.

Объединение всех металлургических предприятий Юга России в единый синдикат не состоялось главным образом из-за конкурентной борьбы заводов, чрезвычайно обострившейся в период промышленного кризиса. Некоторые крупнейшие заводы (Юзовский, Петровский) просто отказались от объединения. Эти же предприятия остались впоследствии вне «Общества для продажи изделий русских металлургических заводов» («Продамет»), организованного в 1902 г. и охватившего вначале только часть производимой заводами продукции. Такая позиция некоторых обществ объяснялась главным образом их привилегированным положением в отношении казенных поставок². Обеспеченные крупными казенными поставками и получая на этом огромные прибыли, привилегированные заводы имели возможность за счет некоторого снижения цен на рыночные товары успешно конкурировать с теми предприятиями, которые не являлись поставщиками казны.

На 27 Съезде горнопромышленников Юга России Ю. Гужон приводил данные об участии привилегированных заводов в поставках казне:

Завод	сбывал	процента	своего	производства	казне
Днепроvский	завод	26%	своего	производства	казне
Таганрогский	•	29%	•	•	•
Русско-Бельгийский	•	56%	•	•	•
Брянский	•	58%	•	•	•
Дружковский	•	72%	•	•	•
Юзовский	•	81%	•	•	•

¹ Отчет Совета 27 Съезду горнопромышленников Юга России, стр. 25.

² Казенные заказы давались через Комитет по распределению заказов по заранее фиксированным казною весьма высоким ценам; список заводов, получавших казенные заказы, был строго ограничен; подробно об этом см. ниже.

Апеллируя к владельцам «обиженных» заводов, Гужон сетует по поводу того, что не всем достаются «благоденствия казенных заказов по заранее установленным высоким ценам»: «Шесть заводов находятся в совершенно привилегированном положении, которым, к сожалению, они пользуются не только для того, чтобы работать с барышом от казенных заказов, но... в равной мере они пользуются казенной премией, чтобы производить давление на продажные цены рыночных сортов железа, доводя таким путем не только южные заводы, но и заводы остальных металлургических районов до полного банкротства»¹.

Привилегированные заводы являлись серьезными конкурентами остальных металлургических предприятий Юга России, так как выбрасывали на рынок значительные массы товаров. Так, например, в 1901 г. Юзовский завод выпустил на рынок 1,6 млн. пуд. полупродукта, что составляло $\frac{1}{3}$ всего количества полупродуктов, поступивших с южных заводов².

Понятно, что привилегированные заводы готовы были объединиться только при условии сохранения в их руках чрезвычайно выгодных казенных заказов. Вместе с тем, они претендовали на господствующее положение и внутри проектируемого синдиката. Металлургические гиганты стремились использовать свои преимущества (казенные заказы, собственный уголь и руда) для того, чтобы раздавить конкурентов и занять монопольное положение.

Тот же Гужон на 27 Съезде сообщил: «Я видел И. И. Юза в Петербурге, неоднократно с ним говорил, и он заявил прямо, что теперь в России слишком много заводов, что необходимо некоторые из них закрыть и что, когда их не будет, тогда цены поправятся... он уверен, что в скором времени конкуренция уничтожится и можно будет поднять цены... Пока Юз будет сбывать 81% своей выработки правительству по высоким ценам, он не перестанет твердить одно и то же: пусть народившиеся вновь заводы лопаются и прекращают свое действие, ибо после их гибели рынок очистится от лишних производителей и цены тогда поднимутся»³.

Предприятия, сбывавшие значительную долю своей продукции казне по повышенным ценам, легко переносили падение цен на рынке, так как огромные сверхприбыли, получаемые этими заводами, в значительной степени гарантировали их

¹ Труды 27 Съезда горнопромышленников Юга России, т. III, стр. 177—178.

² Сб. «Железная промышленность России в 1901 г.», стр. 36.

³ Труды 27 Съезда горнопромышленников Юга России, т. III, стр. 178—179.

от колебаний рыночного спроса и цен. Больше того, как видно из цитированного заявления Юза, привилегированные заводы становились на путь умышленного снижения цен с тем, чтобы уничтожить своих конкурентов. Этот своеобразный «внутренний демпинг» усиливал конкурентную борьбу между металлургическими заводами и оказывал влияние на весь процесс создания монополистических организаций на Юге России.

Одновременно острая борьба по вопросам, связанным с объединением в синдикат, велась и внутри кучки привилегированных предприятий. Директор Днепровского завода, одного из крупнейших для масштабов капиталистической России предприятий южной металлургии — Ясюкович ратовал за объединение всех заводов и резко выступал против Юза и других промышленников, отказывавшихся вступать в синдикат (Ясюкович был одним из главных инициаторов объединения южной металлургической промышленности).

Причины столь резких разногласий между руководителями крупнейших предприятий в основном заключались в неодинаковом положении заводов по отношению к казне и рынку.

Т а б л и ц а 9

Вывоз готовой продукции Днепровским и Юзовским заводами в 1900 и 1901 гг. (в пудах)¹

Заводы	1900 г.		1901 г.	
	На рынок	Казне и жел. дор.	На рынок	Казне и жел. дор.
Днепровский	6 046 069	2 924 208	5 796 701	3 084 237
Юзовский	590 229	5 300 375	455 513	3 854 913

Из этих данных видно, во-первых, что доля Юзовского завода в казенных заказах была больше (в 1900 г. почти вдвое), чем доля Днепровского завода, и, во-вторых, что Днепровский завод вывозил на свободный рынок во много раз больше готового продукта, чем Юзовский завод. Следовательно, первый был весьма заинтересован в монопольном объединении заводов и прекращении конкуренции.

На 27 Съезде горнопромышленников Юга России Ясюкович, прикидываясь сторонником свободной конкуренции, требовал применения суровых мер против заводов, не желав-

¹ Сб. «Железная промышленность России в 1901 г.», стр. 34—37.

ших присоединиться к синдикату, который, по его заверениям, обеспечил бы «справедливое» распределение заказов:

«Владельцы... некоторых рельсовых заводов, которые получают львиную долю заказов,— говорил он,— могут спокойно сидеть у себя дома или за границей... Для других русских заводов такое положение невыносимо... Ясное дело, что если распределение казенных заказов останется таким, какое оно сейчас есть, то некоторые заводы, которые пользуются особой поддержкой, останутся при своем мнении, что им удобнее идти врозь». Возглашая о том, что «нам помочь себе необходимо», он продолжал: «нужно поставить их (т. е. заводы, получающие казенные заказы.— Д. Ш.) в такое положение, чтобы им никакой особой выгоды не было: нужно подвергнуть ту массу заказов, которую государство может дать предприятиям, свободной конкуренции... Никто из нас не сомневается, что начнется резня не на живот, а на смерть. Но я думаю, что каждый из этих господ, которые теперь глубоко убеждены, что им выгоднее идти врозь, а не вместе, поймут, что удобнее идти совместно с другими...», и далее: «остаётся нам возлагать надежды на наше Общество, где мы сами разделим между собою заказы»¹.

Ясюкович предпочел умолчать о том, какой бы это был «делег», но, разумеется, что крупнейшие капиталистические группы не были бы «обижены». Однако ни угрозы, ни уговоры не дали результатов. Вовлечь все заводы в синдикат на первых порах так и не удалось.

Объединительное движение пошло по пути постепенного синдицирования отдельных видов продукции железной промышленности.

Впоследствии, в условиях затянувшейся депрессии, удельный вес казенных заказов уменьшился, и заводы стали все большую часть своей продукции выбрасывать на свободный рынок. Не имея возможности проводить в прежних размерах политику «боевых» цен, привилегированные заводы вынуждены были примкнуть к объединению.

* * *

Как уже указывалось, в 1902 г. был организован синдикат под названием «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов» («Продамет»). Ядро синдиката составляли южные заводы. Устав общества «Продамет» был утвержден 5 июня 1902 г., а начало фактической деятельности синдиката относится к ноябрю 1902 г. По форме синдикат

¹ Труды 27 Съезда горнопромышленников Юга России, т. III, стр. 149—151.

являлся акционерным обществом, которому члены объединения передавали исключительное право на продажу соответствующих изделий своего производства. Акции общества «Продамет» распределялись между членами синдиката. Общество устанавливало цены на синдицированные продукты и распределяло заказы в соответствии с долей участия каждого контрагента в общем сбыте, предусмотренной договором.

Хотя в уставе общества было указано, что его задачей является торговля чугуном, сталью, железом и вообще всякого рода изделиями металлургической промышленности, общество вначале объединяло сбыт по всей России только части производства вошедших в него заводов, а именно: листового, универсального, втулочного, полноразмерного, рифленого и волнистого железа.

В 1903 г. через общество «Продамет» была объединена продажа балок и швеллеров, через два года обществу была передана продажа бандажей и осей, несколько позже синдицирован был сбыт чугунных труб, и, наконец, лишь в 1908 г. возник синдикат сортового железа, также передавший сбыт соответствующих изделий «Продамету».

В первую очередь синдицировался сбыт той части продукции, которой в меньшей степени, хотя бы на первых порах, угрожала конкуренция со стороны мощных аутсайдеров (внесиндикатских фирм). Так, при организации первого синдиката — по листовому железу — в рамках общества «Продамет», несомненно, известную роль сыграло то обстоятельство, что Юзовский и Петровский заводы, отказавшиеся от объединения, совершенно не производили в то время листового железа. Поэтому отказ этих заводов не представлял препятствия для соглашения других предприятий. Точно так же и организация балочного синдиката могла быть осуществлена вскоре только потому, что Петровский завод, производивший большое количество балок, согласился примкнуть к синдикату, а Юзовский завод, продолжавший упорствовать, в то время совершенно не производил балок и швеллеров. Синдикатское соглашение по продаже бандажей и осей фактически стало возможным на первых же порах (с 1902 г.), ибо ни Юзовский, ни Петровский заводы этого вида продуктов не производили. Организация сортового синдиката была осуществлена лишь в 1908 г., когда главный противник общества «Продамет», Юзовский завод, после длительной борьбы примкнул к объединению.

В листовой синдикат вошли первоначально восемь южных заводов: Днепровский, Донецко-Юрьевский, Никополь-Мариупольский, Макеевский, «Гартман», Таганрогский, «Русский Провиданс» и Александровский.

В 1901 г. на шести из этих предприятий было сконцентрировано 84% всего южного производства толстого листового железа, на пяти — 86% всего южного производства тонкого листового железа¹. В синдикат вошли также заводы «Гута Банкова» и Островецкие, Урало-Волжского общества и Выксунские заводы.

К соглашению о передаче обществу «Продамет» продажи двутавровых балок и швеллеров, состоявшемуся в марте 1903 г., примкнули шесть южных заводов: Петровский, Днепровский, «Русский Провиданс», Дружковский, Макеевский и Александровский. Именно эти заводы занимали доминирующее положение в общем производстве балок и швеллеров на Юге России (в 1902 г. по балкам — около 83%, по швеллерам — около 78%²).

В 1905 г. было оформлено в рамках «Продамета» ранее существовавшее частное соглашение четырех южных заводов по продаже бандажей и осей. В 1905 г. в синдикат бандажей и осей вступило восемь заводов, причем четыре южных завода передали обществу «Продамет» продажу бандажей всем покупателям, а четыре других — только продажу казне. Впоследствии состав синдиката менялся. В 1909 г. он объединял пять заводов: четыре фирмы для продажи всем покупателям (Днепровский, Таганрогский, «Гута Банкова», Островецкие) и один завод для продажи казне (Брянский).

В том же 1905 г. к обществу «Продамет» перешла продажа чугунных водопроводных и канализационных труб и фасонных к ним частей.

Уже в начале 1904 г. возникло частное соглашение по продаже чугунных труб, в котором приняли участие шесть заводов, в том числе 4 южных: Верхне-Днепровский, Сулинский, Брянского общества и Макеевский. Соглашение это, как сообщает Л. Б. Кафенгауз³, возникло в связи с большим заказом приблизительно в 500 тыс. пуд. труб для канализации в Москве; правда, это соглашение распалось, так как в связи с русско-японской войной заказ не состоялся. В апреле 1905 г. уже в системе «Продамета» организовался синдикат чугунных труб, в который вступили четыре южных завода — Днепровский, Макеевский, Верхне-Днепровский и Сулинский. Вне синдиката остался завод Брянского общества, крупнейший по производству такого рода продукции.

---

¹ Сб. «Железная промышленность России в 1901 г.», стр. 30.

² Подсчет сделан по данным статистического сборника «Железная промышленность России в 1902 г.», вып. I, стр. 34.

³ Л. Б. Кафенгауз. Синдикаты в русской железной промышленности, М., 1910, стр. 85.

В 1908 г. был организован синдикат по продаже сортового, обручного, рессорного, углового и фасонного железа. Уже вадолго до этого имели место попытки южных металлзаводчиков синдицировать продажу сортового металла. Так, в ноябре 1902 г. 5 южных заводов заключили частное соглашение по продаже сортового и обручного железа. Через месяц к соглашению присоединились еще два завода. Предполагалось, что к этому соглашению примкнут и другие предприятия, но в 1903 г. соглашение распалось.

Накануне предвоенного подъема промышленники, стремившиеся использовать выгодную конъюнктуру, стали на путь синдицирования главного рыночного товара — сортового железа и стали. В 1908 г. был образован синдикат по продаже этих товаров, куда вступили 11 южных заводов: Александровский, Днепровский, Юзовский, Донецко-Юрьевский, Таганрогский, «Русский Провиданс», Петровский, Никополь-Мариупольский, Сулинский, «Гартман», Константиновский. Кроме того, к синдикату сразу же примкнуло Уральско-Волжское металлургическое общество.

Таким образом, объединение, имевшее своим центром общество «Продамет», постепенно охватило все основные виды готовой продукции металлургических заводов Юга. По существу общество «Продамет» являлось весьма сложным монополистическим объединением, постепенно сосредоточившим в своих руках сбыт всех видов продукции объединяемых заводов.

* * *

Мы видели, как уже само рождение общества «Продамет» сопровождалось исключительно острой конкурентной борьбой заводов, стремившихся удушить своих противников. Дальнейший процесс развития и роста монополистических объединений в южной металлургии протекал в обстановке обострившейся конкуренции как между заводами Юга, так и другими районами России.

Прежде всего, монополистическим организациям в металлургической промышленности пришлось вынести напряженную борьбу с внесиндикатскими предприятиями (аутсайдерами) на Юге России. Высокие цены, устанавливаемые синдикатами, вызвали увеличение производства соответствующих товаров на внесиндикатских предприятиях, которые старались использовать выгодную конъюнктуру. Это вело к обострению конкуренции со стороны аутсайдеров.

Первым мероприятием созданного в 1902 г. синдиката листового железа явилось повышение цен и изменение условий

продажи товаров в пользу заводчиков. До учреждения синдиката основные цены франко-завод на листовое железо (котельное и резервуарное) были: в начале 1902 г. — 1 р. 30 коп. — 1 р. 25 коп., в середине года — 1 р. 25 коп. — 1 р. 20 коп.; к осени цены упали до 1 р. 20 коп. — 1 р. 15 коп., а в отдельные моменты даже до 1 р. 07 коп. Синдикат установил цены 1 р. 50 коп. — 1 р. 55 коп. франко — станция покупателя в пределах Европейской России. Кроме того, синдикат ввел значительное повышение расценок за качество, толщину и размеры листов. Условия продажи главному потребителю листового железа — бакинским нефтепромышленникам — были резко изменены. До организации синдиката заводы отпускали нефтезаводчикам железо в кредит по открытому счету и оплачивали сами стоимость провоза по железной дороге и по гужевой доставке от станции или складов на промыслы. Синдикат потребовал, чтобы все эти расходы по перевозке оплачивали получатели железа. Повышение цен синдикатом вызвало рост производства листового железа и усиленное предложение его на рынке со стороны аутсайдеров. Листовое железо начали выпускать также некоторые заводы, ранее совсем его не производившие. Наиболее крупным конкурентом листового синдиката на Юге стал Юзовский завод; он подрывал монополию синдиката, отпуская железо по пониженным ценам и на льготных условиях.

Благодаря усиленной конкуренции аутсайдеров сбыт листового железа синдикатом, по данным Кафенгауза, за вторую половину 1904 г. сократился с 5 237 000 пуд. до 3 551 000 пуд. В результате обществу «Продамет» пришлось в 1905 г. снизить цены почти на 10%. Если в 1904 г. синдикат в среднем за все виды листового железа выручал 1 р. 40 коп. в первом полугодии и 1 р. 39 коп. во втором, то в 1905 г. он выручал 1 р. 29 коп. и 1 р. 27 коп. Приблизительно на таком же уровне цены держались до начала 1908 г., когда наступило их повышение.

Упорная, напряженная борьба листового синдиката с внесиндикатскими предприятиями Юга России не нашла достаточного отражения в современной печати, но появлявшиеся время от времени сообщения в «Торгово-промышленной газете»¹ дают некоторое представление о характере этой борьбы. Так, в начале 1905 г. в Нижегородском районе Юзовский завод предлагал листовое железо толщиной в $\frac{1}{8}$ " по 1 р. 55 коп. франко — Екатеринодар на срок в 6 месяцев (синдикат продавал торговцам только за наличные). В первом квартале

¹ «Торгово-промышленная газета», 1905, № 58, 78; 1906 — № 51, 255; 1907 — № 42, 253.

того же года в Петербургском районе, благодаря конкуренции между синдикатом и некоторыми южными металлургическими заводами, цены на листовое железо упали приблизительно на 5 коп. с пуда, а тонкие листы, составлявшие главный предмет конкуренции, упали в цене на 10—15 коп. в сравнении с 1904 г. На Северном Кавказе в начале 1906 г. Юз продавал втулочное, полнечковое и кубовое железо гораздо дешевле синдиката. Там же в конце 1906 г. цены синдиката на полнечковое и кубовое железо были 1 р. 60 коп., а «крупнейший завод Юга, не вошедший в синдикат», продавал на 30 коп. дешевле и побивал общество «Продамет». В ноябре 1907 г. в том же районе, вследствие конкуренции аутсайдеров, основные цены на листовое железо снизились до 1 р. 45 коп. франко — место назначения.

В конечном счете борьба аутсайдеров Юга с листовым синдикатом закончилась победой общества «Продамет», обладавшего большими возможностями «маневрировать» на рынке и опиравшегося на поддержку мощных банков. В конце 1907 г. самый опасный конкурент — Юзовский завод вступил в синдикат, получив долю участия в общем сбыте листового железа в размере 9%. В этот же период примкнул к синдикату и Сулинский завод, доля которого была определена в 2,7%. В дальнейшем продажу листового железа поручили обществу «Продамет» и другие заводы Юга России: Русско-Бельгийский, Дружковский, «Шодуар».

Точно такую же ожесточенную борьбу пришлось вести с аутсайдерами на Юге синдикату балок и швеллеров.

Политика высоких цен, проводившаяся балочным синдикатом, вызвала усиленную конкуренцию со стороны аутсайдеров. В записке Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к подъему отечественной железной промышленности» говорилось: «После сентября 1902 г. цена балок значительно поднялась благодаря передаче продажи их синдикату «Продамета», однако этот синдикат не был в состоянии удержать их на приподнятом уровне, во-первых, благодаря быстрому подъему цен, не согласованному с состоянием железного рынка, а во-вторых, благодаря конкуренции со стороны внесиндикатских и, в особенности, уральских заводов».

Синдикат вел длительную борьбу с крупнейшим аутсайдером на Юге, тем же Юзовским заводом, который с 1903 г. развернул производство балок и швеллеров. Юзовский завод сильно подрывал цены на рынке. Так, в начале 1905 г. в Екатеринодаре балочный синдикат предлагал двутавровые балки по цене 1 р. 05 коп. франко — Екатеринодар, причем мелкие покупатели (менее 300 пуд.) должны были приплачивать еще

15 коп. с пуда, Юзовский же завод предлагал балки по 1 р. 02 коп. за пуд без ограничения количества¹.

Однако вскоре и Юз отказался от борьбы со всеильным «Продаметом».

Борьба балочного синдиката с Юзом закончилась тем, что этот аутсайдер примкнул в феврале 1907 г. к объединению, получив весьма крупную долю участия в общесиндикатском сбыте балок и швеллеров (14,5%). Это значительно укрепило позицию синдиката и в результате цены на балки и швеллера резко повысились (в Екатеринодаре это повышение составляло по швеллерам — 15 коп., по балкам — 30 коп. на пуд). Но дальнейшее повышение цен сделало выгодным производство балок и швеллеров на тех заводах, где они раньше не производились, и создало, таким образом, опасность появления новых аутсайдеров на Юге. Стал вести подготовку к выпуску этих продуктов Сулинский завод. Некоторые другие аутсайдеры (Таганрогский, Донецко-Юрьевский, Константиновский заводы) постепенно примкнули к объединению, причем каждое такое присоединение вело к дальнейшему усилению монополии и росту цен.

К иным результатам привела борьба аутсайдеров Юга с синдикатом по продаже чугунных водопроводных труб. Этот синдикат сразу же повысил цены (основная цена была установлена в 1 р. 25 коп. против прежней в 1 р. 15 коп. за пуд). Но на рынке монополисты столкнулись с сильным соперником — заводом Брянского общества. Этот мощный конкурент способен был сам производить все требующееся в России количество чугунных труб (до 1 200 000 пуд.). Не удовлетворенный предложенной ему квотой в синдикате, Брянский завод предпочел остаться вне объединения и повел ожесточенную атаку против синдицированных фирм. Конкуренция на рынке привела к снижению синдикатских цен на трубы почти на 20 коп., и в апреле 1909 г. основная цена равнялась 1 р. 05 коп. — 1 р. 10 коп. за пуд. В конечном счете борьба эта привела к распаду синдиката чугунных труб, и с апреля 1910 г. договор не был возобновлен.

Синдикат сортового железа возник в условиях более благоприятных для установления монопольных цен. Правда, некоторые заводы (Дружковский, Макеевский, Краматорский) первоначально остались вне этого объединения. Но аутсайдеры Юга не могли играть большой роли на рынке сортового металла, так как все крупнейшие заводы сразу же присоединились к синдикату (Юзовский, Александровский, Днепровский и др.).

---

¹ «Торгово-промышленная газета», 1905, № 72.

Монопольному господству синдиката сортового металла в значительной мере способствовало также и то обстоятельство, что все заводы Польши примкнули к объединению. В этих условиях борьба уральских конкурентов уже не представляла большой опасности для общества «Продамет».

Что касается другого вида изделий, также занимавших важнейшее место в готовой продукции южных заводов, — рельсов, то продажа их была формально синдицирована через общество «Продамет» значительно позже, нежели другие готовые продукты (рельсовый синдикат был создан лишь в 1910 г.). Фактически своеобразная монополия в области сбыта рельсов осуществлялась еще до возникновения общества «Продамет» через так называемый Комитет по распределению казенных заказов на подвижной состав, рельсы и другие железнодорожные принадлежности.

* * *

Еще в 1900 г., в связи с обращением железопромышленников к правительству с просьбой не сокращать казенных заказов, была создана особая правительственная комиссия, которая распределила в том же году заказы на рельсы и подвижной состав на предстоящее трехлетие. Комиссия эта ограничила список заводов, получавших казенные заказы, очень небольшим числом, причем были установлены весьма выгодные для заводчиков цены на рельсы.

В 1902 г., на основании постановления Особого совещания министров, был создан Комитет при Министерстве путей сообщения для распределения между заводами заказов на подвижной состав, рельсы, скрепления и другие железнодорожные принадлежности.

Комитет по распределению казенных заказов был первоначально создан как временное учреждение, сроком на 3 года. В 1903 г. Особое совещание вынесло постановление об отмене существующего порядка и о переходе с 1906 г. к свободной конкуренции между поставщиками. Но заводчики добились продления срока деятельности Комитета вначале на 1906 г., затем срок этот был продлен. В 1912 г. Совет министров рассматривал опять этот вопрос и вновь постановил сохранить Комитет заказов еще на 3 года.

В состав этого Комитета вошли представители от министерств: финансов, путей сообщения, земледелия и государственных имуществ и государственного контроля. Председательствовал один из высших чиновников Министерства путей сообщения. Формально промышленники не имели решающего голоса в Комитете и принимали участие в его заседаниях с

правом совещательного голоса, но на деле их роль этим не ограничивалась.

Комитет по распределению заказов действовал на основании правил, устанавливаемых Особым совещанием министров. Это же совещание устанавливало и цены на рельсы и подвижной состав.

При распределении заказов между предпринимателями Комитет руководствовался следующими правилами.

1. Заказы на паровозы, вагоны, рельсы и скрепления выдавались только тем заводам, которые до этого поставляли указанные изделия казенным железным дорогам.

2. Заказы на скрепления давались, как правило, тем заводам, которые не получали заказов на паровозы, подвижной состав и рельсы.

3. Цены на паровозы, подвижной состав и рельсы были заранее фиксированы казной, а цены на железнодорожные скрепления определялись на основе конкуренции заводов.

4. При распределении заказов между отдельными заводами Комитет исходил как из размеров заказов, исполненных заводами в прошлые годы, так и из их производительной способности и финансового положения.

Комитет ведал распределением заказов для казенных железных дорог, но фактически действия его распространялись и на все частные дороги. Понятно, что частным железнодорожным обществам приходилось платить такие же цены, какие были зафиксированы для казенных поставок.

Казенные заказы являлись одной из весьма существенных мер «воспособления», которые широко применялись правительством для поддержания высоких прибылей магнатов металлургической промышленности. Комиссия при Министерстве финансов установила следующий минимум ежегодных заказов в течение трех лет: рельсов — 19 млн. пуд., вагонов — 22 тыс. и паровозов — 1150. Таким образом общее количество заказов на рельсы на трехлетие 1903—1905 гг. составило 57 млн. пуд., причем львиную долю этих заказов получили металлургические заводы Юга России.

Цены на рельсы и подвижной состав, устанавливаемые Особым совещанием на ряд лет вперед, являлись по существу монопольными ценами. Так, завод Юза сам показал цеховую стоимость пуда рельсов в 89 коп., себестоимость в 1902 г. для Каменского завода составляла 79 коп. с небольшой дробью, для «Русского Провиданса» — 85,67 коп., Таганрогского — 77,59 коп., Александровского — 92 коп., Петровского — 88,7 коп. Между тем в период 1898—1900 гг. казна платила за рельсы

1 руб. 12 коп. за пуд; в 1901 г. цена была повышена до 1 руб. 25 коп.; в 1903 г. она снизилась до 1 руб. 23 коп., в 1904 г.—1 руб. 17 коп.; в 1905 г.—1 руб. 12 коп. и в 1906 г.—1 руб. 12 коп. В то же время цены на рельсы для всех покупателей, помимо казны, были значительно ниже.

Ежегодные переплаты казны на железнодорожное оборудование достигали не менее 15 млн. руб.; в декабре 1905 г. переплаты по рельсам за истекший год исчислялись в 3,5 млн. руб.

Ю. Гужон на 27 Съезде горнопромышленников Юга России сообщил, что при цене рельсов 1 руб. 25 коп. за пуд шесть заводов получали попудную премию на производимые ими рельсы в сумме 45 коп. на пуд, что составляло для каждого из шести заводов в отдельности годовую премию, доходящую для Днепровского завода до 1 116 000 руб., Таганрогского — 607 500 руб., Брянского — 1 550 000 руб., Русско-Бельгийского — 1 635 000 руб., Дружковского — 1 683 000 руб., Юзовского — 2 116 000 руб.¹

Таким образом, царское правительство, грабя народные массы при помощи налогов, систематически «подкармливало» монополистическую буржуазию, переплачивая ей огромные суммы по казенным заказам.

И. В. Сталин неоднократно подчеркивал связь магнатов капитала с царизмом и заинтересованность буржуазии в казенных заказах². Это обстоятельство являлось одной из важнейших причин сугубой контрреволюционности русской буржуазии.

За период 1897—1907 гг. из общего количества заказов на рельсы в 211 830 000 пудов (без польских заводов) южными металлургическими предприятиями было исполнено заказов на 167 033 000 пудов (свыше 78%). В таблице 10 приводим данные по отдельным заводам Юга за эти годы³.

Комитет по распределению заказов действовал в самом тесном контакте с хозяевами южной металлургии. Распределение заказов между заводами производилось при ближайшем участии представителей заинтересованных предприятий. Более того, есть основания предполагать, что одновременно с официальным Комитетом по распределению заказов существовало

---

¹ Труды 27 Съезда горнопромышленников Юга России, т. III, стр. 177—178.

² См. И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 39—40.

³ Статистические материалы к Междудементственному совещанию о мерах к улучшению отечественной металлургии и машиностроительной промышленности, стр. 39.

негласное объединение заводчиков, которое организовано проводило свою линию в Комитете.

Т а б л и ц а 10

Выполнение заказов на рельсы заводами Юга
за 1897—1907 г. (в тыс. пуд.)

Заводы	Количество рельсов
Юзовский	37 399
Днепровский	23 062
Александровский	29 664
Русско-Бельгийский	32 335
Дружковский	31 265
Таганрогский	5 637
«Русский Провиданс»	4 147
Донецко-Юрьевский	3 524

Примечание. Заводы «Русский Провиданс» и Донецко-Юрьевский начали поставлять рельсы только с 1903 г.

Так, «Торгово-промышленная газета»¹ в статье «Наши железные синдикаты» писала: «Надо отметить еще три соглашения относительно распределения между отдельными заводами казенных заказов на рельсы, паровозы и вагоны. На эти продукты казна устанавливает цены по своему усмотрению, а потому целью соглашения является возможно равномерное распределение этих заказов между отдельными заводами, производительная способность которых значительно выше текущего спроса. Эти соглашения, очевидно, не являются синдикатами, раз назначение продажных цен не находится в их руках, но они... несомненно, вылились бы в типичные синдикаты, если бы сбыт соответствующих товаров происходил на свободном рынке».

Такая оценка указанных соглашений далеко не соответствует действительной роли негласных синдикатов заводчиков, которые не только распределяли квоты, но и оказывали организованное влияние на Комитет по распределению заказов.

И хотя правительственные органы на словах заявляли, что они де против засилья синдикатов и за здоровую конкуренцию отдельных капиталистических фирм, на деле же, при заклю-

¹ «Торгово-промышленная газета», 1903, № 289.

чении контрактов на поставку металла и угля преимущество всегда предоставлялось монополиям.

Так, например, в специальном отношении Министерства путей сообщения Совету съездов горнопромышленников Юга России в октябре 1910 г. говорилось о стремлении Министерства путей сообщения парализовать политику монополий «всеми доступными для него средствами»¹. На специальных совещаниях начальников материальных служб Министерства путей сообщения ставился вопрос о мерах борьбы с синдикатами², но общая политика правительственных органов, направленная на поддержку монополистического капитала, оставалась неизменной.

Монопольное положение предприятий, связанных с Комитетом заказов, усиливалось еще и благодаря тому, что заводы эти легче получали казенные заказы на другие изделия, не входившие в круг деятельности Комитета (мосты, оборудование водоснабжения и т. д.). Промышленники пытались требовать фиксации цен и на эти изделия, но успеха не имели.

Позднее других видов продукции металлургических заводов была синдицирована продажа рельсов. Правда, временные негласные соглашения крупнейших рельсовых заводов, повидимому, имели место еще в годы кризиса начала XX в., но окончательное создание монополистического объединения рельсозаводчиков, включившегося в состав «Продамета», относится только к началу 1910 г.

Два обстоятельства подтолкнули крупных рельсозаводчиков к созданию монополии синдикатского типа.

Синдикатское объединение необходимо было для установления максимальных цен по правительственным заказам. Еще в 1909 г. в буржуазную печать стали проникать слухи о якобы готовящейся ликвидации Комитета заказов и сосредоточения в руках Министерства путей сообщения казенных заказов на рельсы и подвижной состав. Крупнейшие металлургические заводы в связи с этими слухами решили создать мощное объединение, чтобы продиктовать свои условия новому заготовительному органу железных дорог. На состоявшемся в октябре 1909 г. в Петербурге совещании рельсозаводчиков необходимость синдицирования обосновывалась тем, что только таким образом удастся поддержать высокий уровень цен

---

¹ Труды 36 Съезда горнопромышленников Юга России. Доклад Совета съездов. Приложение 11а.

² См., например, доклад инж. Лутохина «О мерах борьбы с синдикатами» на 3 съезде начальников материальных служб в 1913 г. (Труды 3-го совещательного съезда начальников материальных служб Министерства путей сообщения, т. III. Приложения).

на рельсы и устранить конкурентную борьбу между предприятиями при распределении казенных заказов¹.

Другим фактором, подтолкнувшим владельцев металлургических заводов к созданию рельсового синдиката, была необходимость борьбы с международным рельсовым синдикатом.

Попытки крупнейших металлургических заводов Юга расширить экспорт русских рельсов за границу приняли особенно упорный и настойчивый характер в годы депрессии. При этом отдельные заводы для достижения указанной цели неоднократно вступали между собой во временные соглашения.

Так, в 1908 г. в Сербии, на торгах по поставке рельсов и разных скреплений для нужд королевских железных дорог на сумму 4 млн. франков, выступил синдикат трех южных металлургических заводов: Нижнеднепровского, Русско-Бельгийского и «Русского Провиданса»². Конкуренция южнорусских заводов, вывозивших рельсы по очень низким ценам, подрывала, в известной степени, господство международного рельсового синдиката на экспортных рынках.

Русские рельсы проникали главным образом в балканские страны. Переговоры русских рельсозаводчиков с международным рельсовым синдикатом, проводившиеся в 1908—1909 гг., долго не давали никаких результатов (южные заводы требовали доли участия в экспорте рельсов не менее 12 млн. пудов в год). Лишь в конце 1909 г. к международному рельсовому синдикату примкнули 3 южных завода: Днепровский, Русско-Бельгийский и «Русский Провиданс» с долей участия в 80 000 тонн в год, что составляло около 7,2% к общему экспорту рельсов. Несколько позже к этому синдикату присоединились Дружковский и Таганрогский заводы. Эти же предприятия Юга России с 1 января 1910 г. были объединены в рельсовый синдикат внутри «Продамета». Впоследствии продажу своих рельсов обществу «Продамет» передали также заводы Александровский и Юзовский. Таким образом, «Продамет» объединил и рельсопрокатные заводы Юга.

После создания оформленного синдиката южных рельсозаводчиков, влияние их в Комитете по распределению казенных заказов еще более усилилось. С возникновением рельсового синдиката организационная структура «Продамета» окончательно оформилась.

В табл. II мы приводим данные о возникновении отдельных синдикатов в рамках «Продамета».

¹ «Горнозаводский листок», 1909, №№ 129—130.

² «Торгово-промышленная газета», 1908, № 140.

Возникновение металлургических синдикатов в рамках общества «Продамет»

Название синдиката	Время возникновения синдиката	Наименование продукта, сбываемого синдикатом
Листовой	1902 г.	Листовое железо. Универсальное железо и сталь. Втулочное, поличковое, рифленое, волнистое железо
Балочный	1903 г.	Двутавровые балки и швеллера
Бандажный	1905 г.	Бандажи и оси
Чугунных труб	1905 г. (распался в 1910 г.)	Водопроводные и канализационные трубы и фасонные части к ним
Сортовой	1908 г.	Сортовое, обручное, рессорное, угловое и фасонное железо, рудничные рельсы
Рельсовый	1910 г.	Железнодорожные рельсы

* * *

Монополистические организации в металлургической промышленности Юга России не ограничивались синдикатами общества «Продамет». На Юге существовали и другие объединения, в которые входили металлургические заводы.

В 1902 г. возник синдикат южных предприятий по продаже специальных чугунов (ферро-марганец, ферро-силиций, зеркальный). В состав синдиката входили 6 южных заводов: Донецко-Юрьевский, Днепровский, Новороссийский, Ольховский, Русско-Бельгийский, Александровский. Эти заводы заключали договоры с петербургским торговым домом Ад. Лессинг, которому они передавали исключительное право на продажу соответствующих продуктов.

Синдикат сосредоточил в своих руках сбыт около 90% всех вырабатываемых в России специальных чугунов, производство которых стало значительно расширяться лишь с 1900 г. Основными производителями специальных чугунов являлись южные заводы, объединенные в указанном синдикате. В 1903 г. из общеимперского производства специальных чугунов в 2 882 895 пуд. заводами Юга произведено 2 691 904 пуд.; соответственные цифры 1904 г.— 4 755 664 и 4 560 278 пуд. Доступ

на внутренний рынок заграничных специальных чугунов был прегражден высокими пошлинами, доходившими до 75 коп. с пуда.

Синдикат по продаже железных сварных труб, возникший в 1902 г., концентрировал продажу газовых, водопроводных, дымогарных, нефтепроводных, паровозных и цельнотянутых труб. В синдикат входило 10 русских заводов, в том числе 5 южных: Таганрогский, Никополь-Мариупольский, «Гартман», «Шодуар» и «Ланге». Это объединение носило негласный характер. Управление делами синдиката находилось в Берлине, так как германские капиталисты играли руководящую роль в ряде предприятий, вошедших в объединение. Синдикат железных сварных труб открыл в Москве особую контору, торговый дом под названием «Трубопродажа».

В руках этого объединения была сосредоточена продажа почти всего русского производства железных труб.

Что касается сбыта проволоки и гвоздей, то отношение южных заводов к соответствующим синдикатам представляется в следующем виде: в 1903 г. был организован общероссийский гвоздильно-проволочный синдикат с центральной продажной конторой — акционерное общество «Гвоздь». В синдикат этот входили и южные заводы: Дружковский, Александровский, Днепровский¹.

Объединение концентрировало сбыт проволочного железа и стали в кругах, проволоки тянутой и резаной, железно-проволочных гвоздей и пр. (сбыт катаной проволоки не был синдицирован). Общество «Гвоздь» установило очень высокие цены на сбываемые им товары, что вызвало рост производства проволоки и гвоздей у внесиндикатских фирм и обострение конкуренции. На Юге крупнейшим конкурентом синдиката «Гвоздь» являлось Русско-Бельгийское металлургическое общество, которое выстроило новое отделение для прокатки проволочного железа и стали и сбывало эти товары новым внесиндикатским гвоздильным заводам.

В 1908 г. общество «Гвоздь» распалось, а в следующем году возник синдикат по сбыту гвоздей и проволоки под названием «Проволока». С этим синдикатом было связано Донецко-Юрьевское металлургическое общество, которое присоединило к себе в 1911 г. Петербургские железо-прокатный и проволочный заводы, входившие в состав «Проволоки».

Таким образом, после распада синдиката «Гвоздь» сбыт проволоки и гвоздей, производимых на Юге, не был синдицирован, и металлургические заводы конкурировали с обществом «Проволока». Особенно активной эта конкуренция была в

¹ «Экономическая газета», 1904, № 21.

Южном районе. Для усиления влияния синдиката на Юге в 1910 г. всеми участниками «Проволоки» на общих началах было создано в Екатеринославе «Общество Днепровского гвоздильного завода».

В общероссийский синдикат «Продвагон» входили из южных предприятий только два: общество Брянских заводов и Николаевский завод.

Некоторые металлургические предприятия Юга России, имевшие крупные каменноугольные шахты, состояли в синдикате донецких углепромышленников «Продуголь».

Любопытно общее соотношение между всей синдицированной и несиндицированной продукцией южных заводов.

Синдикаты охватывали 81% готового продукта, который в свою очередь составлял около $\frac{2}{3}$ всего металла, идущего в продажу. Значительно слабее был охвачен монополиями сбыт металлоизделий (около 25%).

Что же касается чугуна (не специального) и полупродукта, доля которых в общем количестве отпускаемого в продажу металла составляла около 27%, то синдикат по сбыту этих продуктов не был организован, и здесь как будто господствовала свободная конкуренция. Но ближайший анализ, который мы даем ниже, показывает, что хотя формально сбыт чугуна не регулировался синдикатом, тем не менее, и в этой области существовала фактическая монополия, своеобразно переплетавшаяся с конкуренцией.

* * *

Переговоры о создании синдиката южных производителей чугуна возникали неоднократно, начиная с 1902 г. Вопросу этому придавалось в годы кризиса и депрессии большое значение.

В 1907 г. в Петербурге состоялся съезд представителей чугуноплавильных заводов Юга, где вопрос о создании синдиката был решен в положительном смысле. Соглашение, однако, не состоялось, так как при распределении квот выявились непримиримые расхождения.

В 1910 г. на страницах органа Совета съездов представителей промышленности и торговли (в Совете руководящую роль играли представители горнопромышленников Юга России) вновь был поднят вопрос о необходимости создания чугунного синдиката. После этого переговоры возобновились, но опять кончились безрезультатно.

Буржуазная печать объясняла неудачу попыток создания чугунного синдиката тем, что крупные заводы требовали слишком большой квоты. В действительности же отсутствие син-

диката южных заводов по чугуну объяснялось более глубокими причинами. Несмотря на то, что формально чугун оставался несиндицированным, на деле, благодаря тому, что продажа всего готового продукта была монополизирована, группа крупнейших заводов — организаторов «Продамета» обладала фактической монополией на чугунный рынок. По мере развития южных синдикатов отпадала острая необходимость в создании объединения по сбыту чугуна, так как и без такого объединения монопольные цены на чугун были обеспечены, особенно в период подъема. Кроме того, монополистам было, в известной мере, выгодно отсутствие официального соглашения по чугуну для оправдания высоких цен на готовый продукт.

Из данных, приведенных в таблице 12, можно заключить, что в период 1908—1912 гг. приблизительно от 65 до 75% всего производимого на южных заводах чугуна шло для передела в готовую продукцию на тех же предприятиях.

За 1908—1912 гг. количество чугуна, отпускаемого в продажу, несмотря на огромный рост всего производства чугуна, не увеличилось, а наоборот, в отдельные годы повышенного спроса на готовый продукт снижалось и в абсолютном количестве. Как видно из таблицы, в 1910 г. из общего количества произведенного на южных заводах чугуна (126,4 млн. пуд.) было вывезено на рынок 42,2 млн. пуд., а в 1911 г., несмотря на то, что количество произведенного чугуна выросло весьма значительно — до 147,7 млн. пуд., отпуск его на рынок уменьшился по сравнению с 1910 г. и составил только 41,8 млн. пуд. За период 1908—1912 гг. производство чугуна на металлургических заводах Юга России выросло на 47%, между тем отпуск чугуна на продажу за те же годы остался в общем на том же уровне.

Объяснялось это отнюдь не недостаточным рыночным спросом на чугун, — наоборот, начиная с 1910 г. на рынке ощущался острый недостаток этого продукта. Действительная причина указанного явления заключалась в том, что в годы повышенного спроса на готовый продукт металлургическим заводам было выгоднее пускать свой чугун в передел, чем продавать его на сторону.

Тенденция к увеличению выпуска готовых продуктов за счет сокращения продажи чугуна особенно усилилась после того, как синдикаты охватили продажу почти всего готового продукта, выпускаемого южными заводами и установили на них монопольные цены. Синдицирование продажи готовых продуктов и повышение цен на них вело к тому, что заводы, предпочитая все большую часть своего чугуна перерабатывать в готовый продукт, относительно сокращали отпуск чугуна на

рынок. Недостаточное же предложение на рынке при сильном ограничении импорта приводило к быстрому повышению цен и на чугун.

Т а б л и ц а 12

**Выплавлено и отпущено чугуна на заводах Юга России
(в млн. пуд.)¹**

Год	Выплавлено	Отпущено на продажу
1903	83,3	31,7
1904	110,6	35,6
1905	103,1	32,0
1906	102,0	35,6
1907	111,1	44,4
1908	117,4	42,7
1909	122,9	40,0
1910	126,4	42,2
1911	147,7	41,8
1912	173,4	42,5

Таким образом, монопольное положение на рынке готовых продуктов косвенным путем обеспечило заводчикам монополию и на рынке чугуна, причем монополия эта явилась одной из главнейших причин так называемого «чугунного голода» в годы предвоенного подъема. К этому следует добавить, что после возникновения синдикатов по продаже готовых продуктов заводы стали более независимыми от потребителей. Если раньше предприятия для закрепления своих связей с покупателями были заинтересованы в более полном удовлетворении их спроса, в частности, и на чугун, то после создания «Продамета» этот стимул отпал. Заводы, объединяемые «Продаметом», давали около 75% общеимперского производства чугуна, причем Юг и в этой области играл доминирующую роль. Так, в 1911—1912 гг. общеимперское производство чугуна составило 237 957 тыс. пуд., в том числе членами «Продамета» произведено было 177 482 тыс. пуд.²

Фактическая монополия на чугунном рынке для синдицированных заводов Юга России обеспечивалась также политикой банков, связанных с железными синдикатами. Имея в своих руках важнейшие финансовые рычаги, банки сознательно не

¹ «Вестник финансов» 1912, № 41; «Торгово-промышленная газета», 1914, № 9.

² «Русский биржевой ежегодник», 1915, стр. 183.

допускали прилива капиталов в металлургическую промышленность для строительства новых предприятий. Производительность чугуноплавильной промышленности отставала от развития экономической жизни России. Несмотря на то, что спрос на металл возрастал в период 1910—1914 гг. очень интенсивно, темпы роста выплавки чугуна снижались из года в год. Так, в 1911 г. выплавка чугуна по отношению к предыдущему году увеличилась на 18,2%, в 1912 г.— на 16,8%, в 1913 г.— на 10,2% и за первое полугодие 1914 г.— всего на 2%, что свидетельствовало о приближающемся экономическом кризисе¹.

Как упоминалось выше, монополисты в некоторой степени даже были заинтересованы в том, чтобы не существовало формального объединения по продаже чугуна, и использовали этот фактор для оправдания политики цен, проводившейся синдикатами. Повышение цен «Продаметом» на готовый продукт они старались объяснить ростом цен на несиндицированный чугун. В ответ на обвинения, сыпавшиеся со всех сторон на синдикатскую политику цен, деятели «Продамета» и их защитники, вроде Гливица, отвечали, что дело вовсе не в синдикатах, а в соотношении спроса и предложения; при этом в качестве доказательства ссылались на то, что хотя продажа чугуна не охвачена синдикатами тем не менее цены на него росли еще быстрее, чем на синдицированные готовые продукты.

Действительно, цены на чугун в годы предвоенного подъема росли весьма интенсивно (см. таблицу 13).

В 1912 году цены на литейный чугун дошли до 81 коп., на переделный — до 79 коп. за пуд.

Но повышение цен на чугун объяснялось не простым соотношением спроса и предложения, как это пытались доказать заводчики и их защитники, а явилось прямым результатом политики монопольных объединений, группировавшихся вокруг общества «Продамет». Рост монопольных цен на готовый продукт вызывал сокращение предложения чугуна на рынке и, следовательно, повышение цен на него. Не цена чугуна определяла цену железа, как утверждали заводчики, а, наоборот, монопольная цена на синдицированное железо определяла цену чугуна на рынке. Об этом можно судить по откровенному выступлению представителя южных заводов Эфрона на металлургическом совещании 1908 г.: «У нас,— заявил Эфрон,— производства чугуна, как самостоятельного производства, почти не существует, все зависит от способа

---

¹ В. С. Зив. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности, Пг., 1917, стр. 127.

Сравнительный рост цен на чугуны и готовые продукты
(цена пуда в копейках)¹

Годы	Чугун пердедьн.	Сортовое железо	Двугавровые балки
1909	Не выше 44	Не выше 132	—
1910 январь	42—43	120—135	120—145
1910 декабрь	50—52	135	131—151
1911 сентябрь	60—65	145—150	145—149

существующих расценки, которые составляются на готовые уже изделия»².

Таким образом, хотя чугунный синдикат южных заводов формально не был организован, тем не менее, фактическая монополия и в этой области достигалась косвенно через синдикаты, охватившие сбыт почти всего готового продукта, причем эта монополия своеобразно переплеталась с конкурентной борьбой между отдельными чугуноплавильными предприятиями.

* * *

Данные об участии металлургических заводов Юга в различных синдикатах приведены в таблице 14.

Если не считать участия в «Продугле», то, как видно из этой таблицы в 1912—1913 гг. одновременно в семи синдикатах состояли два общества: Южно-Русское Днепроовское и Таганрогское; в шести синдикатах — три общества: Русско-Бельгийское, Брянское и Донецко-Юрьевское; в пяти синдикатах — три общества: Новороссийское, Донецкое и «Русский Провиданс»; в четырех синдикатах — Макеевское общество; в трех — общество «Гартман»; в двух — четыре общества: Краматорское, Константиновское, Никополь-Мариупольское и «Шодуар». Остальные общества входили лишь в одно объединение.

Наконец, некоторые предприятия оставались вне металлургических синдикатов (Гданцевский и Торецкий заводы).

Из всего изложенного следует, что процесс синдицирования топливно-металлургической промышленности Юга России после кризиса начала XX в. протекал довольно интенсивно, и

¹ «Вестник финансов...», 1911, № 47.

² Стенограмма совещания о положении металлургической и машиностроительной промышленности, 1908, стр. 259.

за какое-нибудь десятилетие важнейшие капиталистические предприятия вошли в состав нескольких крупных монополий,

Таблица 14

Участие металлургических обществ Юга России в различных синдикатах (1912—1913 г.)¹

Общества	Синдикаты												
	Сортовой („Продамет“)	Листовой („Продамет“)	Балочный („Продамет“)	Рельсовый („Продамет“)	Вагонный („Продамет“)	Спецчугунов	Железных труб	Международный рельсовый	„Проволока“	„Гвоздь“ (до 1908 г.)	Чугунных труб (до 1908 г.)	„Продагон“	„Продуголь“
Южно-Русское Днепровское	+	+	+	+	+	+				+			+
Русско-Бельгийское	+	+	+	+		+							+
Новороссийское	+	+	+	+		+							+
Брянское	+	+	+	+		+				+			+
Донецкое (Дружковский завод)	+	+	+	+						+			+
«Русский Провиданс»	+	+	+	+						+			+
Таганрогское	+	+	+	+	+					+			+
Донецко-Юрьевское	+	+	+	+					+				+
Макеевское	+	+	+	+									+
Краматорское	+		+										+
Константиновское	+		+										+
Сулинское	+												+
«Гартман»	+	+											+
Никополь-Мариупольское													+
«Шодуар»		+											+
Ольховское													+
Ланге						+							+
Криворожских железных руд							+						+

(до 1908 г.)

сосредоточивших в своих руках подавляющую долю продажи производимого железа и угля.

При этом самый процесс объединения сопровождался острой конкурентной борьбой между отдельными капиталистическими группами.

¹ Данные о синдикатах «Продамета» взяты из «Статистического ежегодника» 1914 г. под ред. Шарого, стр. 181. Крестиками отмечены общества, входившие в соответствующий синдикат.

Глава III

КОНКУРЕНТНАЯ БОРЬБА «ПРОДАМЕТА» С МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ УРАЛА И ПОЛЬШИ

Борьба между «Продаметом» и уральской и польской промышленностью началась задолго до синдицирования уральской металлургии и появления синдиката «Кровля».

Борьба между Уралом и Югом обострилась уже в начале XX в., сразу же после организации «Продамета». Кризис и застой 900-х годов и сокращение казенных заказов заставили железозаводчиков Юга обратить внимание на производство рыночных товаров, которые до этого доставлялись на рынок главным образом заводами Урала. Перед возникавшими один за другим синдикатами южных металлургических заводов стояла задача — разгромить уральских конкурентов, вытеснить их с железного рынка. Но, несмотря на техническое и организационное превосходство Юга, победа досталась ему нелегко, так как заводчики Урала упорно отстаивали свое существование.

Уже возникновение первого синдиката южных заводов по продаже листового железа вызвало усиленную конкуренцию со стороны уральских предприятий. На повышение цен, проведенное синдикатом, уральцы ответили значительным расширением производства листового железа. Уральские листокальные заводы значительно превысили в 1904 г. максимальные размеры производства толстого листа, достигнутые в 1900 г. В 1903 г. Урал дал 31% общеимперского производства тонкого листа, а в 1904 г. — 35%.

Общество «Продамет» в борьбе с уральскими конкурентами сразу же стало на путь применения «боевых» цен. Сущность политики «боевых» цен заключалась в том, что в тех районах, где синдикату угрожала конкуренция со стороны

уральских заводов, цены на железо устанавливались синдикатом значительно более низкие, чем в остальных районах; эти потери с лихвой перекрывались повышением цен в районах безусловного господства монополистов. Так, например, в 1905 г. синдикат установил в Нижнем Новгороде на листовое железо такие цены, что московским, ярославским, саратовским потребителям оказалось выгоднее покупать эти товары в Нижнем Новгороде, а не на месте производства — на Юге, где цены были установлены более высокие¹.

Такую же политику цен в борьбе с Уралом проводил синдикат по продаже балок и швеллеров. В начале 1905 г. «Торгово-промышленная газета» сообщала: «Балки Богословские заводы (Урал) продавали на Нижний по 1 р. 20 коп. «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов» ввиду этого назначило специально для Нижнего цену 1 р. 15 коп., и этим путем балочный синдикат хочет заставить Богословские заводы войти в синдикатское соглашение или запродать в будущем всю партию балок синдикату. Торговцы, купившие балки, озадачены и вероятнее всего потребуют от Богословских заводов скидки или же без церемонии откажутся от приемки»².

Особенно обострилась конкурентная борьба Юга с Уралом после возникновения синдиката сортового железа и стали, который вначале объединил заводы всех районов России, кроме уральских, поставлявших на рынок около 15% общероссийского сбыта сортового металла (данные 1908 г.). На Нижегородской ярмарке 1909 г. этот синдикат столкнулся с сильной конкуренцией со стороны уральцев. Последние предлагали более легкие условия расчета и больше считались с требованиями покупателей. Кроме того, уральские заводчики продавали железо дешевле, что заставило и южан несколько снизить цены. Сортовой синдикат поставил своей целью побить уральских конкурентов в их собственном районе, применяя для этого также специальные «боевые» цены.

На 149 тарифном съезде, происходившем в 1912 г., представитель горного департамента Министерства торговли и промышленности заявил в своей речи: «Все южные заводы соединились в синдикат и таким образом имеют еще одно средство успешно конкурировать с Уралом не только на общих рынках, но и на рынках сибирских. Продавая железо на своих собственных рынках дороже, они имеют возможность в Сибири назначить весьма дешевые цены. Так, они продают

---

¹ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России, 1905, стр. LXXIII.

² «Торгово-промышленная газета», 1905, № 32.

железо в Иркутске по 1 р. 30 коп.— 1 р. 40 коп., на самом Урале они ставят цены еще более низкие — 1 р. 05 коп.— 1 р. 18 коп., а по таким ценам Урал не может продавать даже у себя на месте, так как они для него безусловно убыточны»¹.

С 17 февраля 1912 г. синдикат установил нижеследующие основные цены на сортовое железо и рудничные рельсы по разным районам империи²:

Для Бакинской губернии и Дагестанской обл.	1 р. 48 к.
• Тифлисской и Кутаисской губ.	1 р. 55 к.
• Карской, Эриванской, Елисаветпольской губ.	1 р. 60 к.
• Варшавского, Виленского, Екатеринославского и Киевского районов	1 р. 48 к.
• Московского района	1 р. 45 к.
• Нижегородского района (за исключением некоторых пунктов)	1 р. 40 к.
• Одесского, Ростовского, Петербургского и Харьковского районов	1 р. 48 к.
• Саратовского района	1 р. 40 к.

В этой таблице цен ярко отразилась политика борьбы против Урала, которую продолжал вести синдикат. Так, в Нижегородском и Саратовском районах, расположенных ближе к Уралу, основные цены установлены на 8 коп. с пуда ниже, чем в других районах, где конкуренция уральских заводов не угрожала южным монополистам. Любопытно также, что цены были установлены одинаковые как для Петербургского района, удаленного на тысячи километров от места производства, так и для Харьковского и Екатеринославского районов.

Уральские заводы для облегчения конкурентной борьбы против южных монополистов добивались от правительства специальных льготных железнодорожных тарифов на перевозку уральского железа к рынкам сбыта, против чего решительно боролись железозаводчики Юга. Иногда уральцы находили поддержку со стороны железнодорожного ведомства, которое пыталось ограничить монополию южных заводов и поощряло борьбу Урала против вассалии «Продамета». Сами уральские заводчики, ходатайствуя о снижении тарифов на перевозку своего железа, старались доказать, что железные дороги кровно заинтересованы в сохранении уральской металлургии, конкуренция которой подрывает монопольное господство Юга.

Железозаводчики Юга боролись не только против установ-

¹ Труды 37 Съезда горнопромышленников Юга России, т. II. Приложение к отчету Совета съездов, стр. 51.

² П. И. Фомин. Очерки экономического описания России. 1914, стр. 178.

ления льготных тарифов на уральское железо, но заняли резко враждебную позицию, когда уральцы потребовали снижения железнодорожных ставок на перевозку донецкого кокса для нужд уральских заводов.

Особенно опасным оказалось для Урала растущее влияние южных заводов на рынке кровельного железа. Уральские предприятия издавна составляли на рынок подавляющую часть потреблявшегося в России кровельного железа. Южные заводы в начале 900-х годов производили сравнительно небольшое количество кровли, притом железо это значительно уступало уральскому по своему качеству. Сокращение казенных заказов и повышение цен на уральское кровельное железо в связи с возникновением синдиката, объединившего производителей Урала, привели к расширению производства этого рода продукции и на заводах Юга.

Растущая конкуренция южных производителей кровельного железа вызвала контрмеры со стороны уральского синдиката, которые выразились, прежде всего, в установлении «боевых» районных цен против южных заводов. Так, например, уральский кровельный синдикат установил в 1905 г. основные цены на кровельное железо для уральского района франко — линия железной дороги — 2 р. 15 коп. и выше, для Сибири — 2 р. 15 коп. — 2 р. 45 коп., для станций железных дорог в губерниях Воронежской, Екатеринославской, Калужской, Курской, Московской — 2 р. 10 коп., а для Тульской губ. — даже 2 р. 05 коп.¹

В борьбе за отвоевание рынков у уральцев южные железозаводчики пошли на улучшение качества производимого ими кровельного железа. Тактика, которую проводили южные заводы в борьбе с уральским синдикатом «Кровля», была следующим образом охарактеризована в отчете Московской земской управы. «Управа отмечает разницу в тактике борьбы за рынок уральских заводов и заводов Юга. В то время, как Урал борется путем синдицирования и одновременного понижения строгости сортировки..., забрасывая старые способы тщательной отделки поверхности, стойкой против ржавчины, чем раньше так славилось уральское железо, Юг, напротив, все усилия направляет на улучшение качества, удешевления же продукта добывается путем увеличения выработки... Еще 6—7 лет назад южное железо было неровное, «коробоватое», с красной шероховатой поверхностью, теперь же оно на лучших заводах красивое, матовое, совершенно ровное, пробитое под молотом уральским способом, выписанными с Урала рабочими...

---

¹ «Торгово-промышленная газета», 1905, № 166.

Благодаря всему этому Юг выступает все более и более серьезным конкурентом Уралу и его железо появляется уже на исконных уральских рынках — на Волге и в Сибири»¹.

Рост производства кровельного железа на Юге шел чрезвычайно быстрыми темпами вплоть до начала нового промышленного подъема в России; тем не менее, значение Урала как главного поставщика кровельного железа на рынок за ним сохранилось.

В процессе ожесточенной борьбы южных металлургических заводов против «Кровли» возникла идея создания южного кровельного синдиката в составе общества «Продамет». О предстоящем объединении южных производителей кровельного железа заявил в феврале 1907 г. в беседе с корреспондентом «Торгово-промышленной газеты» Е. Ю. Румель — управляющий делами общества «Продамет»². Подобные же сообщения появлялись в печати и позже.

Хотя формально такой синдикат при обществе «Продамет» не был создан, тем не менее, на деле существовали негласные соглашения синдикатского типа между заводами Юга, производившими кровельное железо. О подобном соглашении упоминает И. М. Гольдштейн³. По сообщению «Торгово-промышленной газеты»⁴ в конце 1909 г. три металлургических завода Юга образовали ядро южно-русского кровельного синдиката и поставляли на рынок около 3 млн. пуд. кровельного железа. Цель вновь возникающего соглашения, писала газета, состоит в том, чтобы привести «в норму» рынок, сильно расстроены действиями уральской «Кровли».

Вопрос о создании кровельного синдиката южных заводов с началом промышленного подъема отпал, так как эти заводы были загружены крупными казенными заказами и сильно сократили производство кровельного железа.

Неоднократно делались попытки примирить конкурентов и объединить уральцев и южан в едином синдикате. Уже в январе 1904 г. на 12-м Съезде горнопромышленников Урала выступавший за организацию такого синдиката представитель конторы железозаводчиков Гужон, пытаясь припугнуть уральцев, заявлял: «Юг России, организовавшись в синдикаты сам и потянув за собою польские, центральные и северные заводы, станет еще сильнее, чем до сих пор, теснить уральские заводы, на рынке сортового железа. Урал принужден будет в таком случае ответить понижением цен со своей стороны, т. е. про-

¹ «Торгово-промышленная газета», 1911, № 250.

² Там же, 1907, № 29.

³ И. М. Гольдштейн. Благоприятна ли русская действительность для образования синдикатов и трестов?, стр. 44.

⁴ «Торгово-промышленная газета», 1909, № 273.

изойдет взаимное пожирание... только общий российский синдикат будет в состоянии устранить это печальное явление»¹.

Накануне этого съезда на страницах органа южных горнопромышленников был поднят вопрос о необходимости организации всероссийского чугунного синдиката². Автор статьи, неизвестный «деятель» уральской промышленности Штейнфельд, предлагал осуществить раздел рынков между Югом и Уралом с целью установления монопольного господства и повышения цен на чугун. «Почему бы,— писал он,— пользуясь обстоятельствами, не перекинуть мост между главнейшими в настоящее время производителями рыночного чугуна — Югом и Уралом?.. цены в 40—41 коп. за пуд чугуна на южных заводах надо считать ненормально низкими при настоящих условиях рынка железных продуктов в России, с другой стороны, цена 52 коп. на Урале ненормально высока и допустима только лишь при том условии, когда чугун находит себе сбыт поблизости от мест производства, т. е. провоз его обходится очень дешево. Поэтому возможно существование такой компромисс, в силу которого существующий рынок чугуна был бы географически правильно распределен между южными и уральскими чугуноплавильными заводами к обоюдной выгоде для обеих сторон... Уралу... не нужно было бы возить свой чугун окружными дорогами по железной дороге к Москве и за Москву, а Юг мог бы получать за свой чугун, доставляемый в другие центры,— по 45—50 коп. за пуд, а не по 40 или 41 коп., как в настоящее время».

В 1905 г. председатель Совета съездов горнопромышленников Юга России Авдаков ездил на Урал, где вел переговоры о соглашении южных заводчиков с уральским кровельным синдикатом³. Подобные же переговоры велись и в последующие годы. Вопросу этому уделяли большое внимание фактические хозяева общества «Продамет», находившиеся за границей. В 1912 г. «Торгово-промышленная газета» напечатала следующее сообщение⁴: «Заграничная печать за последнее время в весьма категорической форме утверждает, что уже в сравнительно близком будущем возможно ожидать объединения «Кровли» с «Продаметом». Объясняется это многими причинами, но главной из них является слабость положения «Кровли», объединяющей слишком малый процент уральского производства кровельного металла... Предварительные переговоры... идут удовлетворительно. В основу соглашения кладется разделение русских рынков на районы, причем

¹ «Торгово-промышленная газета», 1904, № 23.

² «Горнозаводский листок», 1903, № 31.

³ «Торгово-промышленная газета», 1907, № 29.

⁴ «Торгово-промышленная газета», 1912, № 39.

«Кровля» в «Продамете» займет, якобы, положение, аналогичное положению польских заводов».

Перспектива создания общероссийского синдиката кровельного железа сильно обеспокоила земских деятелей, боровшихся против монополии железозаводчиков. Земцы попытались расстроить план объединения «Кровли» с южным синдикатом. Первой задачей земцев было не дать объединиться всем уральским заводам в «Кровле», ибо, как оказалось, это было условием, при котором южане соглашались вступить в единый синдикат.

В феврале 1912 г. состоялся чрезвычайный съезд уполномоченных земского товарищества «Московское губернское земство и К⁰» (специально созданная в свое время организация земств, которая вела торговлю железом). На съезде решено было закупить у аутсайдеров «Кровли», заводов Сергино-Уфалейских и князя Абамелик-Лазарева значительную партию железа с условием, что эти заводы не вступят в синдикат. Это нанесло сильный удар «Кровле» и затормозило объединение южных и уральских заводчиков.

Рост синдикатских организаций на Юге России все более обострял конкурентную борьбу между районами. Урал уступал одну позицию за другой. Удельный вес уральской продукции на общеимперском рынке систематически снижался или оставался более или менее стабильным, между тем как значение Юга почти по всем видам готовой продукции росло.

Об этом свидетельствуют цифры, приводимые нами в таблице 15¹.

Такое же положение наблюдалось в производстве чугуна и полупродукта.

Обострившаяся конкурентная борьба с южными монополиями угрожала самому существованию уральской промышленности. В продукции, выпускаемой южными заводами, систематически росла доля рыночных товаров. Так, кровельное, сортовое, резервуарно-котельное, универсальное железо и проволока занимали в производстве Урала в 1894 г. 87% всего металлического производства, в 1903 г.— 84,2%, в 1909 г.— 84,2%, таким образом на Урале почти ничего не изменилось. Между тем, на Юге удельный вес этих продуктов за тот же период вырос почти вдвое — в 1894 г. они составляли 32,2%, а в 1909 г.— 60%.

Вместе с расширением монопольного влияния южных металлургических синдикатов росло и сопротивление уральских заводчиков. Перед лицом грозной опасности, среди горнопро-

---

¹ Г. Касперович. Железодобывающая промышленность в России за последнее десятилетие (1903—1912). СПб., 1913, стр. 25—26.

Таблица 15

**Процентное отношение производства главнейших видов
готового продукта на Юге России и на Урале к обще-
имперскому производству**

Виды готового продукта	Годы	Юг России	Урал
Двухавровые балки и швел- лера	1903	81	8
	1904	74	8
	1912	89	6
Рельсы для железных дорог	1903	82	18
	1904	82	18
	1912	79	21
Сортовое и фасонное железо и сталь	1903	35	19
	1904	36	17
	1912	47	13
Катаная проволока	1903	24	1,5
	1904	21	8
	1912	56	5
Толстое листовое железо и сталь	1903	54	6
	1904	50	8
	1912	63	7
Тонкое листовое железо и сталь	1903	36	31
	1904	38	35
	1912	41	16
Кровельное железо	1903	12	80
	1904	13	78
	1912	24	61
Универсальное железо и сталь	1903	39	0,5
	1904	41	—
	1912	46	—

мышленников Урала усиливается тенденция к объединению для того, чтобы сплоченным фронтом действовать против южных монополий. Идея создания единого синдиката находит все больше сторонников. Тенденция эта особенно усиливается после возникновения южного синдиката по сортовому железу и стали.

Представитель уральских горнопромышленников С. Фармаковский в 1909 г. отмечал исключительное напряжение конкурентной борьбы между южными и уральскими заводами. «Борьба Урала с его главнейшим конкурентом — Югом в настоящее время достигает высшего напряжения... к настоящему времени все продукты производства южной металлургии сн-

дицированы и притом синдицированы настолько прочно, что прибыльные цены на эти продукты представляются обеспеченными... объединенное теперь производство почти всей Европейской России, руководимое южным районом, направляется на естественные уральские рынки — Сибирь и Приуральский край.

...Борьба эта в состоянии совершенно погубить уральское железное дело, если последнее не переменит своих нынешних форм производства... Противовесом в этой конкурентной борьбе Урал должен выдвинуть свое собственное объединение»¹.

Далее С. Фармаковский развивает план создания уральского треста металлургических заводов, как орудия борьбы против южных монополий. Однако сравнительно слабая и технически отсталая металлургическая промышленность Урала, разумеется, не в силах была выполнить эту задачу.

Развитие монополистических тенденций в южной металлургии внесло также крупные перемены во взаимоотношения заводов Юга и Польши. Борьба этих двух районов переходит в новую фазу, принимает еще более ожесточенный характер.

Вначале южанам удалось привлечь к участию в составе общества «Продамет» отдельные предприятия Польши («Гута Банкова» — по листу и бандажам, Островецкие — по листу и балкам, Ченстоховские — по балкам), но это объединение было непрочным. В 1908 г. Островецкие и Ченстоховские заводы вышли из балочного синдиката. Первое время заводы Польши серьезно конкурировали с монополистами Юга по таким продуктам, как балки и швеллера, сортовое, листовое и универсальное железо. Значительным был и удельный вес металлургии Польши в общемперском производстве указанных продуктов. Так, в 1904 г. доля эта составляла по балкам и швеллерам 13%, по сортовому железу — 21%, тонкому листовому железу и стали — 25%, универсальному железу и стали — 50%. Немалую роль играла металлургия Польши и на рынке чугуна и полупродукта: в 1904 г. заводы Польши дали 12,7% общеемперского производства чугуна и 14,7% — полупродукта².

Однако, лишенные своей собственной высококачественной руды и кокса, польские заводы терпели поражение в рыночной борьбе с монополиями Юга, применявшими против своих конкурентов «боевые» районные цены. Так, балочный синдикат продавал балки в районе конкурировавших с ним Островецких заводов и заводов Гантке на 10—15 коп. дешевле, чем в других районах. Уже к 1908 г. стало ясно, что польские за-

¹ С. Фармаковский. Горнозаводские дела Урала. СПб., 1909, стр. 19.

² Г. Касперович. Указ. соч., стр. 25, 17, 13.

воды не в состоянии выдерживать конкуренцию Юга по чугуну, полупродукту и прокату.

Отсутствие железной руды и кокса — доставка их из отдаленных районов — повышало себестоимость металла в Польше по сравнению с южной промышленностью. Все это еще более ослабляло позиции польских заводчиков в борьбе с «Продаметом», и польская металлургия вынуждена была переходить на переработку своего железа.

Польские заводы стали изготавливать винты, шурупы, проволоку, гвозди, рельсовые скрепления, костыли и т. п.

Для созданного в 1908 г. синдиката южных заводов по сортовому металлу польские предприятия являлись крупнейшим конкурентом (в 1907 г. заводы Польши дали 11 млн. пуд. сортового железа, Юг — 21 млн. пуд.). И здесь синдикат прибегнул к испытанной тактике «боевых» цен. Основная цена на сортовое железо была установлена одинаковая как на южных заводах, так и на ст. Островец (Польша).

В целях более успешной борьбы с южной монополией польские металлургические заводы пришли к необходимости объединиться в особый синдикат. В конце 1908 г. в Берлине состоялось специальное совещание, на котором явно проявился антагонизм между германским капиталом, сильно заинтересованным в польской металлургической промышленности, и капиталом франко-бельгийским, господствовавшим на Юге. Заводы Польши, принадлежавшие местным капиталистам, высказались за соглашение с южными синдикатами сортового металла. Представители германского капитала требовали создания самостоятельной организации польских заводов, независимой от монополий Юга России¹.

В начале 1909 г. синдикат польских заводов был, наконец, создан; он присоединился к южному сортовому синдикату как объединенный контрагент, получивший свою долю на рынке сортового железа и стали. По предложению общества «Продамет» Страховицкий завод в Польше, входивший в объединенный синдикат, закрыл производство, за что получал от общества долю прибыли от продажи в этом районе в размере около 80 000 руб. в год².

¹ «Торгово-промышленная газета», 1908, № 292.

² Там же, 1909, № 137. Подобная политика ограничения производства проводилась южными синдикатами систематически. Так, при организации сортового синдиката «Продамет», Никополь-Мариупольский завод по соглашению с обществом прекратил производство и продажу сортового железа, за что получил по 7—8 коп. с каждого пуда сортового железа, отпущенного группой южных заводов, что составляло около 180—200 тыс. руб. в год. Сулинский завод по соглашению с синдикатом прекратил с 1 марта 1909 г. прокатку листового и универсального железа, а затем и прокатку швеллеров, получив за это отступное по 26 коп. с пуда.

Вступлением польских заводов в общество «Продамет», конечно, не закончилась борьба их с южными железозаводчиками. Соперничество приняло лишь иные формы и продолжалось внутри «Продамета». Это же относится и к отдельным заводам центрального и северного районов, которые также вынуждены были примкнуть к синдикату.

* * *

Суммируя вышеизложенное, следует отметить много общего в характере и методах той конкурентной борьбы, которую вели южные монополисты как с уральскими, так и с польскими заводами. Общим являлось обострение конкуренции, применение противниками «боевых» цен, попытки объединиться для противодействия обществу «Продамет» и т. п. Но наряду с этим имелись и весьма существенные различия: заводы

Таблица 16

Удельный вес южных монополий на общеимперском металлургическом рынке (данные 1912 г.; в %)

Название синдиката	Время возникновения	Участие синдиката в общеимперском сбыте соотв. продукта	Доля южных заводов в заказах, распределяемых синдикатом	Удельный вес данного продукта на общеимперском металлургическом рынке
Листовой («Продамет») . . .	1902	78,3	77,49*	12,2
Специальных чугунов . . .	1902	около 98,0 ***	100,00	—
Железных сварных труб .	1902	около 100,0	—	—
Балочный («Продамет») . .	1903	95,0	95,75	7,8
Бандажный («Продамет») .	1905	87,9	54,50	—
Сортовой («Продамет») . .	1908	81,3	71,73**	34,5
Рельсовый («Продамет») .	1910	81,1	100,00	16,7

* Со включением Урало-Волжского общества, но без доли Донецко-Юрьевского общества, составлявшей 150 000 пуд.

** Со включением Урало-Волжского общества.

*** Данные 1904 г.

Польша, в конце концов, объединилась и вступила в «Продамет», между тем как большинство уральских предприятий осталось вне этого объединения. Польские заводы перенесли борьбу с южными конкурентами внутрь «Продамета», в то время как уральцы остались на позиции аутсайдеров.

Приводим таблицу 16, характеризующую влияние южных монополий на общеимперском рынке¹.

Из таблицы видно, во-первых, что указанные синдикаты господствовали на общеимперском железном рынке и, во-вторых, что металлургические заводы Юга России играли во всех этих синдикатах решающую роль, получая львиную долю их громадных прибылей.

---

¹ Таблица составлена по следующим источникам: Статистический ежегодник за 1914 г. под ред. Шарого, стр. 181, и Г. Касперович. Указ. соч., стр. 24.

Глава IV

СИНДИКАТЫ В КАМЕННОУГОЛЬНОЙ И ЖЕЛЕЗОРУДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮГА РОССИИ. КОНКУРЕНТНАЯ БОРЬБА С ВНЕСИНДИКАТСКИМИ ФИРМАМИ

Возникновение первоначальных, юридически не оформленных синдикатских соглашений между донецкими углепромышленниками относится к периоду 90-х годов. Соглашения эти были связаны, главным образом, с поставками минерального топлива для нужд казенных железных дорог. Они возникали перед торгами, существовали тайно и быстро распадались. В литературе имеются прямые указания на существование такого синдикатского соглашения в 1895 г. Помимо этого, для установления единой политики цен созывались периодические совещания крупных шахтовладельцев Донбасса.

Кризис и депрессия начала 900-х годов ускорили процесс синдицирования в угольной промышленности Донецкого бассейна. В 1901 г. почти прекратился дальнейший рост добычи донецкого минерального топлива, а в 1902 г. добыча его снизилась в сравнении с предыдущим годом на 52 млн. пуд. В 1901 г. в Донецком бассейне было добыто 694,42 млн. пуд. минерального топлива при добывной способности шахт в 999,8 млн. пуд., в 1902 г. добыто 642,1 млн. пуд. при добывной способности в 1130 млн. пуд. Средняя цена угля на шахтах, достигшая в 1900 г. 10—12 коп. за пуд., упала в 1901 г. до 7 коп., а в 1902—1903 гг.— до 5,5—6,5 коп. В Одессе средняя цена на рядовой спекающийся уголь была в 1900 г. 21,8 коп., в 1901 г.— 16,7 коп., в 1902 г.— 14,9 коп. и в 1904 г.— 14,1 коп. за пуд.

В годы кризиса на съездах горнопромышленников Юга России неоднократно дебатировался вопрос об объединении угольных предприятий. Усилия углепромышленников направ-

лялись, во-первых, на создание экспортного синдиката для вывоза минерального топлива в страны Балканского полуострова и южного побережья Черного моря, во-вторых, на организацию монопольного объединения для сбыта каменного угля на внутренних рынках.

В 1903 г. на 28 Съезде горнопромышленников Юга России был предрешен вопрос о создании угольного синдиката. Съезд одобрил доклад комиссии, в котором говорилось:

«Необходимо прибегнуть к установлению таких продажных цен, какие могли бы дать более или менее нормальную прибыль на ватраченный капитал, а таковая цель может быть достигнута путем урегулирования добычи минерального топлива в соответствии с потреблением его. То и другое может быть достигнуто исключительно путем самопомощи донецких шахтовладельцев, учреждением для сего особых союзов... Лишь энергичное проявление в указанном смысле частной инициативы выведет донецкую каменноугольную промышленность на путь накопления капиталов и самосовершенствования»¹. Под частной инициативой здесь понималось создание монополии, а под «самопомощью» — установление грабительских монопольных цен.

Синдикат донецких углепромышленников под названием «Общество для торговли минеральным топливом в Донецком бассейне» («Продуголь») формально был создан в 1904 г. (Устав утвержден в мае 1904 г.), но фактически стал функционировать лишь через два года. Этому предшествовала длительная закулисная борьба между отдельными участниками за квоты. «Самая трудная работа,— писал «Горнозаводский листок» в 1904 г.,— состояла в распределении долей участия копей в количестве, подлежащем потреблению на рынке...»².

Возникновение угольного синдиката по времени несколько отстало от организации южных металлургических монополий. Объясняется это сравнительно меньшей концентрацией угольной промышленности, а также сравнительной легкостью создания новых предприятий в этой отрасли, что могло явиться причиной усиленной конкуренции со стороны аутсайдеров. Созданию синдиката «Продуголь» весьма содействовало изменение конъюнктуры на угольном рынке: грандиозный пожар в Баку осенью 1905 г., уничтоживший значительную часть нефтяных промыслов, вызвал острый недостаток нефти и открыл широкие перспективы для сбыта донецкого топлива.

¹ Труды 28 Съезда горнопромышленников Юга России. Доклад комиссии «О современном положении донецкой каменноугольной промышленности», стр. 18.

² «Горнозаводский листок», 1904, № 31.

Перед синдикатом стояла задача помочь углепромышленникам максимально использовать выгодную конъюнктуру.

В январе 1906 г. в Париже состоялось собрание представителей французских владельцев угольных копей Донбасса, на котором все французские предприятия окончательно прикнули к синдикату. Несколько позже к объединению присоединились и бельгийские предприятия. Таким образом, начало фактической деятельности «Продугля» относится к марту 1906 г.

«Продуголь», как и «Продамет», был создан в виде акционерного общества, которому участники объединения передавали исключительное право на продажу добываемого ими угля.

Акции общества распределялись только между членами синдиката. Цены на минеральное топливо устанавливались «Продуглем». Сбыт распределялся между членами синдиката в соответствии с установленной договором долей участия каждого контрагента. Основной капитал общества «Продуголь» составлял 1 млн. руб. (4 000 акций по 250 руб.)¹.

Первоначальный состав синдиката и распределение акций представлялись в следующем виде:

Наименование каменноугольных предприятий	Количество акций
Рутченковское горнопромышленное общество .	230
Голубовское Берестово-Богодуховское общество .	166
Екатериновское общество	420
Общество для разработки каменной соли и угля в Южной России	420
Русско-Донецкое общество каменноугольной и заводской промышленности	420
Общество южнорусской каменноугольной промышленности	420
Ирмянское каменноугольное общество	200
Донецкое каменноугольное товарищество «Коренев и Шпилов»	219
Общество Криворожских железных руд	420
Франко-Русское общество Берестово-Крынских каменноугольных копей	420
Русско-Бельгийское металлургическое общество	420

¹ От редакции: Величина акционерных капиталов русских синдикатов ни в какой мере не определяет их экономической мощи. Как показал П. И. Лященко на примере «Продамета», синдикаты в дореволюционной России официально выступали в форме скромных комиссионных контор с небольшим, сравнительно, штатом служащих и незначительными капиталами. Действительная мощь синдикатских организаций определялась совокупными капиталами объединяемых предприятий, а отнюдь не акционерным капиталом самой синдикатской конторы. В редактируемой книге, к сожалению, не сделаны подсчеты размеров совокупного капитала, объединяемых «Продуглем» фирм, но данные о производительности шахт, объединенных синдикатом (см. стр. 100), дают известное представление об удельном весе этой монополии.

Остальные акции были распределены между отдельными лицами, иправшими руководящую роль в синдикате, главным образом, иностранцами¹. Впоследствии к синдикату присоединился еще целый ряд каменноугольных предприятий.

Фирмы, вошедшие первоначально в объединение, давали около половины годовой добычи каменного угля в Донецком бассейне (антрацитовые предприятия в состав «Продугля» совершенно не входили).

Главное препятствие к повышению цен синдикатчики видели в перепроизводстве и наличии больших запасов угля. Чтобы сократить предложение топлива на рынке, «Продуголь» с самого начала стал на путь ограничения добычи. Еще до начала деятельности синдиката «Горнозаводский листок» писал: «если со временем продажа донецкого угля будет упорядочена ...одним из благих последствий ...будет — понижение затрат на подготовку копей к чрезмерной добывной способности, совершенно не оправдываемой действительной надобностью потребительского рынка»². Таким образом, подобно «Продамету», в основу своей политики «Продуголь» положил снижение производительности объединяемых предприятий.

Политика ограничения добычи и организации «топливного голода» в стране нашла яркое выражение в договоре «Продугля» с его контрагентами³. Синдикат заранее определял предполагаемый годовой рыночный отпуск угля всеми контрагентами, так называемый «совокупный условный тоннаж». Точно так же заранее определялось участие каждого отдельного контрагента в общем рыночном отпуске, его «условный тоннаж». Таким образом, договор этот на целый год вперед ограничивал сбыт угля контрагентов. При этом условный тоннаж мог быть увеличен лишь в том случае, если общий сбыт «Продугля» превышал совокупный условный тоннаж.

За нарушение договора и превышение условного тоннажа контрагенты подвергались крупному штрафу (10 коп. с пуда), и, наоборот, за сокращение вывоза топлива ниже предусмотренного договором количества контрагент получал вознаграждение от синдиката⁴.

Подобный «порядок», установленный синдикатом, тормозил расширение производства и вел к относительному сокращению

---

¹ «Торгово-промышленная газета», 1906, № 73.

² «Горнозаводский листок», 1906, № 6.

³ Ввиду того, что «Продуголь» (как и «Продамет») в целях сокрытия действительного характера этой монополистической организации был создан в виде комиссионного акционерного общества по сбыту каменного угля, то и участники этого объединения именовались «контрагентами» общества.

⁴ «Красный архив», 1926, т. XVIII, стр. 125—126.

предложения топлива на рынке. Так, например, в период «угольного голода» в октябре 1913 г. правление вошедшего в «Продуголь» общества «Компания Прохоровских каменноугольных копей» заявило общему собранию акционеров, что добыча топлива могла быть значительно увеличена, если бы этому не препятствовал контрагентский договор общества с синдикатом¹.

В 1906 г. по договору «Продугля» с Донецким обществом последнее обязалось в течение четырех лет не покупать кокс у аутсайдеров и не увеличивать собственное производство кокса. В октябре 1900 г. «Продуголь» заключил договор с крупным аутсайдером — Жилловским обществом каменноугольных копей и рудников, вырабатывавшим до 30 млн. пуд. угля в год. По этому договору Жилловское общество получило подряд от синдиката на изготовление в течение 10 лет каменноугольных брикетов из угля, антрацита и полуантрацита, доставляемого «Продуглем», и в то же время обязалось совершенно прекратить добычу угля для рынка.

§ 16 договора гласил: «С момента вступления в действие сего договора (Жилловское) общество обязуется:

1) Прекратить добычу каменного угля как на своем руднике, так и на арендованном... за исключением лишь добычи для своей надобности...

2) Не возобновлять работ по добыче угля на своих и арендованных им рудниках, во все время действия сего договора, ни продавать, ни сдавать в аренду или иным образом не уступать прав разработки угля на принадлежащих ему участках и концессиях (без согласия на то «Продугля» и, вообще, ни прямо, ни косвенно не участвовать в каких-либо предприятиях, добывающих или торгующих каменным углем, коксом, антрацитом, и брикетом, а равным образом и самому нигде не производить таковой добычи или торговли.

3) Не принимать на себя поставок каменного угля и брикетов и вообще минерального топлива, а все имеющиеся контракты... передать в собственность «Продугля»...»²

«Продуголь» стремился также ограничить рост добычи минерального топлива в других районах империи. При этом синдикатчики, используя свои связи с банками, старались соответствующим образом направлять их кредитную политику, чтобы препятствовать возникновению новых угольных предприятий. Любопытный факт подобного рода сообщил на 2 Всероссийском съезде деятелей по горному делу, машиностроению и металлургии в 1913 г. один из участников съезда: «В Анди-

¹ Г. Цыперович. Синдикаты и тресты в России, стр. 285.

² «Красный архив», 1926, т. XVIII, стр. 138.

жанском уезде,— говорил он,— организовалось крупное угольное предприятие для обслуживания Средне-Азиатской линии железной дороги: предполагалось организовать добычу на 30 млн. пудов... В организации дела должен был принять участие и Торгово-промышленный банк. И вот в последний момент банк отказывается от участия в этом деле, мотивируя свой отказ тем, что представитель донецкой промышленности и специально приехавший представитель бакинских нефтепромышленников «уверили» банк, что для Средне-Азиатской железной дороги хватит донецкого угля и бакинской нефти. Это было мне сообщено точно из первоисточников».

Установление монополии, совпавшее с улучшением рыночной конъюнктуры, привело к быстрому повышению цен на твердое минеральное топливо. В 1904—1905 г. уголь продавался по 6,5—7,5 коп. за пуд в зависимости от качества. Уже в 1905 г. в связи с предварительным соглашением углепромышленников цены значительно выросли, а в 1907 г. «Продуголь» поднял цены почти до 10 коп. за пуд. В Одессе в 1905 г. донецкий уголь сбывался по 14,5—15,5 коп., а в мае 1906 г., главным образом под влиянием политики синдиката, цены поднялись до 17,5—18 коп. за пуд¹.

Рост цен на каменный уголь вызвал усиление добычи его у аутсайдеров и возникновение новых предприятий, в особенности мелких, успешно конкурировавших с синдикатом.

Конкуренция со стороны мелких производителей объяснялась тем, что мелкие предприятия не требовали больших капиталовложений вследствие неглубокого залегания угольных пластов во многих районах Донбасса. Подобные предприятия легко возникали при подъеме цен и так же легко прекращали свою деятельность при невыгодной конъюнктуре.

Но самыми опасными конкурентами синдиката являлись крупные аутсайдеры, удельный вес которых в Донбассе был весьма значителен. Сильнейшими конкурентами «Продугля» в первое время были следующие предприятия: Алексеевское горнопромышленное общество (добыча в 1906 г. составляла 46,97 млн. пуд.), Новороссийское металлургическое общество (58,4 млн. пуд.), Южно-Русское Днепроовское металлургическое общество (34,1 млн. пуд.), Жилловское общество (31 млн. пуд.), наследники П. А. Карпова (29,6 млн. пуд.) и другие.

---

¹ «Торгово-промышленная газета», 1906, № 108.

Борьба между синдикатом и аутсайдерами шла непрерывно. «Продуголь» стремился привлечь к объединению наиболее крупных конкурентов, но это удалось осуществить лишь частично. Аутсайдеры усиленно добивались участия в поставках минерального топлива казенным железным дорогам. Когда в 1908 г. железнодорожное ведомство заключило без торгов контракт с «Продуглем» на поставку в 1909—1910 гг. 160 млн. пуд. минерального топлива, 11 внесиндикатных фирм, в том числе Новороссийское общество, наследники П. А. Карпова, Компания Прохоровских копей и др., обратились с протестом в министерства путей сообщения, финансов, торговли и промышленности и к государственному контролеру. «Закупка эта,— писали в своем заявлении аутсайдеры,— произведена вопреки закона без вызова конкуренции, чем существенно нарушены интересы казны и всех угольных фирм, не входящих в состав общества «Продуголь», но состоявших до сих пор крупными поставщиками казенных железных дорог и не имевших теперь возможности даже заявить своих цен и условий». Заявление заканчивалось просьбой о пересмотре этого дела, «грозящего принести громадные убытки обойденным фирмам»¹.

Но казенные заказы на уголь аутсайдерам удавалось получить только при условии поставок по значительно пониженным, в сравнении с «Продуглем», ценам. Приводимые ниже данные дают представление о борьбе, которая велась между «Продуглем» и аутсайдерами за железнодорожные заказы.

Так, в 1907 г. на торгах на поставку угля казенным железным дорогам аутсайдеры предложили 51,5 млн. пуд. топлива по прежним ценам — 8,5—9,5 коп. за пуд, а «Продуголь» и вошедшие с ним в специальное соглашение фирмы потребовали более высоких цен (потребность железных дорог составляла 170 млн. пуд.). В результате победили «дикие».

В декабре 1907 г. составившие временное соглашение аутсайдеры предложили железным дорогам уголь на 1908 и 1909 гг. на таких условиях: на 1908 г. по ценам 1907 г., а на 1909 г. на $\frac{1}{4}$ коп. дешевле. Так как «Продуголь» не соглашался на снижение цен в 1909 г., то железнодорожное ведомство закупило на 1908 г. у «Продугля» 70 млн. пуд. и у объединенных аутсайдеров 30 млн. пуд., а на 1909 г. был заключен договор лишь с объединением аутсайдеров на 29,25 млн. пуд. и с прочими внесиндикатскими фирмами на 20,5 млн. пуд.

В 1911 г. железным дорогам «Продуглем» было поставлено 135 млн. пуд. и 45-ю свободными фирмами — 274,2 млн. пуд.

¹ «Горнозаводский листок», 1908, № 31.

Синдикат заявил цены 7,77—8,78 коп., аутсайдеры 7,56—8,53 коп. В результате железные дороги закупили крупную партию топлива по средней цене 8,122 коп. против прежней цены в 8,3 коп. за пуд¹.

В августе 1912 г. на торгах «Продуголь» предложил поставить 90 млн. пуд. угля по 9—10 коп. за пуд, а аутсайдеры — 20 млн. пуд. по цене 8¹/₄ и 8¹/₂ коп. Торги были отложены, так как цены «Продугля» были признаны очень высокими.

Попытки железнодорожного ведомства привлечь к поставкам угля также и внесиндикатские фирмы вызывали резкие протесты со стороны «Продугля». В докладной записке уполномоченных Съезда горнопромышленников Юга России министру торговли и промышленности от 8 марта 1910 г. отмечалось: «Вся система поставок угля у дорог построена на возбуждении самой усиленной конкуренции между отдельными группами промышленников; это свело цены на уголь ниже средней его промышленной себестоимости и заставляет поставщиков соглашаться на условия, которые были бы невыносимы при равноправности договаривающихся сторон»².

Конкуренция аутсайдеров давала себя чувствовать и на частном рынке. Так, например, в начале 1907 г. в Одессе синдикат продавал обыкновенный уголь по 17,5—18,5 коп., а второстепенные внесиндикатские фирмы — по 16,5 коп. за пуд. В том же районе в 1910 г. мелкие рудники успешно конкурировали с «Продуглем», продавая уголь ниже на 1,5—2 коп.

Корреспондент «Торгово-промышленной газеты» сообщал в 1912 г. из Мариуполя: «мелкие «дикие» рудники при низком качестве товара имеют возможность сбывать последний, считая даже на 3 коп. дешевле, не ниже 6—6,5 коп., что уже дает таким мелким рудникам возможность работать»³. Тот же корреспондент в 1913 г. сообщал, что при общем повышении цен на минеральное топливо на рынке все же наблюдается некоторая тенденция к понижению цен на некоторые низшие сорта угля. «Тенденция к понижению цен... происходит под влиянием совершенно необычайной интенсивности добычи на старых рудниках Донецкого бассейна и расширения площади разработки угля за счет возникновения новых рудников, что в результате увеличивает предложение угля...»⁴.

На рынке, особенно в одесском районе, «Продуголь» встре-

¹ «Торгово-промышленная газета», 1911, № 26; 1909, № 247; 1908, № 4; 1907, № 220.

² Труды экстренного Съезда горнопромышленников Юга России, 1910. Доклад комиссии № 1. Дополнительное приложение, стр. 49.

³ «Торгово-промышленная газета», 1912, № 201.

⁴ Там же, 1913, № 276.

чал конкуренцию не только со стороны донецких аутсайдеров, но также и синдиката домбровских углепромышленников. Железные дороги в целях нажима на «Продуголь» также использовали конкуренцию каменноугольных предприятий Польши. Так, например, в 1910 г. юго-западные железные дороги покупали домбровский уголь, уплачивая за него дороже, чем за донецкий, хотя качество последнего было лучше¹.

В целях более успешной борьбы с «Продуглем» крупные аутсайдеры иногда входили во временные соглашения между собой; в особенности это практиковалось на торгах по поставке топлива железным дорогам. Как указано выше, такое временное объединение аутсайдеров имело место на торгах в декабре 1907 г., причем это соглашение по официальной терминологии именовалось «русским синдикатом» в отличие от «Продугля», который фигурировал под названием «французско-русский синдикат».

Монополия в угольной промышленности породила новые средства и формы борьбы для разгрома конкурирующих фирм.

Одним из таких средств, которое применялось «Продуглем» против аутсайдеров, являлись специальные пониженные «боевые» цены. Управляющие делами синдиката в докладе к заседанию Совета «Продугля» 30 ноября 1907 г. следующим образом обосновывали необходимость установления «боевых» цен: «Политика, которая является теперь целесообразной, есть политика борьбы путем временного понижения цен для преграждения пути развивающимся свободным фирмам до тех пор, пока присоединение к «Продуглю» новых участников не позволит нам возвратиться к политике высоких цен»².

По данным «Торгово-промышленной газеты», в начале 1910 г. в московском районе угольные торговые фирмы Беш, Аскинази и др., являвшиеся представителями «Продугля», продавали топливо на 1—1,5 коп. ниже установленной себестоимости, явно в убыток, причем в разных местах района одна фирма продавала иногда дешевле другой, что объяснялось стремлением вытеснить с рынка конкурентов-аутсайдеров³.

Политике «боевых» цен «Продугля» много внимания уделяла иностранная пресса в период 1909—1910 гг. Журнал «Ля Бельжик финансьер» писал в конце 1909 г.: «Угольный рынок в России весьма слаб в настоящее время и заказы приходится энергично оспаривать. Причины такого положения кроются в значительной мере в деятельности «Продугля», созданного для фиксации цен, но в действительности принуж-

¹ «Горнозаводское дело», 1910, № 47.

² «Красный архив», 1926, т. XVIII, стр. 128.

³ «Торгово-промышленная газета», 1910, № 12.

денного умышленно понижать в настоящее время цены для того, чтобы понудить фирмы, не вошедшие в синдикат, к сдаче»¹.

Синдикат заключал также специальные соглашения с торговцами углем, направленные против аутсайдеров. Целью этих соглашений было ограничить сбыт топлива конкурирующими фирмами в тех или иных районах. Любопытен с этой точки зрения договор, заключенный «Продуглем» с крупнейшей торговой фирмой по сбыту твердого минерального топлива в московском районе в 1909 г.²

Согласно этому договору, московская фирма не имела права торговать углем, добываемым на предприятиях, не входивших в состав «Продугля». Кроме того, согласно § 15 договора фирма обязывалась обывать определенное количество синдикатского топлива ежегодно, в противном случае она вынуждена была платить штраф. В результате фирма систематически подрывала цены конкурентов «Продугля», чтобы вытеснить их с рынка.

Так как аутсайдеры представляли весьма крупную величину, «Продуголь» вынужден был иногда прибегать к временным соглашениям с ними. Такие соглашения, например, состоялись относительно поставки топлива железным дорогам в 1907 и 1908 гг., причем на торгах «Продуголь» и договорившиеся с ним свободные фирмы выступали единым фронтом против остальных «диких» предприятий. В 1909 г., по сообщению «Горнозаводского листка» (№ 149), «Продуголь» вел переговоры с аутсайдерами о мерах для избежания понижения цен.

Кроме того, в отдельных случаях «Продуголь» стремился договориться с крупными конкурентами, закупив у них всю их продукцию. Так, например, в 1906 г. Совет «Продугля» одобрил предложение, которое сводилось к тому, чтобы закупить всю выработку крупнейшего аутсайдера — Алексеевского горнопромышленного общества. При этом последнее должно было дать обязательство не добывать угля сверх закупленного у него количества, а также не продавать уголь третьим лицам³.

Соперничество «Продугля» с аутсайдерами привело к тому, что некоторые из крупнейших конкурентов присоединились к синдикату. В июле 1908 г. к «Продуглю» примкнули Алексеевское горнопромышленное общество и предприятие б. Карпова.

¹ Цит. по «Горнозаводский листок», 1909, № 149.

² Текст договора опубликован в книге И. М. Гольдштейна «Благоприятна ли русская действительность для образования синдикатов?», стр. 46.

³ «Красный архив», 1926, т XVIII, стр. 138.

К этому времени в синдикат вступило также общество Брянских каменноугольных копей и рудников, Российское общество водных, шоссейных и второстепенных рельсовых путей (бывшее Маркова) и общество Сулинского завода (последнее только для сбыта кокса) ¹. В мае 1909 г. к «Продуглю» присоединилось Южно-Русское Днепровское металлургическое общество.

Кроме указанных фирм, в состав синдиката вошли: общество Никитовских каменноугольных копей, общество государево-Байрацких копей, общество доменных печей и фабрик на Ольховой в Успенске (Донец), компания Прохоровских каменноугольных копей, Селезневское общество каменноугольной и заводской промышленности, Фенинское каменноугольное товарищество, рудник Я. Л. Малкина, Николо-Михайловское общество стекольной и каменноугольной промышленности и общество русских каменноугольных копей (б. Максимова) ². Накануне первой мировой империалистической войны «Продуголь» объединял всего 22 фирмы, причем большинство их относилось к числу самых крупных в Донецком бассейне, что видно из следующих данных ³ о составе синдиката «Продуголь» (1913—1914 гг.).

	Количество фирм
Фирмы с ежегодной продукцией до 5 млн. пуд.	1
От 5 до 10 млн. пуд.	2
От 10 до 20	10
Свыше 20 млн. пуд.	11

Но и после присоединения указанных фирм к «Продуглю» удельный вес аутсайдеров на рынке все же оставался весьма значительным. Помимо мелких и средних углепромышленников конкурентную борьбу с синдикатом продолжали вести многие крупные фирмы. Так, по неполным данным, в 1912 г. насчитывалось 25 аутсайдеров «Продугля» с годовой добычей у каждого свыше 5 млн. пуд., 23 аутсайдера с добычей от 1 до 5 млн. пуд. и 13 аутсайдеров с добычей от 100 тыс. до 1 млн. пуд. ⁴

Общее количество добычи каменного угля всеми внесиндикатскими фирмами из года в год не только не уменьшалось, но увеличивалось, несмотря на присоединение ряда крупных

¹ «Торгово-промышленная газета», 1908, № 151.

² «Красный архив», 1926, т. XVIII, стр. 120.

³ Там же, стр. 121.

⁴ Подсчет сделан по следующим данным: «Красный архив», т. XVIII, стр. 121; Каменноугольная промышленность России в 1912 г., вып. I, стр. 10—27.

аутсайдеров к синдикату. За период 1906—1912 гг. общая производительность всех крупных аутсайдеров (с добычей свыше 5 млн. пуд.) выросла с 241,87 млн. пуд. до 249,75 млн. пуд.; за пятилетие 1907—1912 гг. добыча всех мелких предприятий (менее 1 млн. пуд.) выросла с 38,1 млн. пуд. до 60,3 млн. пуд.¹

По мере того как новые фирмы присоединялись к «Продуглю», количество минерального топлива, которым распоряжался синдикат, увеличивалось. Так, за период 1906—1912 гг. общая добыча всех предприятий, состоявших в синдикате, выросла почти вдвое. Тем не менее, вследствие одновременного роста аутсайдеров, доля «Продугля» в общей добыче Донбаса, достигнув в 1910 г. почти 65%, в последующие годы несколько уменьшилась.

Соотношение продукции, вывозимой на рынок «Продуглем» и аутсайдерами, было примерно такое: синдикат — немногим более половины общего вывоза донецкого угля, крупные аутсайдеры — около $\frac{1}{3}$, средние и мелкие — 12—13%.

* * *

«Продуголь» был единственным юридически оформленным синдикатом, объединявшим каменноугольные предприятия Донецкого бассейна. По имеющимся в «Торгово-промышленной газете» данным видно, что делались попытки к созданию наряду с «Продуглем» еще одного каменноугольного синдиката, который должен был объединить свободные фирмы. Вместе с тем можно считать установленным, как уже упомянуто выше, что крупные аутсайдеры периодически вступали во взаимные соглашения для борьбы с «Продуглем» или же действовали в контакте с последним во время торгов на поставку топлива для железных дорог и т. п.

Остановимся на южных синдикатах по экспорту угля. Впервые вопрос о создании общества для совместного экспорта угля был поднят в 1901 г. на 26 Съезде горнопромышленников Юга России. Съезд поручил Совету съездов составить и разработать проект конторы и агентства по экспорту угля на Балканы и в другие страны. Вторично этот вопрос обсуждался на 27 Съезде, причем в докладе комиссии, принятом съездом, указывалось, что частная инициатива со стороны владельцев копей должна выразиться в организации за общий счет всех владельцев копей общей экспортной конторы... или в учреждении особого акционерного общества для вывоза и продажи

---

¹ «Горнозаводское дело», 1913, № 7; Труды 38 Съезда горнопромышленников Юга России, т. I. Доклады комиссии IIа и III, стр. 27.

донецкого топлива за границу наподобие «Общества для продажи изделий русских металлургических заводов»¹.

Совет съездов, при участии углепромышленников, разработал проект экспортного синдиката под названием «Общество для вывоза донецкого угля за границу». Устав общества был утвержден правительством в 1904 г., но на деле синдикат этот тогда не образовался ввиду улучшения конъюнктуры на угольном рынке.

* * *

Переходя к железорудным монополиям, отметим некоторые специфические черты рудной промышленности Юга России, наложившие особый отпечаток на весь процесс развития синдикатов в этой отрасли.

Во-первых, общее количество фирм, добывавших руду в Криворожском районе, было весьма невелико (в 1907 г. таких фирм насчитывалось всего 32). На этих в большинстве весьма крупных предприятиях была сосредоточена вся добыча руды Криворожского района, причем мелкое производство почти совершенно отсутствовало. Во-вторых, концентрация спроса на железную руду была очень значительна. Покупателями руды являлись, главным образом, немногочисленные металлургические заводы Юга.

Далее, из 32 железорудных фирм Криворожского района (данные 1907 г.) 13 принадлежали различным металлургическим обществам, и только 19 являлись чисто-рудными предприятиями. Соотношение добываемой руды и другими фирмами железной руды видно из таблицы 17.

Таблица 17

Добыча и вывоз руды Криворожского района в 1907 г.
(в млн. пуд.)

Добыто			Отправлено		
Рудники металлургических обществ	Остальные рудники	Всего	Рудники металлургических обществ	Остальные рудники	Всего
131,9	96,9	228,8	135,9	98,4	234,3 вместе с колчеданом 241,0

¹ Труды 27 Съезда горнопромышленников Юга России. Доклад комиссии «О мерах к устранению затруднений, переживаемых донецкой каменноугольной промышленностью и пр.», стр. 14.

Таким образом, в 1907 г. чисто-рудные предприятия дали только около 42% общей добычи руды Криворожского района, а 58% приходилось на долю комбинированных фирм.

Руда, добываемая на рудниках металлургических обществ, использовалась, главным образом, металлургическими заводами, принадлежавшими этим обществам, и лишь некоторая часть ее вывозилась на рынок. Что же касается продукции чисто-рудных предприятий, то вся она шла на продажу. Приводим данные о потреблении Криворожской руды за период 1900—1908 гг.:

Т а б л и ц а 18

Потребление Криворожской руды (в млн. пуд.)

Годы	Всего потреблено криворожской руды	В том числе:			За границей
		Внутри России			
		Металлург. заводи Юга России	Переделными заводами	Металлург. заводи вне Юга России	
1900	168,3	151,0	1,0	16,3	—
1901	136,8	118,0	0,9	17,7	0,2
1902	134,6	115,2	1,1	15,3	3,0
1903	172,8	132,8	1,2	20,9	17,9
1904	205,9	165,8	—	24,5	15,6
1905	161,1	133,6	—	14,8	12,7
1906	218,2	164,8	—	24,3	29,1
1907	241,0	167,0	0,5	18,0	55,5
1908	213,7	166,2	0,4	13,7	33,4

Из этих данных видно, что главными потребителями, а, следовательно, покупателями руды, добываемой чисто-рудными предприятиями, являлись заводы Юга России.

Депрессия и возникновение монополий в металлургической промышленности усилили конкурентную борьбу между различными железорудными предприятиями. Обострились противоречия между чисто-рудными и смешанными обществами. Металлургические заводы, владевшие крупными железными рудниками и вывозившие излишки руды на рынок, имели известные преимущества перед своими конкурентами — чисто-рудными предприятиями, так как за счет монопольных прибылей, получаемых при продаже железных товаров, могли несколько снижать цены на продаваемую ими руду.

Кроме того, разрозненным чисто-рудным предприятиям Криворожья после создания «Продамета» противостоял объединенный фронт заводов — покупателей руды.

Весь ход развития конкурентной борьбы с неизбежностью вел к возникновению синдиката железорудных предприятий Юга России. Еще в 1905 г. велись соответствующие переговоры между рудопромышленниками, но положительных результатов они не дали. В 1907 г. переговоры возобновились, и к осени 1908 г. был организован синдикат под названием «Общество для продажи руды Юга России» («Продаруд»).

В состав синдиката вошли только чисто-рудные фирмы, а именно: Колачевский, общество «Дубовой балки», насл. Ю. А. Галковский, Криворожское общество, общество Желтой реки и М. С. Копылов. Эти шесть крупнейших фирм концентрировали большую часть всей добычи чисто-рудных предприятий Криворожского района. Так, в 1907 г. их добыча составила 76,5 млн. пуд., т. е. около 80 % всей руды, добытой заводскими рудниками.

«Продаруд» вел переговоры и с другими чисто-рудными фирмами Криворожского района, которые, по данным «Торгово-промышленной газеты», также собирались примкнуть к синдикату.

* * *

Итак, мы проследили основные моменты монополизации горной и горнозаводской промышленности Юга России в первом десятилетии XX века.

Результатом этого процесса, сопровождавшегося чрезвычайным обострением конкурентной борьбы с аутсайдерами, было возникновение мощных синдикатов («Продамет», «Продуголь» и «Продаруд»), которые сосредоточили в своих руках монопольный сбыт продукции горнопромышленных предприятий Донбасса и Криворожья.

Взаимное соперничество между «Продаметом», «Продуголем» и «Продарудом», а также борьба различных групп внутри этих синдикатов определили в значительной мере пути дальнейшего развития монополистических организаций Юга России.

Глава V

КОНКУРЕНТНАЯ БОРЬБА МЕЖДУ ЮЖНЫМИ СИНДИКАТАМИ И ВНУТРИ НИХ

Выше мы видели, что возникновение и развитие синдикатов в горной и горнозаводской промышленности Юга России сопровождалось сильным обострением конкурентной борьбы между монополистическими объединениями и внесиндикатскими фирмами. Если мы теперь обратимся к взаимоотношениям внутри самих монополий, то и здесь также вскроем наличие чрезвычайно острых столкновений и конфликтов.

Монополии отнюдь не устранили противоречий, существовавших между различными отраслями, районами и предприятиями Донбасса и Криворожья. Перечисленные в I главе связи и антагонизмы, характеризовавшие горнопромышленный Юг периода свободной конкуренции как противоречивую систему взаимозависимых отраслей хозяйства, продолжали действовать и в эпоху монополистического капитализма. Более того, в этот период конкурентная борьба могущественных монополистических групп разворачивается с еще большей силой, в невиданных ранее масштабах и формах.

Анализируя развитие противоречий внутри круга предприятий, входивших в состав «Продамета», «Продугля» и «Продаруда», мы можем проследить: 1) борьбу между участниками одних и тех же синдикатов, 2) борьбу между различными отраслевыми синдикатами.

В основе первого явления лежало стремление каждого предприятия увеличить свою долю участия в сбыте за счет других членов синдиката. Основой второго явления являлись противоречия между монополиями, поставлявшими сырье (уголь, руда), и монополиями, потреблявшими его (металлургия). В методах разрешения этих противоречий проявилась

тенденция к слиянию однородных предприятий, к так называемому вертикальному комбинированию, т. е. к созданию комбинатов путем покупки и присоединения каменноугольных копей и железных рудников к металлургическим предприятиям. Тот и другой процессы в конечном счете вели к созданию нескольких могущественных монопольных групп трестовского типа, которые, попрежнему оставаясь в рамках «Продамета», продолжали ожесточенную борьбу за гегемонию.

Чрезвычайной остроты достигла борьба за размер квоты между участниками синдиката «Продуголь». Доля участия в сбыте, предусмотренная синдикатским договором, не удовлетворяла многих участников объединения, так как производительная способность предприятий была значительно больше, нежели их фактическая добыча и вывоз, ограниченные соответствующей квотой. Это можно проследить хотя бы на данных о производительной способности и фактической добыче

Т а б л и ц а 19

Производительная способность и фактическая добыча предприятий, входивших в «Продуголь»¹

Название предприятий	Фактическая добыча в 1913 г.	Возможная производительность	% использования производительной способности
	(в млн. пуд.)		
Общество Брянских каменноугольных копей	32,93	59,5	55,3
Голубовское общество	42,47	51,5	82,5
Общество государево-Байрацких копей	16,81	26,0	64,7
Екатериновское горнопромышленное общество	57,86	70,0	87,7
Иринское общество	21,77	22,0	98,9
Корнев и Шипилов	14,65	19,0	77,1
Общество Никитовских копей . .	15,31	24,0	67,9
Общество для разработки каменной соли и угля в южной России	44,78	55,0	81,4
Компания Прохоровских каменноугольных копей	27,87	37,0	75,3
Франко-Русское общество Берестово-Крынских каменноугольных копей	26,77	38,5	69,5

¹ В. С. З и в. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности, стр. 68.

некоторых обществ, примыкавших к «Продуглю», приводимых выше.

Следует учесть, что эти данные относятся к периоду «угольного голода» и значительного расширения добычи твердого минерального топлива. Естественно, что в годы депрессии и сниженного спроса на уголь разрыв между фактической добычей и возможной производительностью копей был еще более значительным.

Поэтому каждый участник «Продугля» стремился увеличить свою долю в общем сбыте, чего можно было добиться только одним путем — за счет снижения доли других членов объединения. Отсюда постоянная напряженная борьба внутри «Продугля» за размер квоты и за влияние на всю политику синдиката.

Временами противоречия, раздиравшие «Продуголь» изнутри, достигали такой остроты, что угрожали даже полным распадом синдиката. Подобное положение, например, создалось в 1909 г., когда присоединение некоторых крупных аутсайдеров к «Продуглю» и связанный с этим пересмотр квот вызвал резкое обострение внутрисиндикатской борьбы.

В декабре 1909 г. бельгийский экономический журнал «Ля Бельжик финансьер» писал: «Деятельность «Продугля» резко критикуется в заинтересованных кругах и даже среди его участников, не скрывающих своего недовольства по поводу особенно выгодных условий, которые предложены только что вошедшим в синдикат. Эти выгодные условия очень тяжело отзываются на более ранних участниках. Дело дошло до того, что в данный момент все упорнее говорят о распадении «Продугля», которое и должно произойти, если только в организации синдиката не будут проведены существенные реформы».

Ожесточенная борьба внутри угольного синдиката привела к выходу из него отдельных крупных участников. В 1909 г., в связи с досрочным перезаключением договоров между «Продуглем» и его контрагентами сроком на 10 лет, от синдиката откололось Русско-Бельгийское металлургическое общество.

В заметке, посвященной конфликту между «Продуглем» и Русско-Бельгийским обществом, «Торгово-промышленная газета» сообщала: «По сведениям, циркулирующим на бельгийском рынке... Русско-Бельгийское общество стремится... обеспечить за собою известную свободу действий... Оно отказывается будто бы вступить в новое соглашение теперь же, когда срок ныне действующему соглашению истекает лишь в будущем году. Затем оно не желает связываться десятилетним обязательством, как того требуют, находя такой срок чрезмер-

но длинным. Продолжительное, многолетнее обязательство может быть выгодно лишь малым и средним предприятиям..., таким же предприятиям, как Русско-Бельгийское общество, это может лишь повредить. Оно уже в будущем году думает довести свою производительность до 100 млн. пудов..., а затем, если промышленная конъюнктура сложится благоприятно, еще увеличить свою добычу, чему обязательство может лишь помешать. Кроме этих двух главных условий, Русско-Бельгийское общество не соглашается еще с некоторыми пунктами соглашения, которые оно признает для себя вредными»¹.

В 1911 г. из состава «Продугля» решили выйти еще два предприятия: Южно-Русское Днепроовское металлургическое общество и Общество государево-Байракских копей. Оба эти участника предъявили в С.-Петербургском Коммерческом суде иски о признании их свободными от обязательств по договорам с «Продуглем», заключенным в 1909 г. Материалы происходившего в 1913 г. судебного процесса² весьма любопытны, так как они ярко вскрывают те противоречия, которые привели к конфликту, между указанными обществами и синдикатом.

Во-первых, оба истца не были удовлетворены своей долей участия в общесиндикатском сбыте. Как сообщала «Торгово-промышленная газета», один из важнейших мотивов, которые они выдвигали, заключался в том, что «договор был заключен под не переменным условием включения в него фиксированных норм угля, который должен добываться каждым из участников союза... Между тем «Продуголь» потребовал, чтобы члены его участвовали в периодических общих разверстках тоннажа угля». Эти «разверстки», видимо, существенно задевали интересы истцов. Кроме того, государево-Байракское общество указывало на непредоставление ему «Продуглем» поставок на 6 млн. пуд. кокса.

Далее истцы были недовольны тем, что «Продуголь» в условиях промышленного подъема и резкого увеличения спроса на топливо обязывает их «не только производить продажу по общей разверстке и по ценам, им установленным, но даже требует сокращения производства, чтобы излишним предложением не вызвать понижения цен».

Кроме того, Южно-Русское Днепроовское металлургическое общество требовало усиления своего влияния в руководящих органах синдиката. В своем иске общество заявляло, что ««Продуголь» обязался выбрать его представителя в свой со-

---

¹ «Торгово-промышленная газета», 1909, № 243.

² Там же, 1913, № 17.

вет, однако, не только не выполнил этого, но и совет уничтожил, передав его функции правлению».

Коммерческий суд удовлетворил иск указанных предприятий и признал их свободными от исполнения договоров с «Продуглем». Правда, после того, как дело перешло в сенат, тяжущиеся стороны нашли более целесообразным помириться, тем более, что дело получило нежелательную для монополистов огласку.

Не менее острая борьба велась и внутри «Продамета» между отдельными его членами. Существовавшие квоты никогда не удовлетворяли участников металлургических синдикатов, ибо производительность каждого завода была значительно больше, нежели предоставленная ему доля в общем сбыте того или иного продукта.

О систематическом неиспользовании производительной способности металлургических заводов можно судить, например, по следующим данным ¹:

Таблица 20

Производство и производительная способность заводов империи по готовому продукту (в млн. пуд.)

Г о д ы	Производство	Производительная способность	% использования производительной способности
1903	135,3	228,9	59
1904	152,6	239,3	64
1905	143,8	238,9	60
1906	139,6	252,2	55
1907	148,2	254,7	58
1908	147,6	275,6	54
1909	162,9	281,7	58
1910	184,2	288,5	64
1911	202,7	301,0	67
1912	227,5	321,0	71

Как мы видим, нагрузка металлургических заводов империи по производству готового продукта даже в годы подъема не превышала 71% их производительной способности. Наличие значительных резервов неиспользованной технической мощности вызывало, естественно, постоянное стремление у заводов — участников «Продамета» увеличить свою долю в общем сбыте.

¹ Г. Касперович. Указ. соч., стр. 34—35.

Следует при этом учесть, что соотношение сил отдельных участников синдикатов все время изменялось в связи с некоторым, хотя и незначительным расширением предприятий и усовершенствованием техники, а особенно усилением их финансовой мощи.

Тенденция к расширению производства, введению новых агрегатов и усовершенствованию техники неизбежно наталкивалась на ограничительную политику «Продамета». Однако в начале предвоенного промышленного подъема ряд предприятий стал на путь некоторого обновления существующей техники и расширения мощности существующих заводов. На Краматорском и Юзовском заводах были построены новые цехи, количество мартеновских печей увеличилось с 61 до 73, росла мощность электростанций, обслуживавших промышленность Донецкого района. Не следует, однако, преувеличивать масштабов расширения южной металлургии и ее технического обновления.

По данным С. Г. Струмилина¹, капитальные вложения в черную металлургию по всей империи составляли за период с 1910 по 1913 г. 32 млн. рублей, или около 10 млн. рублей в год. Разумеется, эта цифра является крайне незначительной. Рост производительности металлургической промышленности отставал от растущего спроса, и «металлический голод» в стране, вызванный хозяйничаньем монополий, накануне войны еще более обострился.

Ленин подчеркивал паразитизм и загнивание как характернейшую черту, свойственную империализму.

«Но тенденция к застою и загниванию,— писал он,— свойственная монополиям, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх»².

Эти черты загнивания и паразитизма, как видно из изложенного, с особой силой проявились в деятельности монополий Юга России.

Введение новой техники и перестройка производства на заводах Юга имели своей целью понизить себестоимость продукции и лучше приспособить предприятия к потребностям расширяющегося свободного рынка. Но так как процесс технического переоборудования и роста различных металлургических предприятий шел весьма неравномерно, то, естественно, результатом его было еще большее обострение противоречий внутри «Продамета».

---

¹ С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР. М.—Л., 1935, стр. 233.

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 263.

Концентрируя производство, увеличивая мощность предприятий и удешевляя себестоимость, заводчики старались одновременно усилить свои позиции внутри «Продамета». Для тех же целей крупнейшие общества становятся на путь поглощения более мелких и слияния с другими металлургическими заводами.

Процесс слияния принял довольно широкие размеры в 1911—1914 гг. Особенно большую активность проявляло в этом направлении Донецко-Юрьевское металлургическое общество, которое в июле 1911 г. присоединило к себе Уральско-Волжское металлургическое общество (Царицынский завод). Обосновывая необходимость этого шага, правление Донецко-Юрьевского общества писало в докладе к общему собранию акционеров: «Рациональная эксплуатация Юрьевского завода может быть достигнута главным образом путем сокращения вырабатываемых на нем продуктов, с другой стороны, однако, сохранение и упрочение за заводом его положения на рынке требует дальнейшего увеличения сортамента заводских изделий. Для достижения этих целей надо соединиться с одним из мощных металлургических заводов. Такое соединение даст возможность разделить производство и сосредоточить производство одних изделий на Юрьевском заводе, а других на вновь присоединяемом, и само собой приведет к увеличению сортамента производимых обоими заводами изделий»¹.

Слияние обоих предприятий произошло в следующих условиях: Донецко-Юрьевское общество арендовало завод и рудники Уральско-Волжского общества на длительный срок и закупило все имевшиеся на его складах готовые изделия, сырье и др. материалы. Уральско-Волжское общество получало за пользование его предприятиями известную долю участия в прибылях, причем стоимость отдаваемых в аренду предприятий была оценена в 9 млн. руб., соответствовавших номинальной стоимости 45 000 акций Донецко-Юрьевского общества по 200 руб. каждая. На основании этого доля участия Уральско-Волжского общества была определена в 33,83%, а Донецко-Юрьевского — в 66,17%².

Одновременно, с 1 июня 1911 г. к Донецко-Юрьевскому обществу были присоединены два предприятия, принадлежавшие «Обществу Петербургских железопрокатных и проволочных заводов», с основным капиталом в 3 млн. руб. Донецко-Юрьевское общество уплатило за эти заводы 22 500 руб. вновь выпущенными для этой цели акциями по 200 руб. нарицатель-

¹ «Биржевые известия», 1 февраля 1911 г.

² Там же.

ных каждая, с правом участия этих акций в прибылях Донецко-Юрьевского общества.

Помимо этого, проектировалось слияние общества Донецко-Юрьевского, «Русского Провиданса» и Дружковского¹.

В 1913 г. Таганрогское металлургическое общество купило и пустило в ход бездействовавший Керченский завод (находившийся в администрации), уплатив за него Государственному банку 23 180 новых акций по 150 руб. нарицательных. Одновременно было решено выпустить еще 32 858 новых акций по цене 200 руб. для покрытия прочих расходов на расширение производства.

К 1912 г. объединились в одну группу общества: Макеевское, Русско-Донецкое и Дебальцевское. В тот же период Южно-Русское Днепровское общество окончательно присоединило к себе Кадиевский завод Алмазного металлургического общества².

Эти слияния, как и переоборудование и расширение существовавших предприятий, привели к изменению в соотношении сил и, следовательно, к обострению внутрисиндикатских противоречий.

Борьба между членами синдикатов особенно усиливалась в тот период, когда, по истечении срока заключенных ранее соглашений, начинались новые переговоры о продлении договоров. Противоречия внутри южных металлургических монополий весьма резко обнаружились в 1911 г. Еще за год до этого журнал «Горнозаводское дело» писал, что «червь разрушения уже добирается до «Продамета»»³. Сроки договоров по листовому и широкополосному железу истекали 1 марта 1912 г., по балкам и швеллерам — 1 января 1912 г., по сортовому железу также 1 января 1912 г. Так как к этому времени соотношение сил и производственные возможности отдельных предприятий значительно изменились, то почти все участники требовали пересмотра и увеличения своей доли.

Вначале борьба как будто закончилась компромиссом, и члены «Продамета» почти все согласились на продление договоров еще на 18 месяцев, на старых условиях. Но вслед за тем три общества (Брянское, Русско-Бельгийское и Донецкое) решительно отказались от всяких уступок, и борьба вспыхнула с новой силой⁴.

Тем не менее в начале 1912 г. договоры были возобновлены на 3 года. Решающую роль в данном случае сыграло влияние немногих крупных банков, господствовавших в «Прода-

¹ «Горнозаводское дело», 1910, № 20 и 1911, № 44—45.

² «Торгово-промышленная газета», 1912, № 294.

³ «Горнозаводское дело», 1910, № 24—25, стр. 772.

⁴ «Торгово-промышленная газета», 1913, № 14.

мете» и чрезвычайно заинтересованных в существовании синдиката.

Но противоречия между участниками «Продамета» не были устранены, и после перезаключения договоров борьба продолжалась. Интересно с этой точки зрения следующее сообщение, появившееся в газете «Франкфуртер цейтунг» за 1912 год (№ 23): «Значительная часть предприятий, входящих в синдикат («Продамет», — Д. Ш.), очень недовольна тем обстоятельством, что новые договоры заключены лишь на три года. Опыт показал, что последний год действия договоров в смысле преимуществ, предоставляемых синдикатским объединением, является потерянными. Если, тем не менее, Русско-Бельгийскому обществу удастся провести сокращение пятилетнего срока на трехлетний, то такая уступчивость большинства может быть объяснена лишь тем, что как раз теперь, когда конъюнктура для металлургической промышленности России имеет блестящие виды на будущее, никто не хочет говорить о взаимной конкурентной борьбе. Можно, однако, с уверенностью сказать, что такая решительная борьба неизбежна. Предприятие с такой производительностью как Русско-Бельгийское общество, спустя три года, как и теперь, будет стоять перед выбором: или отказаться от своих прав и согласиться на установленную долю, которая не исчерпывает его производительной способности, или же рискнуть по необходимости на применение боевых цен, что при размере его производства может привести к весьма опасному положению».

* * *

Обратимся теперь к рассмотрению другого процесса, который, развиваясь одновременно, был связан с резким обострением борьбы между потребителями угля и руды — железозаводчиками, с одной стороны, и поставщиками этого сырья — владельцами угольных шахт и железных рудников — с другой.

Возникновение монополий в металлургической, каменноугольной и железорудной промышленности знаменует собой начало нового этапа в развитии межотраслевых противоречий на Юге России. Если раньше противоречия эти приводили к столкновениям между отдельными предпринимателями, то теперь они находят концентрированное выражение в той ожесточенной борьбе, которую ведут между собой мощные монополистические объединения «Продамет», «Продуголь» и «Продаруд».

В процессе этой борьбы металлургические общества становятся на путь вертикального комбинирования с тем, чтобы обес-

печить себя необходимым сырьем и освободиться от давления со стороны «Продугля» и «Продаруда». Деятельность металлургических обществ в этом направлении особенно интенсивно развертывается в годы промышленного подъема.

Так, в этот период Южно-Русское Днепровское металлургическое общество покупает огромные Ростовские железные рудники (стоимостью около 7 млн. руб.) и два каменноугольных предприятия: Максимовские копи в Кадиевском районе и Петро-Николаевский рудник. Донецко-Юрьевское металлургическое общество приобретает Павловскую копи Алексеевского горнопромышленного общества (с коксовыми печами) и рудники «Товарищества Краснопольских копей», а также берет в аренду железные рудники общества «Дубовой балки», входившего в состав «Продаруда». Таганрогское металлургическое общество в конце 1911 г. арендовало сроком на 23 года южную часть каменноугольных копей «Белая» от фирмы «Левестам и К^о», добывавшей около 16 млн. пуд. угля в год. Русско-Бельгийское металлургическое общество берет в аренду, сроком на 35 лет, крупнейшие в Криворожском районе железные рудники насл. Колачевского, также примыкавшие к «Продаруду». Брянское общество присоединяет к себе Рутченковские каменноугольные копи. Общество Криворожских железных руд (Гданцевский завод) покупает в 1911—1912 гг. каменноугольный рудник Каменка; Дружковский завод — каменноугольные копи Голубовского Берестово-Богодуховского общества; Макеевский завод — копи Русско-Донецкого общества. Крупные каменноугольные рудники приобретает и общество «Русский Провиданс».

В результате процесса вертикального комбинирования значительно вырос удельный вес смешанных предприятий в общей добыче угля и руды на Юге России. Так, увеличение добычи минерального топлива металлургическими предприятиями Юга за 1907—1912 гг. представлялось в следующем виде: ¹

	1907	1912
А. Общая добыча минерального топлива (в млн. руб.)	1 060,53	1 304,56
Б. Добыча смешанных предприятий (копей с заводами)	184,14	319,29
В. Процентное отношение Б к А	17,36	24,47

Таким образом в 1912 г. комбинированными предприятиями (их насчитывалось 9) добыто было 319,29 млн. пуд. угля, что составило почти 25% всей добычи Донбасса.

¹ П. И. Ф о м и н. Украина. Харьков, 1923 г., стр. 123.

Статистическое бюро Совета съездов горнопромышленников Юга России, исходя из средней нормы расхода угля на каждый выплавленный пуд чугуна и применяя этот коэффициент к комбинированным заводам, высчитало, что в 1912 г. обеспеченность этих заводов собственным углем превышала потребность на 53 млн. пуд., между тем как в 1907 г. она была ниже потребности на 13 млн. пуд.¹ Значение этих данных станет еще более ясным, если учесть, что комбинированные предприятия играли решающую роль в чугунном производстве: в 1912 г. они дали 67,8% всей выплавки южного района.

Крупные металлургические общества стали также на путь обеспечения заводов собственной железной рудой. В их руки перешла в годы подъема подавляющая часть Криворожских рудников. По данным Зива, в 1913 г. 87,6% всей добычи руды на Юге дали комбинированные предприятия. Этим самым была окончательно решена судьба синдиката «Продаруд», который естественным путем прекратил свое существование, после того как составные его части подпали под контроль металлургических обществ.

* * *

Итак, мы видели, что в годы депрессии и подъема в горной и горнозаводской промышленности Юга России происходят чрезвычайно важные процессы. Новые капиталы вкладываются в переустройство и переоборудование заводов; одни предприятия сливаются с другими, причем явления эти теснейшим образом связаны и в огромной степени усиливают противоречия между участниками отдельных синдикатов; одновременно большой размах приобретает процесс вертикального комбинирования, который непосредственно определяется резким обострением борьбы между «Продаметом», «Продуглем» и «Продарудом».

Эти процессы, представляя по существу отдельные стороны единого процесса дальнейшей концентрации производства и централизации капитала, приводят вместе с тем к весьма существенным изменениям в самой структуре горнопромышленности Донбасса и Криворожья. Весь ход развития промышленности, тесно связанный с борьбой между синдикатами и внутри них, ведет к формированию в рамках существующих объединений огромных комбинированных предприятий, которые приобретают отличительные признаки, свойственные тре-

---

¹ Каменноугольная промышленность России в 1912 г., вып. II, стр. XXXIX и XI.

стам, и знаменуют переход к высшему типу монополистических организаций.

Именно такой путь дальнейшего развития монополий определился после того, как в 1908 г. потерпела неудачу попытка объединить в один могущественный трест девять крупнейших металлургических заводов Юга России¹.

Накануне первой мировой войны больше всего приближались к трестам по своей структуре и мощи такие общества, как Донецко-Юрьевское, Южно-Русское Днепровское, Брянское, Новороссийское и Русско-Бельгийское. Вот некоторые данные об этих обществах.

Южно-Русское Днепровское металлургическое общество объединяло пять мощных предприятий: Днепровский металлургический завод при ст. Тритузная, Кадиевский металлургический завод при ст. Алмазная, каменноугольные копи (Лидиевские, Анненские, Кадиевские и Максимовские), железные рудники в Криворожском районе, марганцевые рудники в Никопольском районе.

Основной капитал общества исчислялся в 15 млн. руб.; запасный капитал — 11,5 млн. руб. Выпуск различной продукции на предприятиях Южно-Русского Днепровского общества достигал огромных размеров и составил в 1913 г.: чугуна — 32,7 млн. пудов, полупродукта — 23,7 млн. пуд., готового продукта — 20,2 млн. пуд., каменного угля — 67,8 млн. пуд., железной руды — 66,29 млн. пуд.

В состав Донецко-Юрьевского металлургического общества входили: Юрьевский металлургический завод, Царицынский металлургический завод, Петербургские железопрокатный и проволочный заводы, Павловские каменноугольные копи и железные рудники в Криворожском районе.

Основной капитал общества составлял 22,1 млн. руб.; запасный капитал 1,04 млн. руб., облигационный 2,03 млн. руб. В 1913 г. на Юрьевском и Царицынском заводах было произведено чугуна 15,1 млн. пуд., полупродукта — 24,7 млн. пуд., готового продукта — 20,4 млн. пуд. В том же году на принадлежавших обществу рудниках было добыто 16,01 млн. пуд. железной руды. Добыча угля в 1912—1913 гг. составила 14,3 млн. пуд., кокса — 12,4 млн. пуд.

---

¹ Проект создания южного металлургического треста встретил оппозицию со стороны фракции октябристов в Государственной думе, ряда земств, уральских горнопромышленников и других групп. Подробно об этом см.: П. В. Каменский. Значение торговопромышленных трестов на Западе и у нас. М., 1909; Л. Б. Кафенгауз. Синдикаты в русской железной промышленности 1910, гл. VI; статьи в «Торгово-промышленной газете», 1908, № 43, 84, 101, 105, 109, 110, 111, 117.

Обществу Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода принадлежали: Александровский чугуноплавильный, железоделательный, литейный и рельсовый завод близ ст. Горчаково, Брянский чугуноплавильный, железоделательный, литейный, механический, паровозо- и вагоностроительный завод в Брянском уезде, у ст. Болва, железные рудники в Криворожском и Керченском районах, марганцевые рудники у г. Никополя, каменноугольные копи (Рутченково), Людниковский лесопильный завод.

Основной капитал общества составлял 41,2 млн. руб., запасный капитал 5,2 млн. руб., облигационный 10,1 млн. руб. (данные 1915 г.).

В 1913 г. на коях и рудниках Брянского общества было добыто 66,5 млн. пуд. угля и 76,51 млн. пуд. железной руды. Продукция одного Александровского завода в том же году составила: чугуна 25 млн. пуд., полупродукта 19,9 млн. пуд., готового продукта — 15,9 млн. пуд.

Новороссийскому металлургическому обществу (Юзовский завод) принадлежали 19 210 дес. земли, крупнейшие угольные копи, 540 коксовых печей с производительностью до 28 млн. пуд. кокса в год (данные 1915 г.), железные рудники, железнодорожные пути (заводские и рудничные) общей протяженностью в 135 верст, 35 паровозов, 500 полувагонов, 150 платформ, 160 нормальных железнодорожных вагонов и т. д. Оценка имущества этого общества выражалась в 57,5 млн. руб. В 1913 г. продукция его предприятий составила: чугуна — 16,9 млн. пуд., полупродукта — 14,2 млн. пуд., готового продукта — 12,8 млн. пуд., каменного угля — 86,1 млн. пуд., железной руды — 13,4 млн. пуд.

Русско-Бельгийскому металлургическому обществу принадлежали: Петровские заводы при ст. Енакиево, каменноугольные копи (там же), железные рудники в Криворожском районе, в том числе 6. Колачевского с запасом руды в 1 200 000 000 пудов (аренда).

В распоряжении общества имелось 4602 дес. земли, железнодорожная ветка протяжением в 12 верст и, кроме того, 60 верст станционных и заводских железнодорожных путей.

По данным отчета правления за 1913—1914 гг., основной капитал общества составлял 20 млн. руб., запасный — 7,1 млн. руб., облигационный — 9,8 млн. руб. Общая стоимость имущества определялась в 41,6 млн. руб. На предприятиях Русско-Бельгийского металлургического общества в 1913 г. была получена следующая продукция: чугуна — 21,3 млн. пуд., полупродукта — 19,3 млн. пуд., готового продукта — 17,1 млн. пуд., каменного угля — 67,4 млн. пуд., железной руды — 57,9 млн. пуд.

Все вместе взятые указанные выше комбинированные предприятия (пять обществ) дали в 1913 г. около 58% общего производства чугуна всех доменных заводов Юга России, 60% — полупродуктов, 60% — готового продукта, 60% общей добычи криворожской железной руды.

Развитие монополистических форм не остановилось на создании подобных огромных образований трестовского типа, объединяемых синдикатами. В процессе дальнейшей борьбы внутри «Продамета», при ближайшем участии крупнейших банков образуются две мощных враждующих между собой группировки. Одна из них тяготела к Донецко-Юрьевскому металлургическому обществу, центром другой стало Южно-Русское Днепроовское металлургическое общество. Борьба между этими двумя группами являлась важнейшим фактором, определявшим развитие южной горнопромышленности по пути дальнейшей концентрации и трестирования.

Глава VI

ОРГАНИЗАЦИИ КРУПНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И БОРЬБА ИХ С МОНОПОЛИЯМИ ЮГА

Крупнейшими потребителями металла и каменного угля, поставляемого южно-русскими синдикатами, являлись железные дороги и предприятия обрабатывающей промышленности. Монопольное господство «Продамета» и «Продугля», связанное со значительным повышением цен и ограничением производства, сильно ущемляло интересы железнодорожного ведомства, а также фабрикантов и заводчиков. Это порождало чрезвычайно острые конфликты и противоречия между южными монополиями и промышленными потребителями донецкого топлива и металла. Особенности развития русского империализма накладывали большой отпечаток на характер и формы этой борьбы.

Так как монополии действовали под охраной высокой таможенной стены, преграждавшей доступ дешевого иностранного металла и угля на внутренний рынок, то ввоз этих продуктов из-за границы без наложения пошлин или по сниженным тарифам выдвигался как одно из реальных средств борьбы против «Продамета» и «Продугля».

Во-вторых, так как большая часть железных дорог принадлежала казне, то железнодорожное ведомство являлось, в известной мере, монопольным покупателем продуктов южной горной промышленности, причем оно располагало и особыми средствами для противодействия синдикатам. Меры, которые применялись или проектировались крупными промышленными потребителями для подрыва монополии южных синдикатов, в основном сводились к следующему:

1. Организация синдикатов потребителей металла и каменного угля. Таким образом, монополии южан противопоставлялась монополия объединенных покупателей.

2. Поддержка аутсайдеров. Монополиям противопоставлялась конкуренция внесиндикатских фирм; одновременно делались попытки использовать внутренние противоречия между предприятиями, входившими в состав южных монополистических объединений.

3. Льготный импорт металла и угля. Тем самым монополии южных синдикатов противопоставлялась конкуренция дешевых зарубежных продуктов.

4. Приобретение металлургических и угольных предприятий с целью стать в более или менее независимое положение по отношению к южным синдикатам.

5. Использование продуктов, способных заменить товары, поставляемые монополистическими объединениями.

Большую активность в борьбе против металлургических монополий проявили частные железные дороги, являвшиеся весьма крупным заказчиком южных синдикатов (в 1912 г. заказы, поступившие в «Продамет» от этих дорог, составили около 1,5 млн. пуд.)¹. Крупнейшие акционеры в борьбе против всесильных «Продамета» и «Продугля» пытались создать особое монопольное объединение по снабжению железных дорог металлом и углем. В октябре 1913 г. состоялось, под председательством товарища министра путей сообщения, междуведомственное совещание по вопросу о предоставлении частным железным дорогам права приобретать и эксплуатировать угольные копи, нефтяные земли, строить подвижной состав и пр. Совещание это было созвано в связи с тем, что частные железнодорожные общества настойчиво требовали от министерства путей сообщения принятия мер против монополий. Их требования были изложены в особой записке председателя правления Рязано-Уральской ж. д. Шмидта, составленной по уполномочию девяти частных дорог и адресованной к министрам путей сообщения и финансов.

В записке указывалось, что за последние 2 года частные железные дороги испытывают все возрастающее затруднение по заготовке многих материалов и изделий железнодорожного хозяйства и что эти затруднения грозят дальнейшим возрастанием. Отмечались и причины этих затруднений, причем главной из них является образование синдикатов по продаже и изготовлению этих материалов, удерживающих в своих руках всю торговлю и систематически повышающих цены на все изделия и материалы.

На предпринятую анкету в этом направлении среди существующих и строящихся частных железных дорог были получены отзывы, характеризующие те трудные условия, в которых в на-

¹ «Горнозаводское дело», 1913, № 24.

стоящее время находятся железные дороги. Эти отзывы сводились к следующему:

1. Невозможность выбора поставщика. Хотя комитет по распределению заказов и не возражает против выбора поставщика, однако синдикаты ограничили железные дороги в этом отношении и распределяют заказы по своему усмотрению, чем вводят дороги в бесполезные расходы по перевозке на дальние расстояния и затрудняют в хозяйственном отношении, разбрасывая заказы между многими заводами.

2. Никакие сроки заводами не исполняются, и нет возможности понудить их к исполнению, так как ни заводы, ни синдикаты не соглашаются на заключение неустойчивых договоров, а вводимое в договоры право заказать или приобрести у другого поставщика за счет неисправного фактически неосуществимо благодаря тем же синдикатам и отсутствию свободного предложения на рынке.

3. Цены продолжают непрерывно расти, достигая, например, на сортовое железо, размера выше стоимости железа заграничного производства с оплатой пошлины.

4. Недостаток в сортовом железе затрудняет также и исправное исполнение заказов другими заводами, как, например, вагонными и другими; литейные заводы неаккуратны от недостатка литейного чугуна и т. п.

«Существование синдиката и комитета по распределению заказов,— говорилось в записке,— создает исключительную монополию заводам, открытым до 1899 г. Отсутствие условий, дающих возможность возникновения новых заводов и появления какой-либо конкуренции, отражается не только на систематическом повышении цен, но и на отсутствии стимула, побуждающего заводы улучшить свои изделия, так как распределение заказов делается между заводами независимо от качества»¹.

Частные железные дороги предлагали провести следующие мероприятия:

«1. Преобразовать Комитет по распределению заказов, ограничив его функции только заказами для казенных железных дорог.

2. Разрешить частным железным дорогам свободный выбор заводов для своих заказов без зачета этих заказов заводам в связи с казенными заказами.

3. Разрешить образование новых заводов и фабрик, не стесняя выдачи им заказов, как это имеет место теперь, когда разрешается давать заказы только заводам и фабрикам, учрежденным до 1899 г.

---

¹ «Торгово-промышленная газета», 1913, № 243.

4. Не препятствовать железным дорогам строить в своих мастерских потребный им подвижной состав.

5. Разрешить железным дорогам организацию своих угольных копей, брикетных фабрик, нефтяных скважин, разработку лесных площадей на дрова, шпалы и прочий лесной материал и т. п.

6. Если нет возможности приобрести материалы или изделия отечественного происхождения вследствие отсутствия предложений, продолжительных и чрезмерных сроков поставки и высоких цен,— разрешить приобретать потребные материалы и изделия заграничного производства...» Как мы видим, в этой записке изложена целая программа борьбы против засилия горнопромышленных монополий.

Но далеко не все предложения частных железных дорог нашли благоприятный отклик в правительственных сферах. Правительство не пошло навстречу требованиям о преобразовании Комитета по распределению заказов. На совещании было решено сохранить Комитет, пополнив его состав представителями от частных дорог, причем в обязанность Комитету было «вменено изучение условий и мер к заблаговременному устранению разного рода кризисов — угольного, чугунного, нефтяного».

Совещание высказалось за то, чтобы уничтожить список привилегированных заводов и поощрять новые заводы, обеспечивая им заказы. Было также вынесено пожелание о предоставлении права частным железным дорогам в особом упрощенном порядке заказывать предметы железнодорожного хозяйства за границей в том случае, если цена этих предметов отечественного происхождения превысит себестоимость вместе с пошлиной и другими накладными расходами на 6—7%¹.

Одновременно для борьбы с засилием «Продугля» частные железные дороги выдвинули проект организации своеобразного синдиката дорог под названием «Общество для снабжения железных дорог твердым минеральным топливом».

Задачей этого общества, как гласил пункт 2 устава, являлось приобретение в собственность и аренда каменноугольных месторождений и готовых соответствующих предприятий, организация таких же производств, покупка угля, кокса, брикетов и т. п.² На первое время предположено было добывать до 60 млн. пуд. угля, т. е. приблизительно 50% общей потребности частных железных дорог.

Проект этот был утвержден на упомянутом междуведомственном совещании. Министерство путей сообщения и Министерство финансов больше для «приличия» поддержали не-

¹ «Торгово-промышленная газета», 1913, № 255.

² Там же, № 245.

которые мероприятия, предложенные частными железнодорожными обществами.

В объяснительной записке к проекту Государственной росписи на 1913 г. министр финансов ввиду вздорожания топлива предлагал приступить к эксплуатации угольных и нефтяных месторождений средствами самих казенных железных дорог. В связи с этим «Торгово-промышленная газета» писала: «Приобретение каменноугольных копей и нефтеносных земель железными дорогами имеет громадное государственное значение. Мы имеем в виду борьбу правительства с злоупотреблениями синдикатов и трестов... Железные дороги должны иметь в своих руках средство, при помощи которого они могли бы экономическим путем бороться против злоупотреблений трестов»¹.

В июне 1913 г. по представлению министра путей сообщения Совет министров одобрил проект устройства в Донском бассейне казенных угольных разработок для нужд железнодорожного транспорта, причем на первое время намечалось добывать около 25—30 млн. пуд. угля в год. К этому времени каменноугольные копи были приобретены Юго-Западной и Екатерининской ж. д. Осенью того же года министр путей сообщения внес в Государственную думу особый законопроект о покупке угольных месторождений и копей для казенных железных дорог.

Правда, намечавшиеся в этом направлении мероприятия не получили сколько-нибудь существенного применения. Что касается льготного импорта угля и металла, то к этому средству Министерство путей сообщения прибегало главным образом в период предвоенного подъема, в связи со все обостряющимся «металлическим» и «топливным голодом».

Так, например, в 1909 г., ввиду того, что русские заводы требовали повышения цен на бандажу на 5 коп. по сравнению с 1908 г., Министерство путей сообщения заказало за границей 5 000 вагонных бандажей. После этого синдикату пришлось цены на бандажу снизить². В декабре 1913 г. междуправительственное совещание при Министерстве торговли и промышленности признало желательным ввоз осей и бандажей, так как цены на последние очень сильно повысились. В том же году железные дороги получили разрешение заказать за границей на 1 млн. руб. стрелок, крестовин и путевых переводов. В 1912 г., во время «угольного голода», подготовленного в значительной мере политикой «Продугля», Министерство путей сообщения добилось разрешения Совета Министров на ввоз 15 млн. пуд. заграничного угля. В этот же период «Продуголь»

¹ «Торгово-промышленная газета», 1913, № 19.

² Там же, 1910, № 220.

предложил железнодорожному ведомству поставить потребное количество топлива по 9—10 коп. за пуд. Министерство путей сообщения отказалось покупать по таким высоким ценам. В 1913 г. Совет министров вновь разрешил беспошлинный ввоз угля из-за границы для нужд железнодорожного транспорта.

К осени 1913 г. казенными железными дорогами было закуплено 25 млн. пуд. иностранного угля с поставкой через южные порты и 47 млн. пуд.— через балтийские порты. Кроме того, по данным Харьковского горнозаводского комитета, предполагалась закупка еще 25 млн. пуд. Частные железные дороги закупили за границей в 1913 г. 6 млн. пуд. угля и на 1914 г. предполагали ввезти еще 11 млн. пуд.

Таким образом, все железные дороги должны были получить в этот период около 115 млн. пуд. иностранного угля, в том числе для казенных железных дорог около 97 млн. пуд. и для частных около 17 млн. пуд. При этом через южные порты должно было пройти 34 млн. пуд., а через балтийские — 80 млн. пуд.¹

В ответ на эти, крайне незначительные и по существу не подрывающие монопольного положения «Продугля», меры заправилы синдиката неоднократно обращались в правительственные органы с жалобами на железнодорожное ведомство.

Председатель Совета съездов горнопромышленников Юга России фон-Дитмар в одной из своих речей заявил²: «Министерство путей сообщения является необычайно могучим синдикатом потребителей, влияние которого на ход промышленности никогда не может сравниться с каким бы то ни было синдикатом производителей. Поэтому..., если это ведомство с государственной позиции сойдет на позицию частно-правовую, принимая все меры к понижению цен, например, воздерживаясь от покупок даже когда они нужны, покупая конкурентное топливо по высокой цене и т. д., или если даже это ведомство в один период начинает собирать запасы угля, а вслед за сим решает, что этого делать не надо и начинает систематически уменьшать наряды, что ведет к выбрасыванию на рынок угля по пониженным ценам, то такая политика ведомства может принести огромный вред промышленности» (читай — синдикату.— Д. Ш.).

Однако Министерство путей сообщения только в самых крайних случаях становилось на путь приобретения необходи-

¹ Труды 38 Съезда горнопромышленников Юга России, доклад Совета Съездов, № 11 а, стр. 13.

² Труды 35 Съезда горнопромышленников Юга России (стенографический отчет), стр. 228.

мых материалов вне посредничества синдикатов южной горно-промышленности. Следует учесть крупные персональные связи «Продугля» с некоторыми деятелями железнодорожного ведомства, которые всячески содействовали синдикатчикам. Благодаря этому «Продуголь» заранее получал необходимую информацию о предполагаемых заказах, ценах, намечаемых министерством мероприятиях и даже добивался уничтожения отдельных приказов, которые могли оказаться невыгодными «Продуглю». Одновременно и аутсайдеры «Продугля» также имели своих сторонников в аппарате Министерства путей сообщения.

* * *

Переходя к вопросу о взаимоотношениях между южными монополиями и другими отраслями промышленности, потреблявшими металл и уголь, надо указать, что значительную долю этих продуктов закупали предприятия Центрального и Бакинского районов. Борьба между этими потребителями и монополиями шла, прежде всего, по линии цен и условий продажи.

Повышение цен синдикатами в особенности отражалось на тех предприятиях, которые выполняли казенные заказы по ценам, зафиксированным на ряд лет. Но и предприятия, сбывавшие свой продукт на свободный рынок, не всегда были в состоянии всякое повышение цен на металлы и уголь сразу же и в полной мере переключать на потребителя. Таким образом, повышение цен синдикатами означало перекачивание части прибавочной стоимости из отраслей, потребляющих металл и уголь, в карманы южных монополистов.

Политика районных цен, которую проводили железные синдикаты, обостряла противоречия, существовавшие между различными металлообрабатывающими предприятиями. Монополия железозаводчиков создавала новые конфликты, вела к усилению конкурентной борьбы в этой отрасли промышленности. Директор Николаевского судостроительного завода Каннегисер в своем докладе на собрании инженеров путей сообщения в январе 1914 г., заявил: ««Продамет» стал незаметно распорядителем железнодорожных тарифов в смысле назначения разных плат разным покупателям в разных районах... «Продамет» назначает платы франко-место назначения и требует ту же, а иногда более высокую плату от завода, находящегося рядом с железнодорожной станцией, чем от находящегося за 1000 верст. Это ломает расчеты заводов-потребителей...»¹.

¹ «Вестник финансов...», 1914, № 4.

Другим следствием политики, проводимой синдикатами Юга, было расширение сферы конкурентной борьбы. Монополия приводила к возникновению прямой конкуренции между металлургическими заводами и металлообрабатывающими предприятиями. В том же докладе Каннегисер указывал: ««Продамет» поставил условие, что перерабатываемое ими самими (заводами.— Д. Ш.) железо не зачисляется им в синдикатную долю. До образования синдиката для железодельных заводов было более или менее безразлично увеличивать выпуск металла путем продажи на сторону или путем собственной переработки, но теперь продажа на сторону ограничена их долевым участием в общих операциях синдиката, и единственным способом умножить производительность металлургических отделов является расширение механических... Специальные механические заводы, работающие исключительно из покупных материалов, неожиданно встретили вредную конкуренцию со стороны своих же поставщиков».

Очень болезненно отражалась также на заводах-потребителях политика ограничения производства, которая систематически проводилась синдикатами Юга и создала «голод» на металл и уголь в период подъема. Буржуазная печать, отражавшая интересы обрабатывающей промышленности, жаловалась на засилие «Продугля» и подчеркивала, что переплата за топливо и металл снижает прибыли предпринимателей.

Наконец, синдикаты ставили предприятия, потреблявшие металл и уголь, в очень зависимое положение в отношении сроков поставки. Так, например, в годы подъема «Продамет» перестал считаться со своими заказчиками, безнаказанно нарушал сроки выполнения заказов, отказываясь при этом платить штрафы за опоздание.

Настроения промышленников, враждебно относившихся к засилию южных монополий, весьма выразительно отражены в газете «Утро России», органе крупного московского капиталиста Рябушинского: «Во всех случаях, когда обсуждается вопрос о дефектах нашей металлургической промышленности, о спекуляции с металлами, о беспорядках на железодельных заводах, об «утечке» с заводов железа и вообще обо всем том, что имеет то или иное отношение к железу, имя «Продамет» всегда стоит на первом месте. Ни для кого не тайна, что в железодельной промышленности власть ее почти безгранична. Пародируя слова Людовика XIV, она с гордостью может сказать: «Металлургия, это — я»... Вся история «Продамета», хорошо уже освещенная и в специальной и общей печати, есть история непрерывного закабаления русского по-

требителя всесильным синдикатом южных металлургических заводов»¹.

Газета «Русское слово», являвшаяся рупором промышленников Московского района, так характеризовала политику угольных монополистов в период острой нехватки топлива: «Уголь есть и может быть в достаточном количестве..., но если по обстоятельствам возможно, то и должно взять всю страну за горло, чтобы она откупилась и заплатила дань за освобождение из безвыходного положения»².

Первая и весьма широко задуманная попытка объединить «пострадавших» промышленников для борьбы с обществом «Продамет» относится к периоду создания листового синдиката. Повышение цен на листовое железо немедленно вызвало резкую реакцию со стороны бакинских промышленников. Нефтяная промышленность являлась главным потребителем листового железа, которое применялось для нефтепроводных труб при буровых скважинах, для обсадных труб и пр. Так, за период с 1 июля 1903 г. по 1 июля 1904 г. в Баку было потреблено 2 834 105 пуд. листового железа из общего количества, потребленного в империи 10 009 073 пуд. В конце 1902 г. Бакинский биржевой комитет разослал особый циркуляр, в котором предлагалось всем биржевым комитетам империи объединиться для борьбы с синдикатом листового железа³. Эта попытка бакинских нефтяников потерпела неудачу. Большинство биржевых комитетов не ответило на обращение, а Варшавский комитет, где было сильно влияние железозаводчиков Польши, в своем ответе заявил, что произведенное повышение цен «не угрожает для общих интересов промышленности».

Враждебную позицию по отношению к металлургическим синдикатам занимали и фабриканты земледельческих машин, закупавшие ежегодно несколько миллионов пудов металла. В борьбе с обществом «Продамет» Съезд русских фабрикантов земледельческих машин и орудий приобретал черты, свойственные синдикатам потребителей сырья. На третьем очередном собрании этой организации в 1909 г. обсуждался вопрос о мероприятиях для более дешевой закупки чугуна, железа и стали. Совету съездов было предложено разработать проект организации конторы для коллективной закупки этих продуктов. Помимо этого Съезд высказался за необходимость коллективной аренды какого-либо металлургического предприятия для удовлетворения потребностей в металле заводов сельскохозяйственных машин.

¹ «Утро России», 1916, № 5.

² «Горнозаводское дело», 1912, № 51—52.

³ «Торгово-промышленная газета», 1902, № 282.

В связи с этим решением Совет съездов начал вести переговоры с рядом участников «Продамета» — в частности, с Русско-Бельгийским металлургическим обществом. Заводчики сельскохозяйственных машин пытались использовать противоречия между отдельными членами «Продамета», чтобы оторвать упомянутое общество от синдиката, заключив с ним соответствующее соглашение с 1 января 1912 г., т. е. с момента истечения срока договора «Продамета». Но попытка эта окончилась неудачей, и Русско-Бельгийское общество вновь подписало договор с синдикатом. Помимо этого Совет съездов вел переговоры о приобретении в собственность заводчиков сельхозмашин другого предприятия, входившего в «Продамет», а именно, — Юзовского завода. Но и Юз также, в конце концов, предпочел остаться в синдикате.

В 1911 г. на очередном, 5 Съезде той же организации вновь встал вопрос о борьбе с металлургическими монополиями. На этот раз съезд вынес решение, в котором предлагалось «обратить внимание правительства и законодательных палат на вред, проистекающий от монопольного сосредоточения всей продажи железа и стали в руках синдиката под названием «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов», так как за последние три года синдикат этот повысил цены на железо почти на половину существующей пошлины, что тотчас же отразилось на усилении ввоза из-за границы простейших сельскохозяйственных машин и орудий, и имеется основание ожидать дальнейшего повышения цен на железо; при этом исключена возможность выбора качества материалов и ничем не обеспечена аккуратная доставка. Все это ставит фабрикантов земледельческих машин в безвыходную зависимость от вышеуказанного синдиката, подрывает самую основу отечественного сельскохозяйственного машиностроения и парализует возможное влияние тех мероприятий, которые намечены для поощрения этой отрасли промышленности»¹.

Представители обрабатывающей промышленности все время, в особенности в период подъема, добивались от правительства снижения пошлин на железо, уголь, пересмотра тарифов на провоз от портов к районам потребления, разрешения выполнять казенные заказы из заграничных материалов (при казенных заказах всегда ставилось условие, что они должны быть выполнены из русских материалов).

Хотя правительство всеми мерами поддерживало и защищало интересы монополистов, тем не менее оно вынуждено было разрешать иногда льготный импорт чугуна в Россию

¹ «Горнозаводское дело», 1911, № 44—45.

для особо опекаемых казной групп «потребителей». В мае 1911 г. Государственной думой был принят законопроект, которым разрешалось Совету министров допускать по отдельным ходатайствам привоз из-за границы чугуна до 1 июня 1912 г. с неоплаченной пошлиной, в количестве не более 10 млн. пуд. В 1913 г. особое междудеомственное совещание вынесло решение о необходимости вновь разрешить ввоз чугуна из-за границы на льготных условиях.

Заводы-потребители пытались разрешить проблему «чугунного голода» путем соглашения с монополистами. С таким предложением выступил в 1910 г. на 35 Съезде горнопромышленников Юга России представитель заводчиков Центрального района Гужон. В своей речи Гужон заявил: «Чугуноплавильщики уменьшили выплавку чугуна литейного, чтобы усилить выплавку переделочного, в котором они нуждались для того, чтобы отвечать увеличивающемуся спросу на прокатываемые ими всякие сорта литого железа. От этого усиленного перехода выплавки с чугуна литейного на чугун переделочный и происходит... настоящий недостаток первого, грозящий ныне остановкой... как литейных мастерских, так и самих заводов, вырабатывающих сельскохозяйственные машины... Это происходит единственно от того, что выгоднее для заводов выплавлять чугун переделочный. Я полагаю, что для того, чтобы усилить выплавку чугуна литейного, следует южным заводам сообща установить цену, по которой им будет одинаково выгодно производить литейный или переделочный чугун, соразмеряя эти цены с существующей ныне ценой на прокатанное железо, и вырабатывать цифру пропорционального количественного участия каждого из них в производстве литейного чугуна... Вы должны уменьшить свое производство сортового железа и дать необходимый чугун»¹.

Как мы видим, смысл этой речи сводился к необходимости создать своеобразный чугунный синдикат южных заводов, который регулировал бы производство чугуна и цены на него. Гужона поддержал один из лидеров съездов горнопромышленников Юга России, Авдаков. Последний предупреждал железо-заводчиков, что если просьба московских фабрикантов не будет удовлетворена, то угрожает «опасность» ввоза иностранного чугуна на льготных условиях.

Что касается особых мероприятий, которые предпринимались крупными промышленными потребителями топлива против «Продугля», то следует указать на попытки некоторых предприятий Центрального района обзавестись собственными шахтами в Донском бассейне. Так, в 1909 г. Прохоровская

¹ Труды 35 Съезда горнопромышленников Юга России, т. III, стр. 174.

мануфактура приобрела на Юге антрацитовый рудник¹. Московская городская управа также собиралась купить рудники в Донецком бассейне для снабжения топливом г. Москвы².

По сообщению «Торгово-промышленной газеты», в конце 1913 г. в Нижнем Новгороде велась подготовительная работа по созданию особого акционерного общества для снабжения донецким топливом предприятий и пароходов (в состав общества входили волжские заводчики и пароходоладельцы). Было решено приобрести в собственность общества крупный каменноугольный рудник в Донецком бассейне, стоимостью в 2 млн. руб. для самостоятельной выработки минерального топлива³.

* * *

Борьба промышленников, потреблявших металл и уголь, против южных синдикатов, как уже отмечалось, оказывала влияние на политику монополистов, хотя влияние это не следует переоценивать. Иностранные финансовые группы, направлявшие политику южнорусских синдикатов, располагали могучими средствами воздействия на царское правительство. Одно из этих средств — угроза понижения русских государственных ценностей на иностранных биржах — эффективно применялось финансовыми воротилами в тех случаях, когда правительство под нажимом заинтересованных групп пыталось применять репрессивные меры против засилия южных монополий.

Помимо этого, заграничные финансовые круги в некоторых случаях оказывали давление на царское правительство через официальных дипломатических представителей в С.-Петербурге.

Ярким примером подобного вмешательства иностранных империалистических правительств во внутренние дела России для защиты интересов монополистических групп являются действия французского посла в связи с делом «Продугля».

В 1914 г. после судебного процесса, возбужденного против «Продугля» двумя его контрагентами, царские власти оказались вынужденными учинить следствие по поводу «незаконной деятельности синдиката». 1 апреля 1914 г. судебный следователь произвел обыск и выемку документов в Харьковском

¹ «Торгово-промышленная газета», 1910, № 211.

² Там же, 1913, № 276.

³ Там же, № 254. Мы не касаемся здесь той антисиндикатской борьбы, которую вели земства, представлявшие интересы помещиков и кулачества, ибо их деятельность была направлена, главным образом, против уральского синдиката «Кровля».

отделения «Продугля», 3—4 апреля — в правлении «Продугля» в С.-Петербурге. Полученные прокуратурой материалы разоблачали политику угольного синдиката, направленную на ограничение производства, повышение цен и установление монопольного господства на рынке. Дальнейшее расследование деятельности «Продугля» угрожало большими неприятностями для монополистов и полным разоблачением махинаций парижских хозяев «Продугля».

Так как дело приняло серьезный оборот, в петербургских сферах решено было одернуть слишком ретивых чиновников прокуратуры. В начале июня 1914 г. товарищ прокурора Харьковской судебной палаты получил следующую телеграмму из Петербурга ¹:

«Благоволите безотлагательно прибыть в Петербург. О дне предполагаемого приезда телеграфируйте. До получения моих указаний воздержитесь от каких-либо действий по делу «Продуголь». Управляющий Министерством Юстиции Вервкин».

В Петербурге прокурор получил указания от управляющего Министерством, которые сводились к тому, что «за июль и август будет производиться экспертиза и допрос несущественных (подчеркнуто нами.— Д. Ш.) свидетелей в России, а затем вопросы о привлечении обвиняемых и производстве новых обысков и выемок, а также о допросе более существенных свидетелей, в том числе и затранных, статский советник Ющенко имеет в сентябре лично доложить г. министру, в связи с собранным за июль и август материалом» ².

18 сентября 1914 г. товарищ министра иностранных дел Нератов направил письмо на имя министра юстиции Щегловитова. В письме говорилось: «Милостивый государь, Иван Григорьевич! Пребывающий здесь французский посол официально обратился в Министерство иностранных дел с представительством в пользу общества «Продуголь», деятельность коего служит предметом предварительного следствия по обвинению в совершении предусмотренного ст. 1180 Уложения о наказаниях деяния... Передавая вашему превосходительству заявление французского посла, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой уведомить министерство, каково настоящее положение дела об обществе «Продуголь» и не представлялось ли бы возможным пойти навстречу пожеланиям Г. Палеолога...»

Вмешательство французского посла возымело свое действие. Министерство юстиции поспешило замять дело. Заключение аккордом явился рапорт прокурора Харьковской

¹ «Красный архив», 1926, т. XVIII, стр. 145.

² Там же, стр. 146. «Справка по делу «Продугля».

судебной палаты на имя министра юстиции от 6 марта 1915 г. В рапорте сообщалось, что «предварительное следствие по делу о стачке углепромышленников и торговцев углем Донецкого бассейна, входивших в состав общества «Продуголь», производством закончено». Далее прокурор доносил, что «определением Харьковского окружного суда, состоявшимся 5 текущего марта, производство предварительного следствия по упомянутому выше делу, на основании ст. 277 Уст. угол. суд., прекращено по недостаточности собранных улик»¹. Так закончилось «дело» «Продугля».

---

¹ «Красный архив», 1926, т. XVIII, стр. 146. «Справка по делу «Продугля».

Глава VII

КОНКУРЕНТНАЯ БОРЬБА «ПРОДУГЛЯ» И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЧИХ ВИДОВ ТОПЛИВА

Политика высоких цен, которую проводили южные синдикаты, наталкивалась еще на одно весьма существенное препятствие, именно,— на конкуренцию продукции, способной заменить товары, поставляемые монополистами. В особенности это относится к «Продуглю».

Серьезнейшим конкурентом каменного угля на рынке являлись нефтяные остатки. Сравнительно меньшую, но весьма существенную роль играли такие виды топлива, как дрова, торф и антрацит.

Конкурентная борьба между нефтью и донецким углем приобретает широкие размеры еще в 90-х годах. С этого времени наблюдается рост потребления нефти в промышленных предприятиях, особенно Московского и Петербургского районов.

Фабрики и заводы России увеличили расход жидкого топлива за период с 1900 по 1905 г. с 98 до 150 млн. пуд. В 1904 г. в общем потреблении топлива железными дорогами доля нефтепродуктов составила 33%, а доля твердого минерального топлива 49% (18% приходилось на дрова). Одновременно росло потребление нефтепродуктов волжским речным флотом (в 1904—1905 гг. им израсходовано около 70 млн. пуд.).

Организация синдиката донецких углепромышленников знаменует резкое обострение борьбы за потребителя между каменным углем и нефтью, сбыт которой также был синдицирован. Борьба эта шла с переменным успехом и оказывала большое влияние на всю политику южного угольного синдиката.

Возникновение «Продугля» совпало с весьма крупными переменами на русском топливном рынке. Как уже упоминалось выше, в 1905 г. в Баку произошел пожар, уничтоживший приблизительно $\frac{3}{4}$ всего оборудования нефтепромыслов. Пожар вызвал острый недостаток нефти. Пользуясь этим, нефтяные монополисты чрезвычайно вздули цены на жидкое минеральное топливо, что открыло больше возможностей для распространения каменного угля в районах, где раньше господствовала нефть. О громадном сокращении добычи нефти в Баку свидетельствуют следующие данные: в 1904 г. добыча нефти составляла 617 млн. пуд., в 1905 г.— 410 млн. пуд., в 1906 г.— 449 млн. пудов.

Задачей «Продугля» было использовать с максимальной выгодой для донецких углепромышленников сложившуюся на топливном рынке конъюнктуру.

Цены на нефть достигли за эти годы небывало высоких размеров. В Баку пуд нефти стоил в 1904 г.— 14,7 коп., в 1905 г.— 19,9 коп., в 1906 г.— 25,6 коп., в 1907 г.— 27,7 коп. Таким образом, за 4 года цены на нефть увеличились почти вдвое¹, а по сравнению с 1902 г., когда пуд нефти стоил 6 коп., цена выросла больше чем вчетверо.

Такой огромный скачок цен на жидкое топливо, естественно, давал на рынке большое преимущество каменному углю. Ввиду дороговизны нефти потребители даже тех районов, которые отстояли от Донецкого бассейна на расстоянии более 1 000—1 200 верст, стали переходить на каменный уголь. Важнейшими из таких потребителей являлись железные дороги, примыкающие к правому берегу Волги, и фабрики и заводы Московского района.

Таблица 21

**Вывоз донецкого минерального топлива
(в млн. пуд.)**

Категория потребителей	1906 г.	1907 г.	1908 г.
Железные дороги	40,0	47,0	50,0
Металлургические заводы	3,0	3,0	3,0
Фабрики, заводы, промышленные заведения	21,5	40,0	42,0
Всего	64,5	90,0	95,0

¹ «Богатства России», вып. I, 1925, стр. 17.

В период 1906—1907 гг. происходило усиленное вытеснение нефти донецким минеральным топливом, что подтверждается данными, приведенными в таблице 21¹.

Из таблицы 21 видно, что вывоз донецкого топлива взамен нефти, увеличиваясь из года в год, в 1908 г. составил 95 млн. пуд., причем из этого количества на железные дороги приходилось 53%, на фабрики, заводы и промышленные заведения — 44%.

Потребление донецкого каменного угля всеми железными дорогами в 1908 г. составило 281,8 млн. пуд., или на 107,5 млн. пуд. больше, чем в 1904 г., а соответствующее потребление нефтепродуктов в 1908 г. составило 109,9 млн. пуд., или на 18,3 млн. пуд. меньше, чем в 1904 г.²

Ослабление конкуренции со стороны нефтепродуктов облегчило «Продуглю» установление высоких цен на твердое минеральное топливо. Приводим данные (см. таблицу 22) о соотношении цен на уголь и нефтяные продукты для железных дорог за период 1904—1908 гг.³

Таблица 22

Средние цены для всех железных дорог
(в коп. за пуд)

Г о д ы	Донецкий каменный уголь	Нефтяное топливо
1904	11,2	16,2
1905	11,4	22,0
1906	12,4	29,7
1907	12,8	33,1
1908	13,6	33,2

Таким образом, за указанный период цена нефтяного топлива для железных дорог выросла с 16,2 до 33,2 коп., т. е. на 17 коп. в пуде, или более чем на 100%. Одновременно поднялась цена и на каменный уголь, причем здесь увеличение составило за тот же период 2,4 коп. в пуде, или 21%.

Вытеснение нефти донецким углем продолжалось до 1909 г., когда произошел перелом в обратную сторону, в связи с на-

¹ «Горнозаводское дело», 1911, № 1.

² «Количество и стоимость топлива, потребленного русскими железными дорогами за 1904—1913 гг.», стр. 62—63.

³ Там же.

чавшимся увеличением добычи нефти. Так, добыча в Баку и Грозном в 1909 г. составила 558 млн. пуд., т. е. на 32 млн. пуд. больше, чем в 1908 г. Следующий, 1910 год дал дальнейшее увеличение добычи нефти еще на 12 млн. пуд. (всего добыто 570 млн. пуд.). Одновременно шло снижение цен на жидкое топливо. Цена пуда нефти в Баку, доходившая в 1907 г. до 27,7 коп., снизилась в 1908 г. до 21,6 коп., в 1909 г.— до 21 коп.¹

Многие потребители, перешедшие с жидкого на твердое минеральное топливо, в этот период вновь начинают возвращаться к потреблению нефтепродуктов. Сбыт донецкого минерального топлива взамен нефти в 1909—1911 гг. резко сокращается, что подтверждается следующими данными² (таблица 23):

Таблица 23

Сбыт донецкого минерального топлива взамен нефти
(в млн. пуд.)

Категория потребителей	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Железные дороги	50,0	36,5	26,0	20,0
Металлургические заводы	3,0	2,5	2,0	2,5
Фабрики, заводы, промышленные заведения	42,0	32,0	26,0	30,0
Всего	95,0	71,0	54,0	52,5

Мы видим, что в 1909 г. было вывезено донецкого минерального топлива взамен нефти на 24 млн. пуд. меньше, нежели в 1908 г., а в 1910 г.— на 17 млн. пуд. меньше, чем в 1909 г. Из этих 17 млн. пуд. 9,7 млн. пуд. приходилось на железные дороги, а 7,3 млн. пуд. на остальных потребителей каменного угля, главным образом на фабрики и заводы Московского района. В 1911 г. вывоз угля взамен нефти уменьшился еще на 1,5 млн. пудов.

Потребление нефти и мазута с 1 апреля 1910 г. по 1 апреля 1911 г. составило, по приблизительным данным, 252 млн. пуд., т. е. на 29 млн. пуд. (13%) больше, чем за те же месяцы

¹ «Богатства СССР», вып. I. Нефтяная промышленность, стр. 17.

² См. «Горнозаводское дело», 1911, № 1; там же, 1913, № 16; «Количество и стоимость топлива, потребленного русскими железными дорогами за 1904—1913 гг.», стр. 13.

1909—1910 гг.¹ Железные дороги израсходовали в 1911 г. 244,5 млн. пуд. каменного угля, или на 37 млн. пуд. меньше, чем в 1908 г.; соответствующий расход нефтепродуктов составил в 1911 г. 128,1 млн. пуд., или на 18,2 млн. пуд. больше, чем в 1908 г.²

В 1909—1911 гг. нефтяные синдикаты начинают вести ожесточенную борьбу за вытеснение каменного угля и возвращение прежних рынков, в значительной мере захваченных донецкими углепромышленниками. И. В. Сталин в 1910 году писал: «Благодаря увеличению спроса на жидкое топливо со стороны центрально-промышленного района и переходу с донецкого угля на нефть Юго-Восточной, Рязанско-Уральской и Московско-Казанской железных дорог, вывоз нефти в этом году значительно обогнал вывоз прошлого года. Цены на нефть, вопреки воплям нефтепромышленников не падают, а остаются старые, ибо средняя цена за год получается та же, что и в прошлом году (21 копейка). А благословенные скважины то и дело раздражаются фонтанами, награждая нефтепромышленников дождём нефти.

Словом, «дела» нефтепромышленников поправляются»³.

Так как спрос на нефтяные остатки, употреблявшиеся в качестве топлива, был чрезвычайно велик, и сбыт их, даже при относительно сниженных ценах, давал больше прибыли нефтепромышленникам, последние сокращали перегонку нефти на осветительные и смазочные масла и за счет этого расширяли выпуск на рынок нефтяных остатков.

Так, в 1909 г. в Баку из сырой нефти было получено нефтяных остатков около 62%, а осветительных масел только 30%. Более того, вместо перегонки некоторая часть сырой нефти примешивалась к нефтяным остаткам и шла в продажу в качестве топлива. Если в 1903 г. на 308,6 млн. пуд. нефтяных остатков было прибавлено 26,7 млн. пуд. сырой нефти, то в 1909 г. на гораздо меньшее количество нефтяных остатков (188 млн. пуд.) было прибавлено в два с лишним раза больше сырой нефти (59 млн. пуд.). Кроме того, в 1909 г. было вывезено из Баку для отопления еще 29 млн. пуд. сырой нефти⁴.

В эти годы среди заправил частных железнодорожных обществ возникает течение за замену каменного угля нефтью для отопления паровозов. В таком же плане высказалась и осо-

---

¹ «Горнозаводское дело», 1911, № 20.

² «Количество и стоимость топлива, потребленного русскими железными дорогами за 1904—1913 гг.», стр. 62—63.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 174—175.

⁴ «Горнозаводское дело», 1911, № 4.

бая правительственная комиссия для всестороннего исследования железнодорожного дела в России под председательством инженер-генерала Н. Петрова.

В докладе «О реорганизации вагонного и паровозного хозяйства на казенных железных дорогах», комиссия указывала¹: «Представляется весьма желательным и в высшей степени выгодным возможно широкое распространение нефтяного топлива на казенных железных дорогах с тем, чтобы обратный переход к углю был делаем лишь при наступлении такого поднятия цены на нефть, когда эксплуатационные выгоды применения угля будут совершенно бесспорны, т. е. когда средняя цена на дороге с доставкой пуда нефти будет не менее, как в 4 раза больше цены с доставкой на дороге пуда хорошего угля» (следует учесть, что обычно по теплотворности пуд нефти приравнялся к 1,5 пуд. угля.— Д. Ш.).

Этот проект вызвал большое беспокойство среди донецких углепромышленников. «Принятие предложений доклада,— писал орган южных монополистов,— грозило бы такими огромными последствиями для нашей каменноугольной промышленности, которые выходят далеко за пределы ее чисто местных интересов и создают страшную угрозу для рабочего класса Донецкого бассейна и для всего населения южных губерний»².

Совершенно ясно, что горнопромышленных акул беспокоила не судьба рабочего класса, а явная угроза прибылям угольных монополистов Донбасса.

Донецкие углепромышленники усиленно доказывали, что единственно выгодным с государственной точки зрения видом топлива является уголь и что употребление нефтяного топлива на железных дорогах и в промышленности есть недопустимое расточительство народного достояния, ибо нефть должна быть целиком использована для перегонки на осветительные и смазочные масла. В то же время, как уже упоминалось выше, шахтовладельцы Донбасса действовали заодно с нефтепромышленниками в борьбе против расширения добычи угля в других районах России.

Вытеснение каменного угля жидким топливом продолжалось до 1911 г. К этому времени добыча нефти в Баку опять значительно снизилась, а цены на нефтепродукты сильно возросли, что явилось результатом сознательной политики нефтяных синдикатов.

В. И. Ленин в марте 1913 г. писал:

«В чем гвоздь нефтяного вопроса?»

Прежде всего в бесстыдном вздувании цен нефти гг. неф-

¹ «Горнозаводское дело», 1911, № 1.

² Там же.

тяниками при искусственной задержке производительности скважин и заводов этими «рыцарями» капиталистической наживы»¹. Цена пуда нефти в Баку, составлявшая в 1909 г.— 21 коп., выросла в 1912 г.— до 38 коп. и в 1913 г.— до 42,3 коп., т. е. за четыре года цена увеличилась почти втрое². Хотя повышение цен на нефтепродукты для железных дорог не достигло таких огромных размеров, но и здесь оно было весьма значительным. Это неизбежно вновь привело к обратному переходу многих потребителей с жидкого на твердое минеральное топливо. Фабрики и заводы уменьшили потребление нефтепродуктов с 130 млн. пуд. в 1911 г. до 114 млн. пуд. в 1912 и до 93 млн. пуд. в 1913 г. Такая же картина наблюдалась и в речном флоте, где потребление жидкого топлива за 1910—1912 гг. сократилось на 10 млн. пуд. и составило в 1912 г. лишь 40 млн. пуд.

Сокращение использования нефтяного топлива позволило угольным монополистам в этот период более успешно проводить повышение цен на каменный уголь. Соотношение цен на оба вида топлива для железных дорог за 1911—1913 гг. представлялось в следующем виде (таблица 24):

Таблица 24

Средние цены для всех железных дорог
(в коп. за пуд)

Г о д	Донецкий каменный уголь	Нефтяное топливо
1911	12,6	24,8
1912	12,9	26,9
1913	14,1	34,0

Таким образом, средняя цена нефтяного топлива для железных дорог за эти три года увеличилась с 24,8 коп. до 34 коп. за пуд, а цена на уголь с 12,6 коп. до 14,1 коп. за пуд, т. е. на 1,5 коп. в пуде, или на 11,8%.

За период 1906—1914 гг. борьба между нефтяными синдикатами и «Продуглем» прошла три основных этапа: 1906—1908 гг.—вытеснение нефти каменным углем; 1909—1911 гг.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 14.

² «Богатства СССР», вып. 1, стр. 17.

происходит обратный процесс: отвоевание нефтью своих прежних позиций на рынке, и, наконец, 1911—1914 гг. — новое расширение потребления каменного угля и вытеснение им нефтепродуктов.

В предвоенные годы цены на нефть были чрезвычайно вздуты. На рынке наблюдался острый недостаток жидкого топлива, что явилось, как мы видели, результатом сознательной политики нефтяников, задержавших развитие добычи. Конечно, такое положение было на руку горнопромышленникам.

* * *

Деятельность монополий в каменноугольной промышленности Донецкого бассейна сопровождалась также обострением конкурентной борьбы между каменным углем и антрацитом.

Политика «Продугля», направленная к повышению цен и ограничению добычи, создавала тем самым условия, которые стимулировали конкуренцию со стороны антрацитопромышленников. Вследствие роста цен и недостатка каменного угля, особенно в годы предвоенного промышленного подъема, многие потребители находили более выгодным перейти к использованию антрацита.

Наиболее напряженная борьба с этим видом топлива шла в Московском районе, где антрацит применялся в промышленных предприятиях и для домашнего отопления. Чтобы воспрепятствовать распространению антрацита, «Продуголь», как мы видели, включил в свой договор с самой крупной московской фирмой по продаже угля особый пункт, ограничивавший сбыт антрацита указанной фирмой 10 млн. пуд. в год.

Железные дороги также пытались использовать антрацит в борьбе против монополии «Продугля». В 1911 г. при Министерстве путей сообщения состоялось специальное совещание по вопросу о применении антрацита для отопления паровозов, которое признало необходимым провести на некоторых южных железных дорогах опыты отопления паровозов антрацитом. Однако дальше организации опытов дело не пошло, и каменный уголь вплоть до первой мировой войны оставался почти единственным видом топлива, применявшимся на железных дорогах¹.

Усиление конкуренции между каменным углем и антрацитом сопровождалось значительным возрастанием удельного веса последнего на рынке. Со времени возникновения «Продугля» добыча и вывоз антрацита из Южного района идут значительно более быстрыми темпами, чем добыча и вывоз каменного угля, что видно из таблиц 25 и 26.

¹ «Торгово-промышленная газета», 1911, № 41.

Как видно из данных, приведенных в таблице 25, за период 1906—1912 гг. добыча антрацита в Донбассе увеличилась с 102,8 млн. пуд. до 217,9 млн. пуд., т. е. больше чем в два раза, между тем как добыча каменного угля выросла с 805,8 млн. пуд. до 1 086,6 млн. пуд., т. е. на 34,7%. При этом удельный вес антрацита в общей добыче минерального топлива Донбасса вырос с 11,3% до 16,7%.

Еще более показательны данные о сбыте каменного угля и антрацита за те же годы¹ (см. таблицу 26).

Т а б л и ц а 25

Добыча минерального топлива в Донецком бассейне
(в млн. пуд.)

Г о д ы	Каменный уголь	Антрацит	В с е г о
1906	805,80	102,8	908,60
1907	934,90	125,5	1060,40
1908	956,90	154,9	1111,80
1909	927,10	162,4	1089,50
1910	861,90	156,8	1018,70
1911	1033,43	184,2	1217,63
1912	1086,60	217,9	1304,50

Из таблицы видно, что рыночный сбыт антрацита за 1906—1912 гг. увеличился с 97,2 млн. пуд. до 207,05 млн. пуд., т. е. больше чем вдвое, между тем как сбыт каменного угля вырос с 612,83 млн. пуд. до 799,29 млн. пуд., т. е. на 30,4%. При этом удельный вес антрацита в общем отпуске минерального топлива Донбасса увеличился с 13,8% до 20,5%.

По мере того как обострялась конкуренция между антрацитом и каменным углем росли стремления к монополизации у антрацитопромышленников. Вместе с тем в годы депрессии довольно быстрым темпом создавались необходимые объективные предпосылки для возникновения монополии в антрацитовой промышленности Юга России. Во-первых, в этой отрасли, одновременно с ростом общей добычи, шел ускоренный процесс концентрации производства. Во-вторых, за эти годы значительно выросло значение крупных акционерных предприятий в антрацитовой промышленности² (см. таблицу 27).

¹ См. «Каменноугольная промышленность России в 1912 г.», вып. 1, стр. 32—33; Там же, в 1906 г., вып. I, стр. 28—29.

² «Каменноугольная промышленность России в 1912 г.», вып. II, стр. XXXIV.

Таблица 26

Отпуск минерального топлива Донецкого бассейна всем потребителям (в млн. пуд.)

Годы	Каменный уголь	Антрацит	Всего
1906	612,83	97,20	710,03
1907	626,36	110,61	736,97
1908	712,02	144,96	856,98
1909	696,46	140,94	837,40
1910	653,78	138,52	792,30
1911	759,34	175,22	934,56
1912	799,29	207,05	1006,34

Итак, за период 1902—1912 гг. добыча антрацита в акционерных предприятиях выросла почти в 11 раз, в то время как в индивидуальных предприятиях она увеличилась лишь в 2,3 раза, причем в 1912 г. 14 крупных акционерных предприятий дали 40,7% всей добычи антрацита в Донбассе.

Далее, в годы депрессии антрацитопромышленники накопили уже некоторый опыт в области синдикатских соглашений. Первые известные нам попытки синдицировать сбыт южного антрацита относятся еще к 1905 г., когда, по данным «Торго-

Таблица 27

Добыча антрацита в Донецком бассейне

Годы	Добыча акционерных предприятий			Добыча прочих предприятий (в млн. пуд.)	В %	Итого (в млн. пуд.)
	Число фирм	Добыча (в млн. пуд.)	В %			
1902	4	8,2	12,3	58,5	87,7	66,7
1907	6	36,3	28,8	89,8	71,2	126,1
1912	14	88,8	40,7	129,2	59,3	218,0

во-промышленной газеты», промышленники Боково-Хрустальского района создали синдикатское объединение¹.

В 1908 г. в результате обостренной конкуренции между

¹ «Торгово-промышленная газета», 1906, № 18.

антрацитами Донецкого бассейна, с одной стороны, и Грушевско-Власовского района области Войска Донского — с другой, состоялось соглашение донецких антрацитопромышленников. Последнее успешно боролось на Московском рынке с шахтовладельцами Грушевско-Власовского района, продавая свой, несколько худший по качеству, антрацит на 4,5—5 коп. дешевле конкурентов и в то же время с большой выгодой для себя¹.

Как зародыш будущего синдиката можно рассматривать и состоявшееся в апреле 1911 г. соглашение шахтовладельцев Грушевско-Власовского района. Совместно с торговцами они выработали общие условия сделок; в частности, предусматривалось, что в случае забастовок предприниматели не несут ответственности за срыв поставки топлива².

Но все эти соглашения следует оценивать лишь как первые шаги к организации синдикатов в антрацитопромышленности. Дальнейшее развитие этого процесса было связано с попыткой противопоставить «Продуглю» объединение владельцев антрацитовых копей, что и привело в конце концов к возникновению проекта организации оформленного синдиката антрацитовых предприятий Юга России.

О создании такого объединения в 1912 г. велись переговоры между крупными антрацитопромышленниками в Харькове. По этому поводу «Торгово-промышленная газета» писала: «Сторонники этой мысли близко стоят к влиятельным банковским сферам. По сведениям газет, инициаторы эти, которые являются уже крупными акционерами других антрацитовых предприятий, предполагают приобрести все действующие мелкие антрацитовые предприятия. В связи с этим проектом, несомненно, стоит преобразование трех крупных единоличных антрацитовых предприятий в акционерную форму...»³.

По сообщению той же газеты⁴, проектировавшийся антрацитовый синдикат рассчитывал в качестве главного покупателя — на железные дороги, полагая, что после окончания опытов по отоплению локомотивов антрацитом паровозы перейдут к использованию этого топлива.

Но проект объединения антрацитопромышленников не был осуществлен. Видимо, одной из важнейших причин этого явился отказ железнодорожного ведомства от перехода на отопление паровозов антрацитом. Тем не менее, потребление антрацита железными дорогами продолжало увеличиваться и в 1913 г. составило 18,5 млн. пуд., т. е. вдвое больше, чем в

¹ Там же, 1908, № 71.

² Там же, 1911, № 87.

³ Там же, 1913, № 31.

⁴ Там же, № 12.

1910 г., между тем как потребление ими донецкого каменного угля за тот же период выросло лишь на 23,8%.

Усиленная конкуренция между антрацитом и каменным углем являлась одним из важных факторов, ограничивавших пределы монопольного господства «Продутля».

* * *

Помимо нефти и антрацита серьезным конкурентом каменного угля являлись дрова.

Важное значение этого вида топлива определялось, во-первых, большим удельным весом дров в общем расходе различных видов топлива в стране, и, во-вторых, наличием огромных лесных массивов в большинстве районов России, за исключением южных. Кроме того, следует учесть, что дрова находили применение в качестве топлива и в промышленных заведениях, и на железных дорогах, и в домашнем обиходе. По данным Совета съездов горнопромышленников Юга России, фабрики, заводы, железные дороги и пароходства израсходовали в 1908 г. дров в переводе на уголь 441,6 млн. пуд.

Несмотря на то, что каменный уголь имеет ряд преимуществ по сравнению с дровами, все же значительное повышение цен на него вызывало переход различных потребителей на использование древесного топлива взамен угля.

Большое количество дров потреблял железнодорожный транспорт. В общем потреблении железными дорогами разных видов топлива на дрова приходилось в 1905 г. 23%, в 1906 и 1907 гг. по 19%¹. В 1906—1907 гг. 10% паровозов работало на дровяном отоплении. Особенно большое применение этого вида топлива имело место на дорогах: Либаво-Роменской, Риги-Орловской, Московско-Виндаво-Рыбинской, Полесских и Северо-Западных.

Монополисты Донбасса принимали энергичные меры к тому, чтобы добиться перевода всех паровозов на каменный уголь. Совет съездов горнопромышленников Юга России неоднократно выступал с соответствующими ходатайствами перед правительством. Шахтовладельцы всячески доказывали, что жечь дрова в паровозных топках — это преступление перед страной, которая лишается самых ценных лесных богатств, и т. п. Но тенденции южных монополистов угрожали интересам лесовладельцев — помещиков, которых царское правительство не могло «обидеть», и поэтому, несмотря на все усилия, горнопромышленникам Донецкого бассейна не удалось добиться полного вытеснения древесного топлива на железных

¹ «Вестник финансов...», 1909, № 27.

дорогах. Большое значение в этом вопросе имело также и соотношение цен на дрова и каменный уголь (таблица 28).

Таблица 28

Средние цены для всех железных дорог¹

Г о д ы	Донецкий каменный уголь (в коп. за пуд)	Древесное топливо (за куб. саж.)
1905	11,1	17 р. 41 к.
1906	12,4	17 р. 32 к.
1907	12,8	16 р. 86 к.
1908	13,6	17 р. 20 к.
1909	13,6	17 р. 28 к.
1910	13,2	17 р. 34 к.
1911	12,6	17 р. 21 к.
1912	12,9	16 р. 89 к.
1913	14,1	19 р. 38 к.

Мы видим, что в то время как цена каменного угля росла, цены на дрова изменялись очень мало; некоторый скачок вверх наблюдался лишь в 1913 г. Для многих железных дорог потребление дров оказывалось более выгодным, и несмотря на все преимущества каменного угля, железнодорожное ведомство продолжало закупать огромное количество древесного топлива для отопления паровозов. Ежегодный расход дров железными дорогами за период 1906—1912 гг. оставался более или менее стабильным (в среднем около 1200 млн. куб. саж.— эквивалент 120—140 млн. пуд. угля).

Таким образом, политика «угольного» и «нефтяного года», проводимая монополиями, заставила железные дороги и промышленников использовать другие, худшие виды топлива и, в частности, сравнительно широко применять древесное топливо.

¹ «Количество и стоимость топлива, потребленного русскими железными дорогами за 1904—1913 гг.», стр. 62—63.

Глава VIII

СЪЕЗДЫ ГОРНОПРОМЫШЛЕННИКОВ ЮГА РОССИИ — ОРУДИЕ МОНОПОЛИИ И АРЕНА КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЫ

В первой главе нашей работы, посвященной экономической характеристике Донбасса — Криворожья в домонополистический период, была показана тесная взаимозависимость, определявшая в значительной мере развитие металлургической, угольной и железорудной промышленности.

Совершенно естественно, что в этих условиях, несмотря на наличие глубоких противоречий, имело место и совпадение ряда общих интересов различных группировок монополистической буржуазии. Так, например, все горнопромышленники были заинтересованы в привлечении дешевой рабочей силы в Донбасс, в проведении мероприятий, необходимых для того, чтобы держать эту рабочую силу в узде, в развитии железнодорожного строительства, понижении тарифов на перевозку продукции синдицированных предприятий, увеличении казенных заказов, повышении пошлин на ввозимые из-за границы минеральное топливо, металлы и т. д.

Именно эти вопросы и занимали главное место в деятельности Совета съездов горнопромышленников Юга России, этой первой представительной организации капиталистов, созданной, как известно, в 1873 г.

В первое время съезды объединяли только владельцев угольных копей, а затем, по мере роста металлургической и железорудной промышленности, они распространили свою деятельность и на эти отрасли. Хотя правом участия в съездах пользовались все горнопромышленники, доминирующую роль с самого начала играл крупный капитал.

Съезды горнопромышленников собирались регулярно, обычно один раз в год. В промежутках функционировал постоянный орган — Совет съездов.

Возникновение монополистических объединений на Юге России было непосредственно связано с деятельностью Совета съездов горнопромышленников, где главным образом и концентрировалась вся подготовительная работа по организации синдикатов, причем руководящую роль играли заграничные финансовые круги, являвшиеся фактическими хозяевами южных предприятий.

В дальнейшем Совет съездов продолжал действовать наряду и в самом тесном контакте с синдикатами «Продамет», «Продуголь» и «Продаруд», что находило наиболее яркое выражение в персональной унии. Так, виднейший деятель горнопромышленного Юга Авдаков являлся одновременно уполномоченным и почетным членом Совета съездов, а до 1905 г. — председателем Совета съездов, председателем совета «Продугля» и членом совета «Продамета». Директор-распорядитель Южно-Русского Днепровского металлургического общества Ясюкович одновременно состоял уполномоченным и членом Совета съездов и председателем совета «Продамета» (а впоследствии членом совета «Продамета»). Директор Алексеевского горнопромышленного общества Янчевский соединял функции члена Совета съездов и заместителя председателя совета «Продугля». Заместитель председателя Совета съездов Фенин состоял в то же время членом правления Селезневского общества каменноугольной и заводской промышленности, входившего в «Продуголь», и т. д.

Необходимость сохранения, наряду с синдикатами прежней представительной организации капитала — Совета съездов горнопромышленников Юга России вызывалась теми специфическими условиями, в которых развивались русские монополии. Эти же условия определили и весь характер деятельности этой организации в эпоху империализма.

В рабочем вопросе съезды горнопромышленников придерживались наиболее реакционной политики, возглавляя борьбу шахтовладельцев и заводчиков против рабочего класса, подвергавшегося зверской эксплуатации. На съездах горнопромышленников со всей очевидностью проявилась господствующая роль иностранного капитала в южных монополиях; они целиком отражали линию заграничных финансовых центров, грабивших Россию методами, обычными для эксплуатации зависимых стран.

Весьма яркой иллюстрацией отношения капиталистов к донецким рабочим явилось обсуждение на 31 съезде горнопромышленников Юга России в 1906 г. вопроса о нормировании рабочего дня.

Комиссия этого съезда высказалась против установления максимального рабочего дня для взрослых и признала неже-

лательным «вмешательство законодательства» в «договорные отношения» между работодателями и рабочими. По докладу комиссии имели место весьма любопытные выступления участников съезда.

Позицию иностранных капиталистов в этом вопросе изложил в своей речи представитель «Донецкого Комитета» в Париже некий Реймон. «...нам говорят,— заявил Реймон,— что рабочему нужно сейчас, сию минуту, предоставить лучшие жизненные условия. Возможно ли это, господа?... Возможно ли сию минуту ввести уменьшение рабочего дня и всего другого, чего от нас требуют? ...разве вы не боитесь, что эти заводы и шахты, которые дают работу такому громадному числу рабочих, закроются?»

Глубоким презрением к рабочему и откровенным цинизмом была проникнута речь директора общества Русской горнозаводской промышленности Трейенфельса, который заявил: «Мы должны признать, что ...прежде чем устанавливать 8-часовой рабочий день, надо создать такие учреждения, чтобы рабочие нашли возможным там использовать свое свободное время... Если не будет... полезных и приличных развлечений..., тогда это свободное время будет для него скорее вредно, чем полезно»¹.

Таким образом, материалы съездов отражают хищнический и сугубо реакционный характер монополистической буржуазии.

* * *

Монополистическая буржуазия стремилась поставить на службу своим интересам чиновничье-бюрократический аппарат царизма. Съезды горнопромышленников Юга России явились той организацией, которая призвана была представлять общие интересы южных монополистов и оказывать влияние на правительственную политику.

При этом в деятельности различных монополистических организаций на Юге сложилось своеобразное разделение труда. Синдикаты, с одной стороны, и съезды — с другой, действуя разными методами, добивались в сущности одной и той же цели — укрепления господства южных монополий на рынке. Задача съездов горнопромышленников Юга России заключалась в том, чтобы, воздействуя на политику правительственных органов, обеспечить синдикатам все необходимые условия для монополизации внутреннего рынка.

---

¹ Труды 31 Съезда горнопромышленников Юга России (стенографический отчет 13 заседания).

Проиллюстрируем это на нескольких примерах.

Так, синдикаты «Продамета» громили на рынке своих конкурентов — аутсайдеров Урала и Польши, выдвигая против них специальные «боевые» цены и пр. В то же время съезды горнопромышленников Юга России добивались от Министерства путей сообщения установления таких тарифов на перевозку металла, которые облегчили бы победу «Продамета».

Синдикат «Продуголь» вел на рынке ожесточенную борьбу с использованием в промышленности и на транспорте прочих видов топлива, проводя соответствующую политику цен; в то же время съезды горнопромышленников Юга России требовали «в интересах отечественной промышленности» перевода всех паровозов на угольное отопление и добивались установления тарифов на перевозку топлива, выгодных для «Продугля».

Южные синдикаты ограничивали производство, создавали «голод» на металл и уголь и, пользуясь монополией, неизменно вздували цены; в то же время съезды горнопромышленников Юга России, опять-таки под флагом «защиты» отечественной промышленности, добивались сохранения высоких таможенных пошлин, чтобы устранить опасность конкуренции со стороны иностранных продуктов. Южные синдикаты грабили потребителей, а съезды горнопромышленников Юга России решительно выступали против тех же потребителей, когда они пытались противодействовать гнету монополий, требовали осуществления благоприятного для деятельности синдикатов законодательства и решительно протестовали против начатого прокуратурой расследования махинаций «Продугля».

Южные синдикаты были весьма заинтересованы в казенных заказах — съезды горнопромышленников требовали от казны «воспособления» и расширения этих заказов и т. д. и т. п.

Выше мы видели, что съезды горнопромышленников Юга России, выражая ту взаимозависимость и связи, которые существовали между металлургической, каменноугольной и железорудной промышленностью, выступали в защиту общих интересов всех южных монополий, как орудие этих монополий.

Вместе с тем в деятельности съездов неизбежно должны были найти отражение и те глубокие противоречия и антагонизмы, которые изнутри раздирали южные монополии. Съезды горнопромышленников Юга России в то время являлись ареной самой острой борьбы между различными труппами горнопромышленников.

Как уже было показано в предыдущих главах, эпоха монополистического капитализма ознаменовалась сильнейшим

обострением всех противоречий и антагонизмов, которые характеризовали горнопромышленный Юг периода господства свободной конкуренции. С возникновением синдикатов в новых формах и с новой силой развертывается борьба между металлургической, каменноугольной и железорудной промышленностью, между отдельными предприятиями внутри каждой из этих отраслей, между предприятиями каменноугольных и антрацитовых районов и т. д.

Противоречия эти, как мы видели, проявлялись, во-первых, в открытых схватках на рынке, причем для разгрома своих противников синдикаты применяют такие средства, как боевые цены, специальные соглашения с торговцами и т. д., во-вторых, в той внутренней взаимной борьбе, которая происходила в скрытой форме в недрах синдикатов.

Что же касается съездов горнопромышленников Юга России, то указанные противоречия находили здесь особое выражение в соответствии с той специфической функцией, которую выполняла эта монополистическая организация, именно, при выработке решений и ходатайств съездов по вопросам, касающимся железнодорожных тарифов, проведения новых железнодорожных линий и веток, экспорта и импорта продуктов горнопромышленности, таможенных пошлин и т. д.

Борьба интересов различных групп на съездах и в Совете съездов проходит красной нитью через всю историю этой капиталистической организации и заслуживает специального изучения. Мы же ограничимся указанием на отдельные характерные примеры.

Так, конкуренция между «Продуглем» и аутсайдерами, а также борьба внутри «Продутля» проявлялась в тех же ожесточенных дебатах, которые возникали на съездах по вопросу о направлении проектируемых новых железнодорожных линий, об установлении железнодорожных тарифов на перевозку минерального топлива из разных каменноугольных районов Донбасса, о допущении различных сортов угля к поставкам для нужд железных дорог и т. д. и т. п.

Борьба внутри «Продамета» находила выражение на съездах в спорах между отдельными металлургическими заводами по поводу пересмотра железнодорожных тарифов на уголь и руду, так как ввиду различной удаленности заводов от места добычи этого сырья, тарифы, выгодные для одних заводов, оказывались невыгодными для других и т. п.

Соперничество между «Продаметом» и «Продарудом» отражалось на съездах в неоднократных выступлениях металлургов против тех криворожских рудопромышленников, которые все время добивались разрешения на усиленный экспорт руды, снижение тарифов на экспортируемую руду и пр., что было

невыгодно для многих металлургических предприятий, являвшихся покупателями этого сырья.

Противоречия между «Продаметом» и «Продуглем» проявились в тех ожесточенных спорах, которые велись на съездах в период «коксового голода» между углепромышленниками и заводчиками. Последние требовали, чтобы съезд ходатайствовал перед правительством о разрешении импорта иностранного кокса без пошлин или по сниженным тарифам. Против этого решительно выступали углепромышленники, доказывая, что более целесообразно импортировать готовый чугун. Любопытно отметить, что углепромышленников поддерживали те металлургические общества, которые располагали собственными угольными копями, в частности, Русско-Бельгийское общество.

Борьба разных групп на съездах горнопромышленников Юга России и внутри Совета съездов в конце концов переросла его старые организационные рамки. На очередь стал вопрос о выработке нового положения о съездах (прежнее положение было утверждено в 1899 г.).

На 30 съезде в докладе комиссии по вопросу о проекте нового положения признавалось обострение конкурентной борьбы между различными группировками промышленников, входивших в состав съезда.

Суть предполагавшейся «реформы» заключалась, во-первых, в том, чтобы организационно оформить фактически существовавшие на съездах группировки и дать им возможность организованно защищать свои отдельные интересы, во-вторых, организованно закрепить господство крупнейших монополистов.

Предусмотренный новым проектом порядок голосования значительно усиливал влияние крупнейших комбинированных фирм на съезде и в его руководящих органах.

Несмотря на то, что проект нового положения неоднократно обсуждался на очередных и экстренных съездах, он так и не был окончательно утвержден вследствие глубоких разногласий между разными группами промышленников. Съезды горнопромышленников Юга России, будучи орудием южных монополий, защищая их общие интересы, в то же время были ареной ожесточенной конкуренции и борьбы различных монополистических групп. Олицетворяя собой связи, существовавшие между разными отраслями южной промышленности, съезды и их орган — Совет съездов вместе с тем являлись ярким выражением тех противоречий, трений, конфликтов, которые характерны для империалистической стадии капитализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги.

1. Весь предыдущий анализ процесса возникновения деятельности и развития монополистических организаций Донбасса и Криворожья полностью подтверждает положение ленинско-сталинской теории о неустраимости конкуренции в эпоху империализма. Как было показано, выросшие из свободной конкуренции монополии Юга России не устранили конкуренцию, а существовали «над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»¹.

Конкуренция аутсайдеров, борьба между различными синдикатскими объединениями, борьба внутри синдикатов и т. д.—таковы наиболее яркие формы проявления тех противоречий, которые, будучи неразрывно связаны с самим процессом монополизации, сопровождали развитие южных горнопромышленных монополий с момента их возникновения.

2. Вскрытые нами при исследовании монополий Юга России формы конкуренции и борьбы интересов различных групп не являются особенностью, свойственной лишь данному району или стране.

Возникнув на базе характерных для монополистического капитализма отношений, они представляются формами, более или менее типичными, и могут быть обнаружены с теми или иными отклонениями в любой развитой капиталистической стране в эпоху господства монополий.

Своекорыстная, антинародная деятельность «Продамета» и «Продугля» по организации «угольно-металлического голода» в стране, их преступная роль в дезорганизации народного хозяйства страны, грабительская политика взвинчивания цен, применяемая синдикатами,— все это свидетельствует о том, что русские монополии носили не менее хищнический

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 253.

характер, чем их зарубежные собратья. История русских синдикатов дает богатейший материал для иллюстрации ленинского тезиса о паразитизме и загнивании капитализма при империализме.

Вместе с тем было выяснено, что большое влияние на формы и характер монополии и конкурентной борьбы в горной и горнозаводской промышленности Донбасса и Криворожья оказали специфические особенности экономического и политического развития России, именно: большой удельный вес иностранного капитала, соединение капитализма в ведущих отраслях промышленности с глубокими пережитками крепостничества в сельском хозяйстве, покровительственная политика царского правительства и т. д.

3. Указанные особенности развития монополистических организаций Юга России приводили к еще большему обострению всех противоречий и антагонизмов, свойственных эпохе империализма. В погоне за наивысшей прибылью монополистический капитал неизмеримо усиливал эксплуатацию, гнет и порабощение широчайших масс пролетариата.

Вместе с ростом крупнокапиталистической промышленности развивался и креп пролетариат — самый передовой, революционный класс.

«Рост и сосредоточенность пролетариата на крупных предприятиях при наличии такой революционной партии, как партия большевиков, превращали рабочий класс России в величайшую силу политической жизни страны»¹.

Одним из славных отрядов рабочего класса России, активным борцом против царизма и капитализма был донецкий пролетариат.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции покончила с господством буржуазии, ликвидировала империализм в нашей стране, привела к коренному перевороту в производственных отношениях. В истории горнопромышленного Юга начался новый этап, превративший старый Донбасс — вотчину иностранного капитала — в крупнейший очаг передовой социалистической индустрии.

---

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 142.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава I.</i> Краткая экономическая характеристика горнопромышленного Юга России в конце XIX века	22
<i>Глава II.</i> Синдикаты в металлургической промышленности Юга России. Конкурентная борьба с внесиндикатскими фирмами	45
<i>Глава III.</i> Конкурентная борьба «Продамета» с металлургической промышленностью Урала и Польши	72
<i>Глава IV.</i> Синдикаты в каменноугольной и железорудной промышленности Юга России. Конкурентная борьба с внесиндикатскими фирмами	84
<i>Глава V.</i> Конкурентная борьба между южными синдикатами и внутри них	99
<i>Глава VI.</i> Организации крупных потребителей и борьба их с монополиями Юга	113
<i>Глава VII.</i> Конкурентная борьба «Продугля» и использование прочих видов топлива	127
<i>Глава VIII.</i> Съезды горнопромышленников Юга России — орудие монополий и арена конкурентной борьбы	140
Заключение	146

Утверждено к печати Институтом экономики Академии Наук СССР

Редактор издательства *В. Д. Колюхов*. Технический редактор *Г. А. Астафьева*

РИСО АН СССР № 66-18В, Т-03121. Издат № 3728. Тип. заказ № 973. Подп. к печ. 7/IV 1953 г.
Формат бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 4,75. Печ. л. 9,25. Уч.-издат. 9,4. Тираж 5000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 5 руб. 65 коп.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10